

МАКСИМ КРОНГАУЗ

РУССКИЙ ЯЗЫК

на грани

первого
срыва

Максим Кронгауз

Русский язык на грани нервного срыва

*Текст предоставлен правообладателем <http://litres.ru/>
Максим Кронгауз. Русский язык на грани нервного срыва: Знак; Языки славянских культур; Москва;
2007
ISBN 5-9551-0176-4*

Аннотация

Начиная с конца 80-х годов русский язык изменяется настолько быстро, что в обществе возникают тревожные, а порой панические настроения. Все чаще говорят не только о порче, но уже и о гибели русского языка. Особенно болезненными оказываются такие темы, как язык интернета, распространение брани, злоупотребления заимствованиями, жаргонизмами и просторечными словами.

Лингвисты не всегда успевают отвечать на запросы общества в сфере языка и коммуникации, не учитывают новых явлений в лексике, грамматике, речевой этикете, предпочитая рассматривать их как обычные нарушения нормы либо не замечая вовсе. Очевидно, назрела необходимость открытого разговора лингвиста с обществом – не в качестве наставника, а в качестве собеседника, понимающего суть проблем и способного к их рациональному анализу, а не только к эмоциональным оценкам.

Такое спокойное, взвешенное и, вместе с тем, заинтересованное обсуждение и предлагается в настоящей книге.

Как уже сказано, книга обращена не к узкому лингвистическому сообществу, а к самому широкому читателю, которого интересует развитие русского языка и его будущее.

Содержание

Заметки просвещенного обывателя	6
Надоело быть лингвистом	6
Мы тоже эскимосы	8
Случаи из жизни	9
Я в принципе не против...	12
Проклятые вопросы	13
Ключевые слова эпохи	14
Курс молодого словца	15
Разговор по понятиям	18
Сделайте мне элитно!	21
Самое правильное слово	24
Невыносимая недоопределенность бытия	32
О чем говорят паразиты	34
Профессиональная конкуренция	36
Риэлторы-шмиэлторы и вопросы языкознания	38
Не кочегары мы, не плотники	41
Задать пиару!	43
Просто я работаю волшебником	45
Недетские игры	47
Украли слово!	49
Монегаски любят зорбинг	52
Кто в доме хозяин	54
Улучшайзинг под контроллингом	56
Семейные ценности	58
Шароварщики, уберсексуалы, трендсеттеры и другие породы людей	60
Глупые числа – 1234...	62
Пункт приема потерянных слов	65
Поговорим об этом вместе	67
Спасатели слов	70
Во власти слов	73
Разделенные одним языком	76
Ни господа, ни товарищи...	77
Просто Мария	79
Спокойной ночи и удачи!	81
Из Европы – с приветом!	83
Чрезмерная вежливость	85
Етикет	87
Основной инстинкт	89
Коллективное остроумие	91
Сбрендили	93
И целого мира мало	95
Ирония по инерции	97
Искусство недопонимания	101
А смысл?	104
Поле брани	109

Блинная тема	112
Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить	113
Правка языка	120
О букве и русском духе	121
Жить по «Правилам», или Право на старописание	123
Размер имеет значение	128
Опечатки с моралью	130
Родная речь как юридическая проблема	132
Какой национальности лицо?	137
Внешняя лингвистическая политика	139
Слово вне закона	141
Послесловие	145

Максим Кронгауз

Русский язык на грани нервного срыва

...ошибки одного поколения становятся признанным стилем и грамматикой для следующих.

И. Б. Зингер

Слаб современный язык для выражения всей грациозности ваших мыслей.

А. Н. Островский

Максим Кронгауз – известный лингвист, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, директор Института лингвистики РГГУ, автор монографий и учебников и в то же время – человек широкого круга интересов, обладающий даром доступно и интересно рассказывать о проблемах науки. Последние 10 лет постоянно участвовал в академических и общественных дискуссиях о состоянии современного русского языка, публиковал статьи на эту тему не только в научных изданиях, но и в средствах массовой информации, в частности в таких авторитетных журналах, как «Новый мир», «Отечественные записки», «Власть», «Harvard Business Review». В 2006 году вел еженедельную колонку в газете «Ведомости», посвященную новым явлениям в русском языке.

Заметки просвещенного обывателя

Надоело быть лингвистом

Я никак не мог понять, почему эта книга дается мне с таким трудом. Казалось, более десяти лет я регулярно пишу о современном состоянии русского языка, выступая, как бы это помягче сказать, с позиции просвещенного лингвиста.¹

В этот же раз откровенно ничего не получалось, пока, наконец, я не понял, что просто не хочу писать, потому что не хочу снова вставать в позицию просвещенного лингвиста и объяснять, что русскому языку особые беды не грозят. Не потому, что эта позиция неправильная. Она правильная, но она не учитывает меня же самого как конкретного человека, для которого русский язык родной. А у этого конкретного человека имеются свои вкусы и свои предпочтения, а также, безусловно, свои болевые точки. Отношение к родному языку не может быть только профессиональным, просто потому, что язык это часть нас всех, и то, что происходит в нем и с ним, задевает нас лично, меня, по крайней мере.²

Чтобы наглядно объяснить разницу между позициями лингвиста и обычного носителя языка, достаточно привести один небольшой пример. Как лингвист я с большим интересом отношусь к русскому мату, считаю его интересным культурным явлением, которое нужно изучать и описывать. Кроме того, я уверен, что искоренить русский мат невозможно ни мягкими просветительскими мерами (то есть внедрением культуры в массы), ни жесткими законодательными. А вот как человек я почему-то очень не люблю, когда рядом ругаются матом. Я готов даже признать, что реакция эта, возможно, не самая типичная, но уж как есть. Таким образом, как просвещенный лингвист я мат не то чтобы поддерживаю, но отношусь к нему с интересом, пусть исследовательским, и с определенным почтением как к яркому языковому и культурному явлению, а вот как, чего уж там говорить, обыватель мат не люблю и, грубо говоря, не уважаю. Вот такая получается диалектика.

Следует сразу сказать, что, называя себя обывателем, я не имею в виду ничего дурного. Я называю себя так просто потому, что защищаю свои личные взгляды, вкусы, привычки и интересы. При этом у меня, безусловно, есть два положительных свойства, которыми, к сожалению, не всякий обыватель обладает. Во-первых, я не агрессивен (я – не воинствующий обыватель), что в данном конкретном случае означает следующее: я не стремлюсь запретить все, что мне не нравится, я просто хочу иметь возможность выражать свое отношение, в том числе и отрицательное, не имея в виду никаких дальнейших репрессий или даже просто законов. Во-вторых, я – образованный обыватель, или, если еще снизить пафос, грамотный, то есть владею литературным языком, его нормами и уважаю их. А если, наоборот, пафосу добавить, то получится, что я своего рода просвещенный обыватель.

Вообще, как любой обыватель, я больше всего ценю спокойствие и постоянство. А резких и быстрых изменений, наоборот, боюсь и не люблю. Но так уж выпало мне – жить в эпоху больших изменений. Прежде всего, конечно, меняется окружающий мир, но брюзжать

¹ Если коротко, эта позиция заключается в том, что для русского языка не страшны ни поток заимствований и жаргонизмов, ни вообще те большие и, главное, быстрые изменения, которые в нем происходят. Русский язык «переварит» все это, что-то сохранив, что-то отбросив, выработает, наконец, новые нормы, и на место хаоса придет стабильность. Кроме того, даже в хаосе можно найти положительные стороны, поскольку в нем ярко реализуются творческие возможности языка, несдерживаемые строгими нормами.

² Точнее всего об этом сказал Николай Глазков, которого я уже когда-то цитировал, но избежать цитаты и в этот раз не получится: Я на мирзираю из-под столика: Век двадцатый, век необычайный. Чем он интересней для историка, Тем для современника печальней. Если использовать его слова, то хватит уже быть историком, пора залезать под стол.

по этому поводу как-то неприлично (тем более что есть и приятные изменения), а кроме того, все-таки темой книги является язык. Может ли язык оставаться неизменным, когда вокруг меняется все: общество, психология, техника, политика?

МЫ ТОЖЕ ЭСКИМОСЫ

Как-то, роюсь в интернете, на lenta.ru я нашел статью об эскимосах, часть которой я процитирую:³

«Глобальное потепление сделало жизнь эскимосов такой богатой, что у них не хватает слов в языке, чтобы давать названия животным, переселяющимся в полярные области земного шара. В местном языке просто нет аналогов для обозначения разновидностей, которые характерны для более южных климатических поясов.

Однако вместе с потеплением флора и фауна таежной зоны смещается к северу, тайга начинает теснить тундру и эскимосам приходится теперь ломать голову, как называть лосей, малиновок, шмелей, лосося, домовых сычей и прочую живность, осваивающую заполярные области.

Как заявила в интервью агентству Reuters председатель Эскимосской Полярной конференции Шейла Уотт-Клутье (Sheila Watt-Cloutier), чья организация представляет интересы около 155 тысяч человек, «эскимосы даже не могут сейчас объяснить, что они видят в природе». Местные охотники часто встречаются незнакомых животных, но затрудняются рассказать, так как не знают их названия.

В арктической части Европы вместе с распространением березовых лесов появились олени, лоси и даже домовые сычи. «Я знаю приблизительно 1200 слов для обозначения северного оленя, которых мы различаем по возрасту, полу, окрасу, форме и размеру рогов, — цитирует Reuters скотовода саами из северной Норвегии. — Однако лось у нас называют одним словом „елг“, но я всегда думал, что это мифическое существо».⁴

Эта заметка в общем-то не нуждается ни в каком комментарии, настолько все очевидно. Все мы немного эскимосы, а может быть, даже и много. Мир вокруг нас (неважно, эскимосов или русских) изменяется. Язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестает выполнять свою функцию. Мы не сможем говорить на нем об этом мире просто потому, что у нас не хватит слов. И не так уж важно, идет ли речь о домовых сычах, новых технологиях или новых политических и экономических реалиях.

Итак, объективно все правильно, язык должен меняться, и он меняется. Более того, запаздывание изменений приносит обывателям значительное неудобство, так, «эскимосы даже не могут сейчас объяснить, что они видят в природе». Но и очень быстрые изменения могут мешать и раздражать. Что же конкретно мешает мне и раздражает меня?

³ Некоторые странности статьи, посвященной эскимосам, но почему-то вдруг рассказывающей о саами, оставим на совести авторов. В данном случае точность не так уж важна.

⁴ Про мифическое существо сказано настолько хорошо, что хочется поискать аналогии и в нашей жизни. И они находятся в самых разных ее областях. Ну ведь правда, еще в 1984 году казалось, что слова *путч*, *цунами* или, прошу прощения, *стриптиз* к нашей действительности отношения не имеют, а и они, и многие другие так или иначе вошли в нее.

Случаи из жизни

Проще всего начать с реальных случаев, а потом уж, если получится, обобщить их и поднять на принципиальную высоту. Конечно, все эти ситуации вызывают у меня разные чувства – раздражение, смущение, недоумение. Я просто хочу привести примеры, вызвавшие у меня разной степени языковой шок, потому и запомнившиеся.

Случай первый

На одном из семинаров мы беседуем со студентами, и один вполне воспитанный юноша в ответ на какой-то вопрос произносит: «Ну, это же, как ее, блин, интродукция». Он, конечно, не имеет при этом в виду обидеть окружающих и вообще не имеет в виду ничего дурного, но я вздрагиваю. Просто я не люблю слово *блин*. Естественно, только в его новом употреблении как междометие, когда оно используется в качестве замены сходного по звучанию матерного слова. Точно так же я вздрогнул, когда его произнес актер Евгений Миронов при вручении ему какой-то премии (кажется, за роль князя Мышкина). Объяснить свою неприязненную реакцию я, вообще говоря, не могу. Точнее, могу только сказать, что считаю это слово вульгарным (замечу, более вульгарным, чем соответствующее матерное слово), но подтвердить свое мнение мне нечем, в словарях его нет, грамматики его никак не комментируют. Но когда это слово публично произносят воспитанные и интеллигентные люди, от неожиданности я все еще вздрагиваю.

Случай второй

Тут я не одинок, тут я вместе со своей страной периодически вздрагиваю от слов наших политиков.

Вообще-то мы не очень запоминаем то, что говорят политики, наши президенты в частности. Если порыться в памяти, то в ней хранятся сплошные анекдоты. От Горбачева, например, остались глагол *начатьс* ударением на первом слоге, слово *консенсус*, исчезнувшее вскоре после завершения его президентства, и странное выражение *процесс пошел*. От Ельцина остались *загогулина* и *неправильно сидим*, связанные с конкретными ситуациями, да словцо *понимаешь*. А главной фразой Путина, по-видимому, навсегда останется – *мочить в сортире*. Рекомендация сделать обрезание, данная на пресс-конференции западному журналисту, все-таки оказалась менее выразительной, хотя тоже запомнилась. Как и в случае с Ельциным, запомнились фразы в каком-то смысле неадекватные, не соответствующие даже не самой ситуации, а статусу участников коммуникации, прежде всего самого президента. Если говорить проще, президент страны не должен произносить таких фраз. В отличие от «бушизмов», которые так любят американцы, то есть нелепостей, произнесенных Бушем, Путин произносит более чем осмысленные фразы и даже соответствующий стиль выбирает, по-видимому, вполне сознательно. Впрочем, примеры с Путиным, конечно же, не уникальны. Они в значительной степени напоминают хрущевскую *Кузькину мать*, не только саму фразу, но и всю ситуацию, естественно.

Случай третий

После долгого отсутствия в России я бреду с дочерью по Даниловскому рынку в поисках мяса и натыкаюсь на броскую вывеску-плакат, такую растяжку над прилавком: «Эксклюзивная баранина».

– Совсем с ума посходили, – громко и непедagogично говорю я.

– А что тебе, собственно, не нравится, папа? – удивляется моя взрослая дочь.

– Да нет, нет, – успокаиваю я то ли ее, то ли себя. – Так, померещилось.

Естественно, что позднее, увидев в объявлении о продаже машины фразу: «Машина находится в эксклюзивном виде», я уже не высказал никаких особенных эмоций. Сказался полученный языковой опыт.

Похожую эволюцию прошло и слово *элитный*. От *элитных сортов пшеницы* и *элитных щенков* мы пришли к следующему объявлению (из электронной рассылки): «Элитные семинары по умеренным ценам».

Если говорить совсем просто, то мне не нравится, что некоторые вполне известные мне слова так быстро меняют значения.

Случай четвертый

Не люблю, когда я не понимаю отдельных слов в тексте или в чьей-то речи. Даже если я понимаю, что это слово из английского языка и могу вспомнить, что оно там значит, меня это раздражает. Позавчера я споткнулся на *стриптрейсерах*, вчера – на *трендсеттерах*, сегодня – на *дауншифтерах*, и я точно знаю, что завтра будет только хуже.

К заимствованиям быстро привыкаешь, и уже сейчас трудно представить себе русский язык без слова *компьютер* или даже без слова *тиар* (хотя многие его и недолюбливают). Я, например, давно привык к слову *менеджер*, но вот никак не могу разобраться во всех этих *сейлзменеджерах*, *акаунтменеджерах* и им подобных. Я понимаю, что без «специалиста по недвижимости» или «специалиста по порождению идей» не обойтись, но ужасно раздражает, что одновременно существуют *риэлтор*, *риелтор*, *риэлтер* и *риелтер*, а также *криэйтор*, *криейтор* и *креатор*. А лингвисты при этом либо просто не успевают советовать, либо дают взаимоисключающие рекомендации.

Когда-то я с легкой иронией относился к эмигрантам, приезжающим в Россию и не понимающим некоторых важных слов, того же *тиара* скажем. И вот теперь я сам, даже никуда не уезжая, обнаружил, что некоторые слова я не то чтобы совсем не понимаю, но понимаю их только потому, что знаю иностранные языки, прежде всего английский.

Мне, например, стало трудно читать спортивные газеты (почему-то спортивные журналисты особенно не любят переводить с английского на русский, а предпочитают сразу заимствовать). В репортажах о боксе появились загадочные *панчеры* и *крузеры*, в репортажах о футболе – *дерби*, *легионеры*, *монегаски* и *манкунианцы*.⁵ Да что говорить, я перестал понимать, о каких видах спорта идет речь. Я не знал, что такое *кёрлинг*, *кайтинг* или *банджи-джампинг* (теперь знаю). Окончательно добил меня хоккейный репортаж, в котором было сказано о канадском хоккеисте, забившем гол и сделавшем две *ассистенции*. Поняв, что речь идет о голевых пасах (или передачах), я, во-первых, поразился возможностям языка, а во-

⁵ Последние столь загадочны, что хочется сразу объяснить, кто это. Однако, чтобы сохранить интригу, делать этого не буду. Всему свое время.

вторых, разозлился на журналиста, которому то ли лень было перевести слово, то ли, как говорится, «западло». Потом я, правда, сообразил, что был не вполне прав не только по отношению к эмигрантам, но и к спортивному журналисту. Ведь глагол *ассистировать* (в значении «делать голевой пас»), да и слово *ассистент* в соответствующем значении, уже стали частью русской спортивной терминологии. Так чем хуже *ассистенция*? Но правды ради должен сказать, что более я этого слова не встречал.

Случай пятый

Во время сессии ко мне пришли две студентки, не получившие зачет, и сказали: «Мы же реально готовились». Тогда не поставлю, – ответил я, поддавшись эмоциям. Я люблю своих студентов, но некоторые их слова меня реально раздражают. Вот краткий список: *блин* (см. выше), *в шоке*, *вау*, *по жизни*, ну, и само *реально*, естественно. Дорогие студенты, будьте внимательны, не употребляйте их в сессию.

Я в принципе не против...

Пожалуй, этих примеров более чем достаточно (на самом деле таких ситуаций было намного больше). Думаю, что почти у каждого, кто обращает внимание на свой язык, найдутся претензии к сегодняшнему его состоянию, может быть, похожие, может быть, какие-то другие (вкусы ведь у нас у всех разные, в том числе и языковые).

Итак, как же все-таки сформулировать эту самую мою обывательскую позицию и суть моих претензий?

Я, в принципе, не против сленга (и других жаргонов). Я просто хочу понимать, где граница между ним и литературным языком. Ну, я-то, скажем, это понимаю, потому что раньше, когда я еще только овладевал языком, сленг и литературный язык «жили» в разных местах. А вот, как говорится, «нонешнее» поколение, то есть люди до двадцати пяти, не всегда могут их различить и, например, не понимают языковой игры, основанной на смешении стилей, которая так характерна для русской литературы.

Я, в принципе, не против брани. То есть если мне сейчас дать в руки волшебную палочку и сказать, что одним взмахом я могу ликвидировать брань в русском языке или, по крайней мере, русский мат, я этого не сделаю. Просто испугаюсь. Ведь ни один язык не обходится без так называемой обсценной лексики, значит, это кому-то нужно. Другое дело, что чем грубее и оскорбительнее брань, тем жестче ограничения на ее употребление. То, что можно (скорее, нужно) в армии, нельзя при детях, что можно в мужской компании, нельзя при дамах, ну и так далее. Поэтому, например, мат с экрана телевизора свидетельствует не о свободе, а о недостатке культуры или просто о невоспитанности.

Я, в принципе, не против заимствований, я только хочу, чтобы русский язык успевал их осваивать, я хочу знать, где в них ставить ударение и как их правильно писать.

Я, в принципе, не против языковой свободы, она способствует творчеству и делает речь более выразительной. Мне не нравится языковой хаос (который вообще-то является ее обратной стороной), когда уже не понимаешь, игра это или безграмотность, выразительность или грубость.

Кроме сказанного, у меня есть одно важное желание и одно, так сказать, нежелание.

Главное мое желание состоит в том, что я хочу понимать тексты на русском языке, то есть знать слова, которые в них используются, и понимать значения этих слов. Грубо говоря, я не хочу проснуться как-то утром и узнать, что, ну, для примера, слово *стул* модно теперь употреблять в совсем другом смысле. Увы, но пока я часто при чтении сегодняшних текстов использую стратегию неполного понимания, то есть стараюсь уловить главное, заранее смиряясь с тем, что что-то останется непонятым. Что же касается «нежелания», то о нем чуть дальше.

Проклятые вопросы

Ну вот, высказался, и вроде полегче стало. Другое дело, что читатель, дочитав до этого места, может спросить, кто во всем этом безобразии виноват и что именно я предлагаю. Здесь, если быть последовательным, можно ответить, что как обыватель я ведь ничего конструктивного предлагать и не должен. Немое это дело.

Но можно поступить иначе и выпустить на свободу временно подавленного во мне лингвиста. И пусть поговорит о сегодняшнем русском языке, причем не в жанре «давайте говорить правильно» (как чаще всего бывает на радио и телевидении) или, по крайней мере, не только в нем, а, скорее, в жанре наблюдений над тем, как мы говорим на самом деле, что, как ни удивительно, интересно очень и очень многим.

В России, в любой ситуации, сразу задавая главные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?», часто забывают поинтересоваться: «А что, собственно, случилось?» А случилась как раз гигантская перестройка (слово горбачевской эпохи сюда, безусловно, подходит) языка под влиянием сложнейших социальных, технологических и даже природных изменений. И выживает тот, кто успевает приспособиться. Русский язык успел, хотя для этого ему пришлось сильно измениться. Как и всем нам. К сожалению, он уже никогда не будет таким, как прежде. Но, как сказал И. Б. Зингер: «...ошибки одного поколения становятся признанным стилем и грамматикой для следующих». И дай-то Бог, чтобы из наших ошибок вышла какая-нибудь грамматика. И мне, раздраженному обывателю, надо будет с этим смириться, а может, даже этим и гордиться.

В любом случае у живших в эпоху больших перемен есть одно очевидное преимущество. Им есть что вспомнить.

Ключевые слова эпохи

Появление новых слов или новых значений у старых слов означает, что мир вокруг нас изменился. В нем либо появилось что-то новое, либо что-то существующее стало важным настолько, что язык (а в действительности мы сами) создает для него имя. В последнее время в русском языке появилось столько новых слов, что лингвисты не успевают следить за ними и издавать словари, а обычные люди часто просто не понимают, о чем идет речь.

Слова появляются по отдельности, группами, а иногда очень большими группами. Последнее самое интересное, поскольку речь в этом случае идет о значительном изменении среды, о некоей волне изменений, накрывающей наше общество. Можно отметить по крайней мере несколько таких больших волн новых слов и значений, возникших на рубеже веков, а возможно, продолжающихся и дальше.

После перестройки мы пережили минимум три словесных волны: бандитскую, профессиональную и гламурную, а в действительности прожили три важнейших одноименных периода, три, если хотите, моды, разглядеть которые позволяет наш родной язык. Про эти периоды можно философствовать бесконечно, можно снимать фильмы или писать романы, а можно просто произнести те самые слова, и за ними встанет целая эпоха. Это тоже философия, но философия языка. Глупо говорить о его засоренности, глупо вообще пенять на язык, коли жизнь у нас такая. И надо быть терпимее и помнить, что слова суть отражения.

Курс молодого словца

Самое заметное из изменений, происходящих в языке, – это появление новых слов и – чуть менее яркое – появление новых значений. Новое слово попробуй не заметить! Об него, как я уже говорил, сразу спотыкается взгляд, оно просто мешает понимать текст и требует объяснений, и вместе с тем в новых словах часто скрыта какая-то особая привлекательность, обаяние чего-то тайного, чужого. А вот откуда в языке появляются новые слова и новые значения?

Как-то принято считать, что русский язык, если ему не хватает какого-то важного слова, просто одалживает его у другого языка, прежде всего у английского. Ну, например, в области компьютеров и интернета, казалось бы, только так и происходит. Слова *компьютер*, *монитор*, *принтер*, *процессор*, *сайт*, *блог* и многие другие заимствованы из английского. Однако это – заблуждение, точнее говоря, дело обстоит не совсем так или, по крайней мере, не всегда так. Это можно показать на примере своего рода IT-зверинца.⁶ Названия трех животных – *мышь*, *собачка* и *хомяк* – приобрели новые «компьютерные» значения, причем совершенно разными путями.

Ну, с *мышью* все понятно, это значение всем хорошо известно и уже отмечено в словарях («специальное устройство, позволяющее управлять курсором и вводить разного рода команды»). В русском языке это так называемая калька с английского, то есть новое значение появилось у соответствующего названия животного именно в английском языке, а русский просто добавил его к значениям *мышь*. Компьютерная мышь вначале была действительно похожа на обычную и по форме, и по хвосту-проводу, и по тому, как бегала по коврику. Сейчас компьютерные мыши довольно сильно удалились от прототипа, но значение уже прочно закрепилось в языке.

А вот *собачку* в качестве названия для @, значка электронной почты, придумал сам русский язык (точнее, неизвестный автор, или, как в таких случаях говорят, народ). Опять же подобрал нечто похожее, изобрел новую метафору, хотя, надо сказать, сходство с собачкой весьма сомнительно. Я сначала не мог ответить на вопрос, который часто задают иностранцы, – почему именно собака, а потом придумал будку с собакой на длинной цепи, и это почему-то помогает, создает некий образ. Иностранцы поначалу недоумевают, но потом обреченно принимают странную русскую метафору. Вообще, многие языки называют этот значок именем животного: итальянский видит здесь улитку, немецкий – обезьянку, финский – кошку, китайский – мышку, в других языках мелькают хоботы и свинячьи хвосты. А собачку заметили только мы, такой вот особый русский взгляд.

Совершенно другим, но тоже особым путем пошли французы (правда, вместе с испанцами и португальцами), который удивительным образом демонстрирует возможности сегодняшнего государственного регулирования языка. Приведу фрагмент информационной заметки в интернете по этому поводу:

«Генеральный комитет Франции по терминологии официально одобрил несколько неологизмов, связанных с интернетом, и официально включил их в состав французского языка, сообщает Компьюлента. Новые слова введены вместо англоязычных заимствований и призваны сохранить чистоту французского языка. Теперь использование новых слов на французских сайтах и в прессе является предпочтительным по отношению к английским терминам или их переводам».

Наиболее интересным является новое французское название для символа @ – обязательного элемента любого адреса электронной почты. По-английски этот символ обычно

⁶ Или, говоря по-русски, информационно-технологического зверинца.

читается как «at», а по-русски его называют «собакой». Французы же отныне обязаны читать этот символ как *arobase*. Это название происходит от старинной испанской и португальской меры *arrobe*, которая в свое время обозначалась именно обведенной в круг буквой «a». Ее название в свою очередь происходит от арабского «ар-руб», что означает «четверть».

И далее:

«Интересно, что пять лет назад Генеральному комитету по терминологии не удалось добиться замены англоязычного термина *e-mail* на французское слово *mel*».

Как показывает последнее замечание, у государственного регулирования (даже французского) есть определенные границы, но даже и то, что произошло с символом электронной почты, впечатляет. Представить себе, что, скажем, Академия наук РФ постановила называть этот значок так-то и так-то, а русский народ это покорно выполнил, довольно трудно.

Наконец, третье слово – *хомяк* – предлагает третий способ появления значения, правда, не в литературном языке, а, скорее, в интернет-жаргоне. В этом случае происходит как бы заимствование иноязычного выражения (*home page*), а его звуковой облик, отчасти искажаясь, сближается с уже существующим русским словом. То есть берется самое похожее по звучанию русское слово, и ему присваивается новое значение. Это не вполне заимствование, хотя влияние английского языка очевидно. Важно, что никакой связи со значением слова *хомяк* не существует, а есть только связь по звучанию. Фактически речь идет об особой языковой игре, похожей на каламбур. Эта игра оказалась чрезвычайно увлекательной, и в результате постоянно возникают все новые и новые жаргонизмы. Самые известные среди них связаны с электронной почтой: *мыло* (собственно электронная почта, или соответствующий адрес) и *емелить* (от личного имени Емеля; посылать электронную почту). Появление этих слов вызвано исключительно фонетическим сходством с английским *e-mail*. Особенно часто происходит, как и в случае с Емелей, сближение с личными именами: *аська* (англ. ICQ) или *клава* (от клавиатура).

Такая игра случается и за пределами компьютерной области. В речи продавцов одежды, а затем и покупателей какое-то время назад стали встречаться слова *элочка* (вариант – *элочка*) и *эмочка*, на звуковом уровне совпадающие с ласкательными именами собственными. Это разговорные обозначения размеров одежды «L» и «M». По-видимому, существует, хотя и встречается значительно реже, слово *эсочка* (для «S»). С большой вероятностью именно совпадение с существующими именами собственными способствовало появлению таких уменьшительных слов. Сравнительно недавно появилось, хотя и не стало очень употребительным, слово *юрики*, обозначающее новую европейскую валюту – евро – и восходящее к английскому произношению.

Распространена эта фонетическая игра и среди любителей машин. Так образуются разговорные названия как автомобильных марок, так и отдельных моделей. Мерседес уже давно называют *мерином*, здесь, правда, суть дела не исчерпывается только фонетическим сходством, но об этом чуть позже. На форумах автомобилистов в интернете мне встречалось слово *поджарый*, которое я не сразу сопоставил с моделью *Pajero Mitsubishi*.

Обилие примеров показывает, что это уже не случайная игра, а нормальный рабочий механизм, характерный для русского языка, точнее, для его жаргонов. Более того, он демонстрирует две очень ярких черты русского языка, и хотя бы поэтому не стоит относиться к этим словам с пренебрежением («фу, какие нелепые словечки!»).

Во-первых, это прекрасное подтверждение творческого характера русского языка в целом, а не только отдельных его представителей – писателей, журналистов и деятелей интернета. Эта «креативность», по существу, встроена в русскую грамматику, то есть доступна всем. Как говорится, пользуйся не хочу. Справедливости ради скажем, что некоторые пуристы этим никогда не пользуются.

Во-вторых, из всего сказанного видно, что опасность гибели русского языка от потока заимствований сильно преувеличена. У него есть очень мощные защитные ресурсы. И состоят они не в отторжении заимствований, а в их скорейшем освоении. Если посмотреть на последние примеры, можно сказать даже об особом «одомашнивании» отдельных приглянувшихся иностранных слов.

Впрочем, не надо думать, что такой способ образования новых слов появился совсем недавно и что он используется только при заимствовании. Так, например, москвичи уже давно «одомашнивают» и «одушевляют» бездушные названия маршрутов общественного транспорта: отсюда знаменитая *аннушка* – трамвай маршрута «А» – и менее известная *букашка* – название троллейбуса «Б».

Разговор по понятиям

В последнее время почти любая беседа о русском языке сводится к его порче. Спор об этом ведется, как правило, скорее на эмоциональном уровне, но все же существует несколько постоянных аргументов. И в качестве одного из главных приводится появление в языке большого числа «бандитских» слов. Для солидности даже говорят о «криминализации» языка. Борцы за чистоту речи требуют чистки лексикона, запрета жаргонов, в первую очередь, конечно, бандитского, и прочих карательных мер. Очевидно, что с самим фактом частого употребления в речи таких новых (и старых в новых значениях) слов, как *беспредел*, *отморозок*, *наезд*, *крыша*, *стрелка*, *кинуть* ит. д., не поспоришь. Но вот говорить о порче языка, мне кажется, не стоит. Впрочем, без анекдотов тут не разобраться.

Удивительно (или неувидительно), но язык новых русских сразу привлек к себе внимание общества, что выразилось в большом количестве анекдотов о нем. Причем многие анекдоты имитировали тексты из грамматик и учебников, так сказать, «новорусского» языка. Вот несколько анекдотов просто для примера.⁷

Анекдот 1. Бригадир учит новичков: «Распальцовка бывает вертикальная, горизонтальная, фронтальная и чисто беспорядочная...»

Анекдот 2. Параграф из нового учебника русского языка.

Для образования существительного от глагола с ударными окончаниями – *ать*, – *ить*, – *ять* и – *еть* необходимо к глаголу в прошедшем времени единственного числа добавить окончание – *ово*: *вязать* – *вязалово*, *кидать* – *кидалово*, *бубнить* – *бубнилово*, *ходить* – *ходилово*, *гулять* – *гулялово*, *стрелять* – *стрелялово*, *сидеть* – *сиделово*, *смотреть* – *смотрелово*.

Исключение.

Следует запомнить глагол, от которого существительное образуется чисто в виде исключения: *гнать* – *гониво*.

Анекдот 3. Правило из учебника по новому русскому языку для пятого класса: «Слово *чисто* является вводным и выделяется запятыми в тех случаях, когда его можно заменить на словосочетание *в натуре*».

Не знаю, насколько это смешно, но с лингвистической точки зрения довольно наблюдательно. Правда, это можно было бы отнести к жанру «записок натуралиста», все-таки культурные люди так не говорят. Да нет, если подумать, то иногда и говорят.

Есть две вещи, о которых важно сказать. Первая и, на мой взгляд, очевидная: язык нужен нам, чтобы говорить об окружающей нас действительности. Конечно, и о вечном тоже, и еще стихи сочинять, и копить информацию, но все-таки... Прежде всего мы хотим говорить о том, что происходит с нами здесь и сейчас. И когда окружающая действительность (это самое «здесь и сейчас») резко меняется, нам порой не хватает слов для разговора о ней. Хорош тот язык, которому удастся быстро компенсировать этот недостаток. Русскому языку разными способами, но все же удалось. Было бы лицемерием говорить о том, что бандитский период нашей жизни – 90-е годы, которым посвящены известные романы и киносаги, – не существовал. Некоторые считают, что он до сих пор не закончился, но, по крайней

⁷ Я не большой любитель травить анекдоты, но, пожалуй, пару раз еще вернусь к этому жанру, такова уж наша культурная традиция.

мере, самые яркие внешние приметы: типажи, распальцовка, красные пиджаки и подобное – ушли в прошлое. А вот слова остались. Почему? И это второе, о чем стоит сказать.

Попытаемся посмотреть на эти слова без предвзятости. Они чрезвычайно любопытны и интересны с точки зрения лингвиста. Среди них почти нет заимствований. В голову сразу приходят, пожалуй, только *киллер* и *рэкет* вместе с *рэкетиром*. И это несмотря на то, что «новый русский» бандитский мир очевидным образом формировался под влиянием американской гангстерской мифологии.⁸ Уже давно отнесенные к классике фильмы «Крестный отец» или «Однажды в Америке» стали образцами, без которых не возникли бы русские «Бригада» или «Бумер». Среди этой лексики довольно мало слов, пришедших из классической блатной фени (таких, например, как *лох* или *кинуть*). Надо, впрочем, честно признать, что происхождение многих слов достоверно проследить не удастся, хотя почти каждому из них сопутствует своя лингвистическая легенда.

В целом это достаточно новый и живой, то есть обновляющийся, употребительный и довольно привлекательный, жаргон. Новые значения появляются, в частности, благодаря ярким метафорам: та же *крыша* хотя бы. Для *крыши* главной оказывается идея защиты, обычная крыша защищает дом, а «крыша современная» защищает бизнесмена и его дело. Не менее интересно выражение *фильтруй базар*, где столкнулись, казалось бы, несовместимые старый и современный языковые пласты: *базарить* и *фильтровать*. Новые же слова возникают благодаря мощному и продуктивному словообразованию. Ведь в самих моделях, по которым образованы слова *беспредел*, *отморозок* (здесь задействована еще и метафора – переход от замороженного состояния к отмоороженному, то есть ничем не скованному), *наезд* и *распальцовка*, нет ничего дурного. Кстати, слово *наезд* существовало и в древнерусском языке, а сама приставочная модель, с помощью которой возникает новое слово, прекрасно сохранилась в слове *набег*. Конечно, это не древнерусское слово сохранилось, пройдя через века, а просто язык по существующей модели создал это слово заново примерно с тем же смыслом, но применительно к новой действительности. Если раньше *наезд* осуществлялся на конях, то теперь, по-видимому, на *меринах*. Кстати, жаргонное название мерседеса появилось, как я уже сказал раньше, прежде всего из-за звукового сходства, но не только. Это вдобавок еще и метафора, которая подчеркивает связь автомобиля и лошади, их общую «транспортную» функцию.

Пожалуй, самое интересное состоит в том, что многие из «бандитских» слов оказались востребованы языком и после того, как сама бандитская действительность если не исчезла, то хотя бы затухала, стала менее заметной. И часто именно это вменяется языку в вину. Вначале он с помощью этих слов описывал бандитскую действительность, а сейчас что?

Употребление этих слов отчасти можно списать на моду, причем, действительно, на моду, на мой взгляд, не слишком приятную. Многие люди (не-бандиты) научились разговаривать так как бы шутя и иронизируя, а отучиться никак не могут, тем более что бандитский жаргон успешно мутировал, смешавшись с «новым русским» языком чиновников и бизнесменов, в котором фигурируют такие слова и выражения, как *коммерсы*, *откаты* и *пилить бюджет*. Короче, жаргон соответствует социальному прогрессу – от периода начального накопления капитала к периоду государственного капитализма и государственной коррупции. В этом случае как нельзя лучше подходит совет *фильтровать базар*, – но только вряд ли к нему прислушаются.

Самой же любопытной оказалась судьба нескольких слов, которые из разряда бандитских перешли в общепотребительные.

⁸ Кстати, выражение *новый русский*, во многом определившее эту эпоху, было введено в газете «Коммерсант» в 1992 году. Легенда приписывает его изобретение основателю газеты В. Е. Яковлеву. Но независимо от того, верна ли легенда, можно предположить, что автор или авторы этого выражения были знакомы с книгой американского журналиста Хедрика Смита и, возможно, вдохновлены ею. Книга эта (Hedrick Smith, The New Russians) появилась в 1990 году.

Я еще помню те времена, когда мои весьма культурные знакомые, морщась, спрашивали: «Отморозок, а что это такое? Фу, как грубо!» А сейчас милейшая интеллигентная дама, ни секунды не задумавшись, реагирует на какую-то мою безобидную фразу: «Ну, это уже наезд! Как ты смеешь!» Эти слова, поначалу воспринимаемые как нечто чуждое литературному языку (этакие кадры из бодрого боевика), расширили свое значение и стали привычны в речи образованного человека.

Часто они заполняют определенную лакуну в литературном языке, то есть выражают важную идею, для которой не было отдельного слова. Такими словами оказались, например, *достать* и *наезд*. Они стали очень популярны и постоянно встречаются в устном общении, хотя бы потому, что точнее одним словом не скажешь. Кроме всего прочего, в них есть экспрессия и особая эмоциональная сила, характерная для многих жаргонизмов. Особенно же меня впечатлил «карьерный взлет» еще одного подобного слова: в заявлении МИДа встретилось выражение *акт террористического беспредела*. Поразительно, как легко слово *беспредел* преодолело лагерные границы (ведь изначально это слово описывало особую ситуацию в лагере, когда нарушаются неписанные лагерные правила) и вошло в официальный язык.

Бороться с подобным «обогащением» русского языка абсолютно бессмысленно, тем более что оно представлено единичными явлениями. Оно, скорее, даже полезно. Большинство же «бандитских» слов уйдут, как только исчезнет потребность в них и схлынет мода. Остается дожидаться...

Сделайте мне элитно!

Я хочу жить в элитной квартире со стильной мебелью, носить эксклюзивные часы и актуальную прическу, читать реальную рекламу и смотреть исключительно культовые фильмы. Вот тогда я буду правильным пацаном, тьфу на вас... продвинутым менеджером. Этим длинным высказыванием я пытаюсь перейти к гламурной волне. Гламурные слова, конечно, не такая компактная область, как слова бандитские.

Трудно провести четкую границу между, скажем, гламурным и молодежным жаргонами. Они постоянно перетекают друг в друга. Слово *тусовка* изначально появилось в молодежном жаргоне, потом стало гламурным и, по существу, общеупотребительным. А слово *зажигать* в значении «развлекаться», кажется, сначала появилось в глянцевых и прочих журналах, и только потом вошло в молодежный обиход. Впрочем, за последнее не ручаюсь. Да и приход гламурных слов растянулся надолго и, на самом деле, до сих пор продолжается.

Само слово *гламур* пришло к нам из английского языка – *glamour* – и успешно конкурирует со словом *глянец*, потихоньку вытесняя его из языка (по крайней мере в одном значении). *Глянец* было заимствовано раньше из немецкого языка, в котором соответствующее слово *Glanz* значило просто «блеск». Глянцевыми стали называть журналы с блестящей обложкой, а уж затем значение расширилось, и речь пошла о принадлежности к определенной массовой культуре, пропагандируемой «глянцевыми журналами», то есть журналами с той самой блестящей обложкой, но, главное, – журналами совершенно определенного содержания: о моде, о новом стиле жизни. Слово *гламурный* описывает вроде бы ту же самую журнальную культуру, но в большей степени раскрывает ее суть, ведь в английском оно изначально связано с чарами и волшебством (таково его первое и исходное значение). Возможно, поэтому оно сочетается с большим кругом слов. Скажем, журналы можно называть и глянцевыми, и гламурными, а вот *глянцевые женщины* мне что-то не попадались. *Гламурные* же иногда встречаются, причем не только на страницах журналов, но и в жизни.

В гламурных текстах совершенно особую роль играют оценочные слова, прежде всего прилагательные и наречия. Причем если в речи в целом, и этот факт лингвисты заметили уже давным-давно, гораздо больше слов с отрицательным значением вообще и с отрицательной оценкой в частности, то здесь используется исключительно положительная оценка. Без позитивного настроения, конечно, и в обычной речи не обойдешься, но в рекламно-гламурно-глянцевом языке эти слова просто самые главные. Понятно, что в этом дивном, волшебном мире все не просто хорошо, все очень хорошо, а язык немножко смахивает на крикливого торговца, который все нахваливает свой товар.

Что же это за язык? Полистайте глянцевые журналы, послушайте болтовню светской тусовки или щебет милейших корпоративных девушек в кафе, взгляните на рекламные тексты или просто на вывески, от которых лингвисту так трудно оторваться, – и вы поймете, о чем я. Кого-то этот язык раздражает, кого-то смешит, а кто-то без него уже не может, наконец, просто иначе не умеет.

Пожалуй, одним их самых ярких примеров модной оценки стали слова *элитный* и *эксклюзивный*. Еще лет пятнадцать назад слово *элитный* сочеталось с сортами пшеницы или щенками, ну, на худой конец, с войсками, и подразумевало отбор, селекцию лучших образцов. Затем оно стало понемногу вытеснять из языка слово *элитарный* («предназначенный для элиты»), и возникли *элитное жилье* и *элитные клубы*. А затем началось форменное безобразие. Появилось даже *элитное белье* и *элитные кресла*! Ну не бывает особого белья и особых кресел для какой бы то ни было элиты, политической ли, интеллектуальной ли! Есть просто очень дорогое белье, ну и ладно, соглашусь, качественное. Этот смысловой переход, впрочем, очень понятен и легко объясним. Элита у нас все больше понимается в эконо-

мическом смысле, исходя из принципа «Если ты такой умный, что же ты такой бедный?». Иначе говоря, *элита* все чаще означает просто «богатые люди». Тем самым элитные вещи – это вещи, предназначенные для богатых, а значит – дорогие. И все-таки разница между старым нормативным значением («полученный в результате селекции») и новым употреблением настолько велика, что порой вызывает улыбку.

Недавно на Садовом кольце я обратил внимание на вывеску – «Элитные американские холодильники». Если вы улыбнулись, значит, не все еще потеряно. Если нет, просто отложите книгу в сторону, мы вряд ли пойдем друг друга. Кстати, рядом, на другой стороне Кольца, находятся менее смешные, но все-таки неуклюжие «Элитные вина», а стоит свернуть в переулки, ивы неизбежно наткнетесь на «Элитные двери» или «Элитные окна».

Таким образом, сейчас происходит – и, на самом деле, уже произошла – девальвация смысла этого слова, осталась только положительная оценка: дорогой и, следовательно, качественный. Впрочем, язык не стоит на месте. Недавно я получил в электронной рассылке среди прочего спама предложение: «Элитные семинары по умеренным ценам». Вот и дороговизна улетучилась. Спрашивается, что же осталось в значении этого слова?

У слова *элитный* есть брат-близнец – прилагательное *экслюзивный*. То есть вначале они довольно сильно различались. *Экслюзивный* подразумевало предназначенность для одного единственного субъекта, например, *экслюзивным* можно назвать интервью, данное лишь одной газете, а *экслюзивные* права предоставляются лишь одной компании.

Но вот все чаще в текстах попадаются странные сочетания: *экслюзивные видеокассеты*, выпущенные огромным тиражом (зато с очень редкими кадрами), или, например, *экслюзивные часы*, изготовленные в количестве 11111 штук с автографом самого Михаэля Шумахера. Короче говоря, *экслюзивный*, опустошаясь семантически, приближается к новому значению *элитного*: редкий, дорогой и качественный. Но вот и редкость исчезает, когда я читаю растяжку над рыночным прилавком: «Экслюзивная баранина». Казалось, что после *экслюзивной баранины* это слово уже ничем не сможет меня удивить. Но нет! Как-то я включаю телевизор и наблюдаю двух милых дам (ведущую передачи и ее гостью – певицу⁹), которые разговаривают примерно так (точно записать не успел). Ведущая: «Ну, вы ведь *экслюзивная* женщина!» Певица нервно хихикает. Ведущая: «Нет, нет, я в хорошем смысле». Мой – по-видимому, извращенный и, очевидно, мужской – ум еще готов понять, что такое *экслюзивная* женщина в слегка неприличном смысле, но что такое «*экслюзивная* женщина в хорошем смысле», он понимать отказывается. Найдется ли кто-нибудь, кто сумеет это объяснить?

Экслюзивный и *элитный* фактически становятся синонимами и могут просто усиливать друг друга, как, например, в рекламе «Кожаных изделий *экслюзивных* и *элитных* производителей». Еще пятнадцать лет назад *элитным производителем* мог бы называться только какой-нибудь бычок или жеребец, а вот поди ж ты, как движется прогресс, и сейчас речь идет об изготовителях дорогих изделий.

У оценочного слова в рекламном языке недолгая жизнь. Вначале его отыскивают либо в родном русском языке, либо в чужом, то есть заимствуют, причем положительной оценке в его значении, как правило, сопутствует еще какой-то интересный и нетривиальный смысл. Потом слово вбрасывают в тексты, и, если повезет, оно сразу становится модным, начинает использоваться в невообразимых контекстах, а смысл его потихоньку стирается, и остается только восторженная оценка. Наконец, оно всем надоедает, его перестают воспринимать всерьез и выбрасывают, как старую тряпку, чтобы восхищаться каким-нибудь новым словечком. Увы, *sic transit gloria mundi*, и слов это тоже касается.

⁹ Для любопытных могу сообщить, что речь идет о приятных во всех отношениях Тине Канделаки и Ирине Богусhevской.

В начале перестройки необычайную силу приобрели прилагательные *культовый* и *знаковый*. Все реже используется похожая по смыслу на *элитный* иностранная аббревиатура *VIP* (Very Important Person): *VIP-услуги* и прочее. А ведь и с ней доходило до комического: нет-нет да и встречались *VIP-персоны*, то есть, если перевести английскую часть, «очень важные персоны»-персоны.

Надо сказать, что и *элитный*, и *экслюзивный* тоже миновали пик моды, и хотя встречаются еще повсеместно, судьба их незавидна. В самом начале они как бы тянули потенциального покупателя за собой. За ними обоими стояла идеология избранности. *Элитный* говорил: «Купишь вещь – войдешь в элиту!», а *экслюзивный*: «Купишь вещь – будешь ее единственным обладателем, ни у кого такой нет!» Потом – идеология богатства, и они уже на один голос кричали: «Купи дорогую вещь! Дорогая значит хорошая!»

А теперь все чаще они используются в рекламе не очень дорогих и не очень качественных товаров и все слабее воздействуют на потенциальных покупателей. Это похоже на то, как если бы в рекламе все время вставляли словосочетание «очень хороший». Кто же на это клюнет?

Даже крупные строительные компании отказываются от слов *элитное жилье*, *элитные квартиры* и т. д. На смену им пришло *жилье бизнес-класса*, *люкс* или *премиум*. Впрочем, на улицах Москвы уже появилась реклама *чикен премиум*, то есть, говоря другими словами, «элитно-экслюзивных цыплят». А это означает очередное снижение оценки, так что, боюсь, и *премиум* долго не продержится.

В моду входят другие слова, например *пафосный* или даже *готичный*. Среди оценочных прилагательных есть и более хитрые, и более непотопляемые, которые непосредственно связаны с идеологией потребления. И о них тоже стоит поговорить.

Самое правильное слово

Этого слова следует бояться. В нем слишком много идеологии, и оно не оставляет выбора. В конце концов, от чего-то элитного или эксклюзивного можно отказаться, а от этого – нет.

В интервью известного теле– и просто журналиста Леонида Парфенова, которое он дал журналу «Афиша», сказано следующее:

– Где вам в Москве весело?

– Для меня главное из развлечений – правильная жратва в правильном месте. Сейчас время ланча, тепло. Я бы на какой-нибудь террасе посидел. Съел бы салат «Рома», в смысле с зелеными листьями, и заказал Pinot Grigio под рыбку. Только вот не знаю, где сейчас можно найти террасу, наверное, в «Боско».

Кстати, а вы сами носите правильную одежду? Смотрите правильные фильмы? Слушаете правильную музыку? Ходите в правильные места? Или как? Ах, вы не знаете, что следует считать правильным? Читайте глянцевые журналы – вас научат.

Рай на Земле – это рынок плюс эксклюзивная баранина для всех

И мир предстанет совершенно иным – эксклюзивным

Холодильники от элитных американских производителей

***Вот и цыпленок жареный в люди выбился...
Премиум чикен для жильцов премиум класса***

Оставь сомненья всяк сюда входящий

Ох, не к матери неизвестного японца отсылает это название...

***Трапеза вы... С буквой «ять» всегда
проблемы. Ее место занял «ерь»***

**Любить букву Ё сегодня признак патриотизма. В
Ульяновске ей посвящен памятник, в Москве – магазин**

Раньше я вздрагивал от этих непривычных словосочетаний, а потом привык, и уже с удовлетворением обнаружил в статье под названием «SUPERBYZY. 10 правильных заведений» упоминание родного университета. Жаль, конечно, что я не могу последовать рекламе: «Купи правильный дом. Новорижское шоссе», но уж в магазин «Правильная обувь» я захожу регулярно. В общем, все хорошо, жизнь удалась.

Кстати, объяснение словосочетаний *правильная жратва* и *правильное место* в интервью с Л. Парфеновым очень характерно: *салат «Рома», в смысле с зелеными листьями, Pinot Grigio под рыбку, терраса в «Боско»*. Все это весьма изысканно и едва ли известно непосвященному читателю. Зато читатель «Афиши» может попытаться стать посвященным. Такое употребление слова *правильный* близко по значению французскому выражению *comme il faut*, заимствованному в русский язык как *комильфо*. С помощью слова *правильный* гляцевые журналы формируют новый стиль поведения, следовать которому должен любой *продвинутый* (еще одно модное слово) человек. Если использовать европейские аналогии, можно сказать, что речь идет о создании нового русского дендизма, особого свода правил «как себя вести», «какую одежду носить», «что есть», «что читать», «куда ходить» и т. п. И вся эта сложная система скрывается за новым употреблением слова *правильный*, что и объясняет его взлет.

Это прилагательное прежде всего активно сочетается с названиями продукта в самом широком смысле этого слова: от одежды, обоев, еды – до пищи духовной: романов, фильмов, спектаклей и т. п. Также правильными могут считаться и производители или создатели соответствующей продукции. Если раньше, выделяя, мы бы назвали режиссера модным, популярным, народным, ну, в лучшем случае, культовым, то сейчас нет ничего выше звания «правильный режиссер». Иди и смотри.

И наконец, тот, кто следует всем этим гламурным указаниям, может сам считаться *правильным* (или, как говорили когда-то, *комильфо*), то есть по сути – правильным потребителем. Меня недавно поразила фраза из той же «Афиши»: «Последние лет пять правильную московскую девушку можно было отличать по колготкам. Колготки должны были быть только телесного цвета, только прозрачные и только оттенка загара». Я еще не вполне осознал, кто они – эти загадочные правильные девушки, но уже получил инструкцию, как узнавать их в толпе. Конечно же, по колготкам телесного цвета.

Совершенно очевидно, что большинство подобных сочетаний человеку семидесятых показались бы дикими, однако не все так просто. В советских текстах все-таки встречаются похожие примеры, хотя не так часто и в довольно специфических «идейных» контекстах. Вполне допустимо, например, было словосочетание *правильный фильм*, но, естественно, оно использовалось по отношению к фильмам совершенно другого рода, активно одобряемым советской властью, – то есть с правильной идеологией. Таким образом, неизменная часть значения у данного слова на самом деле сохраняется, просто на смену одной идеологии, политической, приходит другая – идеология потребления, что и определяет его сочетаемость.

По существу, за этим словом всегда стоит некая «идейность», но отнюдь не в том единственном политическом смысле, к которому так привыкли советские люди. Подобное употребление прилагательного вообще характерно для жаргонов, связанных с жесткими поведенческими нормами. Здесь можно вспомнить и блатной мир, только вместо *правильных девушек* его населяют *правильные пацаны*.

Что же касается идеологии потребления, то она, не будучи политической и тоталитарной, не становится от этого менее жесткой и агрессивной. Через соответствующие слова она проникает в сознание, навязывая, в частности, жесткие правила выбора. Следует ходить в *правильные* места, есть в них *правильную* еду, наконец, знакомиться и общаться с *правильными* девушками (тем самым последние выступают тут и как субъект, и как объект потребления). Читать нужно исключительно *правильные романы*, слушать *правильную музыку*, смотреть *правильные фильмы*...

Переключка между нынешним временем и советской эпохой характерна и для некоторых других модных прилагательных: *позитивный*, *актуальный*, *реальный* и т. д. Например, *позитивный* сочетается сейчас с такими словами, как *фильм*, *спектакль*, *сценарий* или *шоу*: «Мало сыщется фильмов, вызывающих такие же умиление с просветлением. Если “Блондинка в законе” – самый позитивный фильм сезона, то этот – самый адекватный...» (Известия).

Такие употребления не описываются существующими словарями (речь идет о совсем недавней кальке с английского), однако фактически выражают идеологию социалистического реализма. Позитивные фильмы и спектакли показывают жизнь такой, какой она должна быть, а не какая она есть на самом деле. Все чаще в текстах мелькают двоюродные братья *актуальный* с *реальным*. По телевизору показывают *Реальную политику*,¹⁰ а на улицах города мы видим *реальную рекламу*. Актуальным сегодня тоже может быть все: от искусства до автомобиля или прически. Иногда концентрация всех этих слов в тексте зашкаливает, хорошо если автору все же свойственна хотя бы легкая ирония: «Музей современного искусства, открывая ретроспективой Айдан Салаховой новую программу “Москва актуальная”, сделал выбор безукоризненный. Само понятие “актуальное”, ввиду длительного и широкого употребления, подрастеряло, как кажется, былую актуальность, вытерлось немножечко до состояния “элитного” и “эксклюзивного” – но если слово “актуальное” значит сегодня что-то еще, то именно это: пример остальным, образец для подражания; что же она еще, как не

¹⁰ Название телепередачи.

пример или образец? Умница и отличница, красавица и так далее; иногда они возвращаются, времена правильных героев» (К. Агунович, «Афиша»¹¹).

По существу, все эти прилагательные выражают положительную оценку, как, скажем, и *элитный*, и *эксклюзивный*, но делают это не так крикливо и не так явно. Они отсылают к неким ценностям, к определенной системе взглядов, но при этом не фиксируют их раз и навсегда, что и позволяет им быть более устойчивыми. И в сегодняшнем гламурном мире они оказались на видном месте. Вот уж, действительно, ключевые слова эпохи.

¹¹ Здесь, наверное, самое время извиниться за постоянное цитирование журнала «Афиша», но по количеству словесных новинок он, на мой взгляд, превосходит все прочие. Точнее говоря, он во многом является творцом и законодателем словесной моды.

Невыносимая недоопределенность бытия

У многих из нас есть свое собственное эмоциональное отношение к словам, и у меня в том числе. Ну, не люблю я некоторые слова, и все тут. И не важно, лингвист я или не лингвист, рациональности это моему чувству не добавляет. Я перестану слушать человека, если он вдруг произносит не слишком грамотное слово *волнительный*, но точно так же меня раздражает безупречное *амбивалентный*. Другое дело, что как лингвист я могу свое чувство проанализировать и попытаться установить его причины. Что я сейчас и сделаю.

Мне не нравятся два модных сегодня слова – *проект* и *продукт*, точнее говоря, их новое использование. Кто теперь только не говорит: «У меня есть несколько актуальных проектов» или «Я сейчас задействован в новом проекте». Про новый роман или фильм могут запросто сказать: «Ну, это вполне достойный продукт». Актеры сегодня предпочитают участвовать в проекте, а не сниматься в фильме или играть в спектакле. А для режиссера в свою очередь престижнее в результате проекта выпустить продукт, чем просто снять фильм. Почему так? И почему мне не по себе от этих вроде бы вполне безобидных, хоть и модных слов. Я вижу здесь две разных причины.

Первая состоит в том, что с помощью этих слов мне навязывается некая бизнес-метафора, которая особенно чувствуется в слове *продукт*. Результат любой деятельности, в том числе и творческой, оценивается с точки зрения купли-продажи. Сама же деятельность с помощью слова *проект* интерпретируется как продуманная и направленная на получение того самого *продукта*. Распространение этой бизнес-метафоры на любое занятие как бы погружает его в деловой мир и делает более престижным.

Но есть и вторая, более глубокая, причина, объяснение которой потребует обращения к современной науке. В когнитивной психологии используется понятие базисного (или основного) уровня. Классические эксперименты американки Элеоноры Рош показали, что психологически базисными оказываются не самые фундаментальные категории, выражаемые словами с максимально абстрактным значением, а именно срединные категории. Так, в тройках *млекопитающее – собака – ищейка* и *мебель – стул – кресло-качалка* крайние члены относятся, соответственно, к высшему (*млекопитающее, мебель*) и подчиненному (*ищейка, кресло-качалка*) уровням. Базисными с психологической точки зрения следует считать срединные категории, то есть *собака* и *стул*. Именно этими понятиями и категориями мы оперируем, размышляя или рассуждая об обычных ситуациях. Переход на другой уровень маркирован. Он определяется спецификой ситуации, в которой нам необходимо что-то обобщить или, наоборот, конкретизировать. Психологическая базисность проявляется и в языке. Слова базисного уровня более частотны и нейтральны. В нормальной ситуации мы называем собаку *собакой*, а не *терьером* или *животным*. Впрочем, по-видимому, понятие базисного уровня не абсолютно и зависит от реальных условий. В частности, на изменении базисного уровня построен старый советский анекдот, рассказывающий о поведении покупателя в разные эпохи, характеризующиеся разной степенью изобилия в магазинах (последняя эпоха скромно именовалась коммунистической):

Заверните, пожалуйста, 200 граммов рокфора;
Заверните, пожалуйста, 200 граммов сыра;
Заверните, пожалуйста, 200 граммов еды.

Бывают, однако, времена и стили общения, в которых происходят сдвиги с базисного уровня. Так, например, в «советском» языке, то есть официальном языке советского периода, существовал очевидный сдвиг в сторону абстракции. Этот же сдвиг постоянно присутствует

в речи политиков и бюрократов. Одним из возможных эффектов такого сдвига оказывается неинформативность текста: сказано много, а по сути ничего.

Увы, такова и сегодняшняя мода. Обобщение, с одной стороны, скрывает суть дела, с другой стороны, придает делу серьезность и значительность. Когда кто-то говорит: «Я участвую в проекте», это может означать все что угодно, то есть буквально все или ничего. Точно так же за *выпуском нового продукта* может скрываться нечто значительное, а может – ерунда. Мы оставляем собеседнику возможность самому додумать, конкретизировать сказанное нами, заполнить пустоты, создаваемые чрезмерной абстрактностью, желательно в выгодном для нас ключе. И здесь можно снова обратиться к бизнес-метафоре. Ведь само слово *бизнес* устроено точно таким же образом. Совершенно естественно в ответ на вопрос *Кто он?* сказать *У него свой бизнес*. Но по сути это не значит почти ничего, это просто такое определение через отрицание: *не госслужащий, не наемный работник, не богема*. Разброс может быть от мультимиллиардера, владельца заводов, газет, пароходов, до чистильщика обуви или мелкого мошенника. Примерно так же абстрактно и размыто слово *менеджер*, о котором мы поговорим чуть позже (от продавца до руководителя крупной компании). С помощью подобных абстракций мы размываем нашу реальность, наше социальное положение, предпочитая весомую и многозначительную неопределенность или, точнее, недоопределенность. У нас ведь как бы все в порядке. Ну, или пусть по крайней мере собеседник так думает.

Интересно, что подтверждение этому легко находится в тексте. Вот примеры из речи творцов из разных и далеких сфер искусства – театра и эстрады. Казалось бы, следовало ожидать модной лихости в устах певца Сергея Минаева и аккуратной интеллигентности в устах драматурга и театрального режиссера Михаила Угарова. Однако...

– Последний вопрос: театр на «Слесаре» на аренду подвала заработает?

– Не знаю, мы хотели сделать продукт, который бы всем понравился.

Такая, знаете, смесь производственной драмы и абсурдизма. А продукта, который можно было бы продавать и кормить за его счет театр, не получается (интервью с Михаилом Угаровым, «Афиша»).

– Расскажите, какие у вас сейчас проекты?

– Что это за слово такое – «проекты»? В смысле – чем я занимаюсь?

Знаете, я вредный мужик, мне все эти новомодные слова непонятны. Я работаю тем же, кем и 30 лет назад, – я артист (интервью с Сергеем Минаевым, «Афиша»).

Режиссер хочет создавать продукт, чтобы продавать его, правда, у него не получается. А певец, напротив, упрямо сопротивляется бизнес-метафоре. Слова выдают потаенное.

Но, пожалуй, наибольших масштабов и наивысшего полета эти слова достигают в речи политиков (чего, впрочем, и следовало ожидать). И здесь снова приходится цитировать. Журналист Андрей Колесников в «Коммерсанте» пишет: «Господин Иванов успел сделать доклад на первом пленарном заседании форума, и в этом докладе представил Россию как один глобальный инфраструктурный проект, не очень-то, впрочем, и нуждающийся в мировых инвестициях, но и не отказывающийся от них».

Россия как один глобальный проект? Как сказал бы кто-нибудь помоложе – это круто!

О чем говорят паразиты

У одного моего знакомого электрика было два слова-паразита, которыми он владел практически виртуозно. В разговоре с мужчинами он использовал одно-единственное матерное слово,¹² но если к беседе подключалась женщина, он тут же заменял его на *на фиг*, то есть, как сказали бы лингвисты, владел двумя регистрами речи, которые строго распределял по гендерному принципу.

Сколько я себя помню, стилисты и языковые пуристы всегда боролись с так называемыми словами-паразитами, со всеми этими *так сказать*, *значит* (с просторечным вариантом *значить*), *естественно*, *вот* и прочими, которые, как принято считать, ни для чего не нужны и только засоряют нашу речь. На самом деле, не все так просто, в языке ведь вообще нет ничего лишнего. За каждым из этих слов стоит некая идея, которая вдруг оказывается востребованной и потому часто воспроизводимой, и лишь потом, когда возникает устойчивая привычка к слову, оно становится тем самым паразитом, от которого почти невозможно избавиться. Но даже и в этом случае самому говорящему оно приносит определенную пользу, а именно – дает время подумать и сообразить, что говорить дальше, а также склеивает прочие слова. Недаром одна из функций русского мата как раз такова – заполнять пустоты в речи и в мысли. Именно так и используют мат не слишком грамотные и образованные люди.

К сожалению, слушающим слова-паразиты приносят в основном неприятности. Их бесконечный повтор просто раздражает собеседников. В какой-то момент эти постоянные *значить-значить-значить* или *таксказать-таксказать-таксказать* заглушают все остальные слова и просто мешают воспринимать мысль. Хотя и для слушающего они могут оказаться полезны. Например, слово-паразит *вот* обозначает завершение некоторого смыслового блока, то есть дает время осмыслить сказанное и подготовиться к новой информации. Есть люди, которые даже во время монолога постоянно обращаются за поддержкой к собеседникам и делают это с помощью словечка *да* с вопросительной интонацией или вопросов-обращений типа *понимаете*, *знаете*. Эти вроде бы и паразиты в действительности очень нужны говорящему и выдают его особый психологический склад, потребность в постоянной коммуникативной поддержке и связи с собеседником. Это, впрочем, не означает, что перед вами обязательно мягкий, сомневающийся человек. Я слышал регулярное вопросительное «да?» в устах абсолютно уверенных в себе людей. Этим словом они как бы постоянно подхлестывают собеседника, не давая ему ни на секунду отвлечься от разговора, а точнее – от слушания того, что они говорят.

Время от времени в русском языке появляются новые слова-паразиты. Вот как это представлено в еще одном анекдоте о языке новых русских:

«Новый англо-русский словарь: неопределенный артикль *a* переводится на русский как *типа*, а определенный артикль *the* – конкретно или чисто».

Эти словечки распространились десять-пятнадцать лет назад вместе с распальцовкой и прочими атрибутами нового русского и, конечно, с артиклями имеют не очень много общего. Например, раньше слово *типа* сочеталось только с родительным падежом существительного (*животное типа собаки*), а в новом употреблении слово характеризует не только существительное, но и глагол, и целую фразу: *Я типа сказал* или *Типа сказал и сделал*.

¹² Если честно, то это был, скорее, эвфемизм, то есть заменитель матерного слова, который звучал так: *ёптыть*. Электрик принимал участие в ремонте нашей квартиры, а собственно лингвистический эксперимент проходил с участием моей жены.

У слов-паразитов в силу их частотности появляется еще одно важное свойство. Чем чаще произносится слово, тем заметнее тенденция к его сокращению, сжатию. Таким образом мы экономим свои произносительные усилия. Хороший паразит – паразит односложный, отсюда и постоянное стяжение «лишних» слогов. Поэтому мы и говорим что-то вроде *тксать* вместо *так сказать*. Это стало отражаться в особой интернет-орфографии. Так появилось слово *ессно* (*естественно*, если кто не понял). Раз уж речь зашла об интернет-орфографии, нельзя не вспомнить еще одну любопытную вещь. Именно в интернете стали различать в написании слово-паразит и обычное нормативное *типа*. Слово-паразит часто записывается таким образом – *типо*: *Начинаем типо раздачу слонов*.

Интересно, что слово *типа* стало всего лишь стилистическим (поначалу «бандитским», а потом хоть вульгарным, но общенародным) вариантом, незадолго до этого распространившегося обычного слова-паразита *как бы*. Как и другие паразиты, словечки *типа* и *как бы* восходят к совершенно нормальным русским словам, которые вдруг начинают употребляться чаще и в совершенно неуместных контекстах и ситуациях. В литературном языке эти два слова связаны с идеей сходства, подобия (но не совпадения). В своем «паразитическом» употреблении они от этой идеи отходят.

– Я как бы лингвист, – могу сказать я (хотя стараюсь так не говорить), при том что я действительно лингвист, а не просто похож на него. Я как бы работаю, – говорит кто-то, действительно работающий в этот момент, а не имитирующий деятельность. Есть люди, у которых это *как бы* встречается в речи чуть ли не перед каждым словом: «Я как бы здесь работаю как бы продавщицей». Короче, пурист немедленно ставит диагноз – слово-паразит, которое подлежит скорейшему удалению из речи. Но ведь, несмотря на все старания, слово *как бы* в таком употреблении не исчезает из речи, что само по себе повод задуматься о нем. Такое *как бы* относится не к какому-то конкретному слову (как, например, английский артикль), а характеризует речь человека в целом, его психологическое состояние и, возможно, даже социальный статус. Как это ни парадоксально прозвучит, это слово стало очень своеобразным инструментом вежливости (или «как бы вежливости»). Фактически оно означает, что говорящий отказывается делать резкие и окончательные высказывания о мире, а каждый раз заявляет о своей неуверенности, об отсутствии у него права делать такие утверждения, и в том числе о его не высоком статусе, в частности по отношению к собеседнику. Это как если бы человек говорил одну фразу и сразу добавлял: «Ну, впрочем, это мое частное и не очень важное мнение, возможно, не соответствующее действительному положению дел». Так разговаривает подчиненный с начальником, заинтересованное лицо с влиятельным и т. п. Скажем, хороший студент на экзамене не должен решительно заявлять: «Волга впадает в Каспийское море». Это слишком безапелляционное и отчасти нахальное заявление, за него можно и тройку схлопотать. Правильнее сказать: «Волга как бы впадает в (как бы) Каспийское море». Этот ответ демонстрирует уважение к экзаменатору, неуверенность и скромность (второе *как бы* факультативно и, возможно, уже избыточно и даже льстиво). И уже без всякого юмора должен сказать, что это действительно одно из частых слов, встречающихся в ответах на экзамене.

Тот факт, что именно *как бы* стало самым распространенным словом-паразитом нашего времени, на мой взгляд, свидетельствует о нашем времени. Вы спросите: «Как?» Да я типо уже написал. Дальше думайте как бы сами.

Профессиональная конкуренция

Ну вот, я и добрался до третьей лексической волны – профессиональной. Впрочем, в этом случае метафора волны едва ли уместна, это больше похоже на постоянный мощный поток, конца которому не видно. Зато видны разные составляющие: термины, жаргоны и т. д. Одной из наиболее интересных и важных частей оказываются названия профессий. Так и хочется спросить: «Зачем их столько?»

Некоторое время назад со мной произошел старый анекдот про дизайнера, но только наоборот. Как вас представить? – спросили меня по телефону, когда я позвонил в интернет-компанию. Когда я не только назвал фамилию, но и в ответ на много переспросов объяснил, что первая буква никак не Дмитрий, а скорее Константин, а в середине нет не только Б, но и М, милый женский голос произнес: «Окей», и после некоторой паузы уточнил: «Это фамилия?» Только чудом я удержался, чтобы не ответить: «Нет, профессия», что, конечно, никого не удивило бы. Профессий так много...

Половины нынешних профессий я и сам не знаю. И неизменно радуюсь, когда узнаю новые. Например, что *эйчар* – это то же самое, что менеджер по персоналу, но ни в коем случае не кадровик (*эйчар* обидится). А ведь есть еще *хедхантер*, *мерчандайзер*, *бьюти-эдитор* и *медреп*. Удивляюсь, – почему бы просто не сказать: охотник за головами, красotka-редактор? Впрочем, это, конечно, шутка, и притом не самая удачная.

В этом потоке актуальных профессий на самом деле скрыто множество разных проблем. Одна из них – чрезвычайно важная – хорошо описывается словом «конкуренция». Я имею в виду конкуренцию слов. Человека, имеющего определенную профессию, сейчас можно называть по-разному. Иногда эта конкуренция достаточно примитивна: существуют разные варианты написания или произнесения одного и того же слова. Например, человека, занимающегося недвижимостью, можно назвать по крайней мере четырьмя способами: *риэлтор*, *риэлтер*, *риелтер*, *риелтор*. Но это свидетельствует лишь о том, что слово не вполне вошло в русский язык, а точнее – не вполне прижилось, и написание еще не устоялось. О том, как же писать правильно, а главное – почему, – чуть позже. Пока же стоит обсудить содержательную сторону.

Любопытно то, что *риэлтор* вытеснило слово *маклер*, которое в советское время значило примерно то же самое.

Подобных примеров много. Почему *эйчар*, но не *кадровик*? Почему *рерайтер*, но не *редактор*? Почему нынешние *парикмахеры* предпочитают называться *стилистами*, а нынешнюю *модель* (особенно *топ*-) никому не придет в голову назвать *манекеницей*?

Некоторые из старых слов еще актуальны (*кадровик* и *редактор*), другие же устарели и используются только в разговоре о прошлом (*манекеница* или *маклер*).

По поводу этих пар есть, грубо говоря, два мнения.

Первое состоит в том, что это – разные профессии. Так, *стилист*, в отличие от *парикмахера*, не просто пострижет, но и позаботится о стиле в целом. Современная *модель* отличается от советской *манекеницы*, как небо от земли. Она ведь не просто демонстрирует одежду (судя по старым фильмам, в основном рабочую), а снимается в рекламных роликах, участвует в фотосессиях для гляцевых журналов и вообще является эталоном стиля.

Это сравнение можно продолжать долго: у *эйчара*, в отличие от *кадровика*, есть дополнительные обязанности и навыки (я их, увы, плохо знаю) – и так далее.

Однако это не вся правда. Развитие профессии далеко не всегда приводит к смене ее названия. Сегодняшний инженер сильно отличается от инженера XIX века, но *инженером* называться не перестает. Второй, и, по-моему, более точный взгляд, оказывается более приземленным. Суть, конечно же, в престиже и деньгах.

В новых словах присутствует какая-то трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны. Естественно, что стилист вправе запросить за стрижку больше, чем парикмахер, а гонорары моделей несопоставимы с зарплатой манекенщиц. С распадом советской распределительной системы полулегальный маклер не мог не превратиться во вполне респектабельного риэлтора, и неважно, что их функции и уровень профессионализма порой никак не различаются. А в 90-х годах XX века *проститутки* «переквалифицировались» в *путан*.

Вытеснение менее престижных слов более престижными существовало всегда (хотя и не в таких масштабах). Ограничусь парой примеров.

В свое время именно *парикмахер* сменил *цирюльника* и *брадобрея*. И совсем не потому, что в дополнение к стрижке он перестал ставить пиявки, а стал делать парики. Аура немецкого профессионализма и основательности преодолела даже фонетические трудности (русским было непросто выговаривать такие громоздкие слова, как *парикмахер* или *бухгалтер*).

Не менее интересен и ряд слов *купец* / *предприниматель* / *коммерсант* / *бизнесмен*. *Купец* относится к истории. Из остальных трех наиболее нейтрален *бизнесмен* – его выберут и в качестве самохарактеристики: *я – бизнесмен*. С *коммерсантом* и *предпринимателем* сложнее. Оба они, как правило, оценочны и сочетаются с соответствующими определениями: *крупный предприниматель* или *мелкий коммерсант* (отсюда и приблатненное *коммерс*).

Многие из новых названий еще не вошли в словари и не стали фактом литературного языка. Пока они скорее относятся к профессиональным жаргонам. Об этом свидетельствует следующее.

Во-первых, они известны только специалистам в данной области. Объявление «*требуется эккаунтменеджер*» понятно лишь эккаунтменеджерам (или акаунтменеджерам). Употребление таких слов отпугивает непосвященных, что, впрочем, и требуется.

Во-вторых, их трудно записать. В случае *риэлтора* (см. выше) или *криэйтора* (с вариантами *криейтор* и *креатор*) путаются русские буквы, а ведь возможно еще и использование латиницы (для части или для всего названия): *IT-менеджер*, *beauty editor* ит. п.

Сегодня почти все новые названия профессий приходят к нам из английского языка (незначительные исключения связаны с модой, кухней и другими узкими областями: например, *самелье* или *кутюрье*). Конкуренция возникает при этом не только со старыми названиями (их иногда просто нет), но и между рядом новых, которые могут восприниматься как более или менее официальные, более или менее разговорные: *IT-менеджер* / *айтишник* или *компьютерищик*, *специалист по связям с общественностью* / *пиарищик*. Но, прежде чем говорить об этом, попробуем решить простой на первый взгляд орфографический вопрос. Да вот хотя бы с риэлтором.

Риэлторы-шмиэлторы и вопросы языкознания

Слово Realtor пришло в русский язык вскоре после перестройки и с тех пор постоянно вызывает споры. В действительности существуют две разных проблемы: во-первых, как писать это слово по-русски и, во-вторых, корректно ли вообще, правомочно ли его употребление в качестве названия профессии.

Слова одного языка на другой язык обычно переводятся, но не всегда. Иногда они транскрибируются. Речь идет о так называемой практической транскрипции, то есть записи слов одного языка буквами другого языка с учетом прежде всего их произношения. Как правило, это касается имен собственных.

Например, английское имя John на русский язык никак не переведешь, поскольку у него нет значения, вот и приходится транскрибировать так, чтобы звучало похоже, – ДЖОН. С именем Джон проблем не возникает, а вот, например, фамилию английского писателя Galsworthy по подсчетам авторов одной книги о практической транскрипции можно передать по-русски 144 различными способами: от Галсворти до Гелсуэрси, и лишь традиция выделяет один единственный – Голсуорси.

Транскрибируются не только имена собственные, но и нарицательные в том случае, если они не переводятся, а целиком заимствуются. В принципе, слово Realtor можно было бы переводить как «специалист по недвижимости», или, более подробно, «специалист по торговле недвижимостью и сдаче ее в наем», или даже «маклер, или агент, по недвижимости». Однако русский язык выбрал другой путь. Для названия этой сравнительно недавно узаконенной профессии было заимствовано слово английского языка. Все было бы хорошо, но в написании его существует разноречие. Сказать, что правильным является один единственный вариант, нельзя. Пройдет несколько лет, норма устоится, и останется одно написание. Оно и будет правильным. Язык выберет сам.

Пока же можно рекомендовать один из вариантов как наиболее лингвистически обоснованный и тем самым способствовать употреблению и сохранению в языке именно его.

Итак, что мы имеем? Колебания в написании третьей и шестой букв. Е или Э после И; О или Е после Р. В итоге – четыре реально встречающихся варианта: *риэлтор*, *риелтор*, *риэлтер*, *риелтер*. К ним можно было бы добавить еще два теоретически возможных написания: *риалтор* и *риалтер*. Они имеют разумное лингвистическое обоснование, но поскольку реально не встречаются, не будем усложнять ситуацию и сделаем вид, что их нет.

Прежде всего, надо сказать, что иноязычные слова, оканчивающиеся на – OR, в русской записи должны оканчиваться исключительно на – ОР (несмотря на то, что это сочетание букв читается как единый краткий гласный звук). Вспомните хотя бы слова *кондуктор*, *композитор*, *профессор* и др. Конечно, в русском языке есть заимствованные слова и на – ER (ЁР), например *инженер*, *бухгалтер*, *актёр*, но в них и в соответствующем иностранном языке присутствовало – ER или EUR. Так, в немецком есть слово *Buchhalter*. Оно было заимствовано русским языком и вытеснило исконное *счетовод*. Именно из французского языка было заимствовано слово *acteur* – рус. *актёр*, а английское *actor* здесь ни при чем.

Таким образом, остаются два варианта *риэлтор* и *риелтор*. Такие колебания букв Е и Э после гласных встречаются довольно часто. Так, французское имя пишется то *Даниэль*, то *Даниель*. В недавней рекламе кинофильма мне даже попала фамилия *Коен*, хотя гораздо чаще пишут *Коэн*. С лингвистической точки зрения по этому поводу можно сказать следующее. Буква Э до сих пор воспринимается как что-то экзотическое для русского языка и, скорее всего, поэтому ее стараются избегать при транскрипции. Тем не менее именно она после гласной наиболее точно передает произношение заимствованных слов. Написание же

в этом случае Е может вводить в заблуждение. Как известно, некоторые не самые образованные носители русского языка слово *проект* произносят не так, как надо, – ПРОЭКТ, а с «ЙЕ», просто потому, что так пишется. Так что лучше писать наше слово *РИЭЛТОР*. И следует признать, что чаще всего оно так и пишется.

Но с риэлтором связана еще и другая проблема, уже скорее юридическая, чем лингвистическая. Дело в том, что слово *Realtor* образовано от слова *realty* (недвижимость) и зарегистрировано как торговый знак. Называть себя так имеют право лишь члены американской Национальной ассоциации Риэлторов (*National Association of Realtors*) и аффилированных с ней организаций. До *National Association of Realtors* этот торговый знак принадлежал ее предшественнице *National Association of Real Estate Boards*. Этот факт четко указывают все американские словари английского языка, в которых, как правило, это слово пишется с прописной (большой) буквы *R*, то есть как имя собственное. Впрочем, иногда дается также вариант написания со строчной (маленькой) буквы *r*: *realtor*, а также вариант определения: не только член ассоциации, но и просто – агент по недвижимости. Британские же словари в большинстве своем пишут это слово со строчной буквы и определяют его значение как «агент по недвижимости». При этом обязательно указывается, что *realtor* – это американизм, которому соответствует британское *estate agent*. Итак, англичане (по крайней мере, часть из них), кажется, считают, что это просто такое специфически американское слово, которое обозначает распространенную профессию. Американцы же знают, что этим словом называют себя члены Национальной ассоциации, занимающиеся недвижимостью и действующие в соответствии с определенным кодексом поведения. Например, за нарушение этого кодекса человека можно исключить из ассоциации, и тогда он потеряет право называть себя гордым словом *Realtor*. Впрочем, и американцы могут по аналогии назвать агента по недвижимости *realtor*, не вдаваясь в подробности членства его в разных ассоциациях. Занимается недвижимостью – значит, *realtor*.

Что же касается русского языка, то, конечно, это слово уже вошло в него как название профессии, а не как особый торговый знак. Русское слово *риэлтор* обозначает специалиста по сделкам с недвижимостью независимо от его членства в американской или российской ассоциации. Подтвердить это можно множеством употреблений в прессе, специальной литературе и даже словарях русского языка.

А как же быть с защитой торгового знака? Здесь мнение лингвиста не может быть решающим, поскольку мы имеем дело прежде всего с юридической проблемой. Лингвистическим выходом было бы, например, писать торговый знак с прописной буквы: *Риэлтор*. Тогда утверждать «Я – риэлтор!» могли бы все агенты по недвижимости, а «Я – Риэлтор» – только члены соответствующих ассоциаций. Замена *риэлтора* на *риэлтера*, чтобы не связываться с чужим торговым знаком (вроде похоже, а не то!), не кажется удачным выходом. Вроде как косить под *Риэлтора* – не называясь этим словом. Тогда уж лучше сразу назваться *шмиэлтором* – юридически безупречно, а как звучит: риэлторы-шмиэлторы. Ясно, что по сути одно и то же.

Впрочем, если говорить серьезно, проблема, конечно же, существует. Вспомним хотя бы про ксероксы. Ведь слово *ксерокс* давно вошло в русский язык в значении просто «копировальный аппарат». Однако фирма «Ксерокс» с этим не согласилась и встала на защиту своего товарного знака. В результате сейчас рекламные объявления пестрят какими-то страшными КОПИРАМИ, что русский человек и выговорить-то не может – в отличие от приятного языку и уху ксссероксса. Права ли фирма «Ксерокс»? С лингвистической точки зрения, нет. Ведь в русском языке уже есть глаголы *ксерокопировать* и даже *ксерить*. Что же, и их запретить? Раз, говоря *ксерокопировать* и *ксерить*, мы не имеем в виду – «пользоваться копировальным аппаратом фирмы “Ксерокс”»? Нет, брат, шалишь, русские глаголы никакой суд

запретить не сможет, а вот существительное взял и запретил. И хотя поступил лингвистически безграмотно, но решение суда надо выполнять.

Так что и в проблеме *риэлтора* оставим юридическую составляющую непроясненной. Суд решит. А мы будем надеяться на его лингвистическое благоразумие.

Не кочегары мы, не плотники

Вернемся теперь снова к содержательной стороне вопроса. О конкуренции старых и новых профессий мы поговорили. А как быть, если появляется совсем новая профессия? Впрочем, профессии не появляются сами по себе – как правило, они откуда-то приходят. И в этом случае русский язык поступает просто: он заимствует соответствующее название. У этого способа есть, однако, недостатки. Можно говорить о своего рода непрозрачности заимствованных слов: они не встроены в систему русского языка, как правило, не имеют связей с другими словами и потому непонятны. Конечно, прожив долгую жизнь в русском языке, слово становится для нас родным. И едва ли кто сейчас захочет изгнать из русского языка *юристов*, *биологов*, *физиков* или *агрономов*. Но у сегодняшней ситуации есть принципиальные особенности. Во-первых, заимствований этих настолько много, что языку их сразу переварить трудно, – и отсюда возникает ощущение погружения в чужой язык. Во-вторых, многие из этих названий не стали общеупотребительными. Обычному человеку не так уж важна разница между *акаунтменеджером* и *сейлзмеджером*. В результате для случайного человека большинство объявлений о работе оказываются филькиной грамотой, написанной на иностранном языке. Это впечатление усиливается еще и тем, что в некоторых названиях профессий используются латинские буквы: *PR-менеджер*, *web-дизайнер*, *HTML-кодер*, *shareware-разработчик*. Совсем уж непонятны чистые аббревиатуры: *CEO* (chief executive officer), *CIO* (chief information officer), *MedRep* (medical representative).

Естественно, возникает желание назвать эти специальности как-то попонятней, и вместо заимствований используются перевод или объяснения (как правило, с помощью нескольких русских слов). Рядом с *сейлзмеджером* появляется *менеджер по продажам*, рядом с *beauty editor* – *редактор отдела красоты*, рядом с *IT-менеджером* – *специалист по информационным технологиям*. Увы, и у таких названий есть недостатки. Они существенно длиннее, а важные профессии желательно – и даже необходимо – обозначать одним словом. Кроме того, такие многословные сочетания воспринимаются как слишком официальные и чуть ли не бюрократические. Они часто используются в министерской номенклатуре профессий, пишутся на визитных карточках, но практически не употребляются в обыденной речи.

Зато в речи очень часто встречаются слегка адаптированные и как бы обрусевшие заимствования. Эта адаптация происходит разными способами: прибавлением русских суффиксов, сокращением, языковой игрой, наконец, просто склонением и т. д. Таковы, например, *айтишники*, *сисадмины*, *сейлзы* и прочие *эйчары*. В случаях типа *шароварищика* (от английского shareware) мы видим игру на сближение с похоже звучащим, но необычайно далеким по смыслу русским словом (*шаровары*) – такую же, как в популярных в интернете словах *хомяк*, *мыло* и *аська*, но об этом я уже писал. Такой подход не делает слова понятнее, зато одомашнивает их, делает своими. Они встраиваются в систему русского языка с помощью родной грамматики.

Таким образом возникают пары, тройки, а иногда и более длинные ряды названий для одной и той же профессии. Раньше такое встречалось достаточно редко и, в основном, в медицине (*стоматолог* – *дантист* – *зубной врач*; *офтальмолог* – *окулист* – *глазник*), сейчас же – на каждом шагу.

Как уже сказано, эти названия распределены по разным сферам и стилям речи. Официальные – назовем их «номенклатурные» – названия типа *специалист в области...*, *менеджер по...* встречаются исключительно в письменной или официальной чиновной речи. Именно они фигурируют в списках зарегистрированных профессий и в других документах. Пойти

учиться можно только на *специалиста в области...* или *специалиста по...*, а в штатном расписании предусмотрен лишь *менеджер по...*

В речи же самих специалистов и менеджеров, особенно в разговорах друг с другом, используются «обрусевшие заимствования», те, которые можно отнести к сниженной или жаргонной лексике. Едва ли можно услышать фразу: «Кирюха, программа полетела. Не знаешь, куда подевался наш специалист по информационным технологиям?» В этой ситуации предпочтителен *айтишник*, а *специалист по информационным технологиям* выражает здесь с трудом сдерживаемый сарказм.

Интересное распределение вариантов названий профессий можно наблюдать по визитным карточкам. Там исключены варианты типа *айтишник*, а вот *специалист по информационным технологиям* и *IT-менеджер* равновероятны и зависят от самооощения компании или конкретного человека. Если говорить о каком-то распределении, то государственные компании тяготеют к первому, второе же характерно для частного бизнеса и особенно для крупных иностранных компаний.

Несмотря на все недостатки, наиболее нейтральны обычные заимствования. Именно у них наилучшие шансы войти в состав литературного языка. Сложнее придется аббревиатурам, особенно на графическом уровне. Латинские буквы все-таки еще воспринимаются как чужеродные, и подобные слова не принято включать в словари. А передача их английского произношения кириллицей (*айти*, *эйчар*) – своего рода прием освоения, автоматически переводящий их в категорию сниженной лексики. Тем не менее, слова, устроенные таким образом, стали уже общеупотребительными (например, *пиар* и *эсэмэс*). Хотя для письменной речи большинство из них остаются, пожалуй, экзотикой.

Но и в использовании таких заимствований желательно все же знать меру. *Брокер* и *дилер* в русском языке чувствуют себя уже достаточно комфортно. И по своему статусу приближаются к старожилам – *адвокату*, *метеорологу* или *геодезисту*. А вот *бьюти-консультанта* мне бы пускать в литературный язык не хотелось. Это ведь не профессия, а достаточно специфическая должность. В узкопрофессиональном кругу такое название может существовать, а для широкого употребления вполне достаточно *консультанта по красоте*.

Все рассмотренные процессы сошлись в русском языке в одной точке – в одном слове. История появления этого слова заслуживает если не романа, то хотя бы отдельной главы. Вот и перейдем к нему, тем более что оно уже несколько раз проскакивало в тексте.

Задать пиару!

С этим словом все не так. Мягко говоря, его недолюбливают. Например, когда ругают заимствования, в пример приводят именно его. К *компьютеру*, говорят, или там *президенту* мы уже привыкли, а вот это – бр-р-р. Эмигранты от него в ужасе шарахаются. Да что эмигранты, – англичане и американцы его не узнают. Это, спрашивают, что у вас за такое важное новое слово, и что оно значит, и откуда взялось. С ним борются, его запрещают, а оно живет, обрывает родственниками и все комфортнее обустраивается в русском языке. Вы знаете это слово. Но начнем с самого начала.

Вначале это было название профессии или, точнее, области профессиональной деятельности где-то в рыночной экономике развитых стран, а потом и у нас. Оно восходит к английской аббревиатуре *PR*, раскрываемой как *public relations*. Удивительное началось почти сразу, поскольку возникло несколько конкурирующих названий этой профессии, прежде всего написаний. Во-первых, эти слова перевели на русский язык: *связи с общественностью*. Во-вторых и в-третьих, просто используют английские написания (латинскими буквами): словосочетание *public relations* и, соответственно, аббревиатура *PR*. В-четвертых, заимствовали целиком английское название, которое стали записывать русскими буквами как *паблик рилейшнз* (с вариантами *рилейшнс*, *релейшнз*, *релейшнс*, *рилейшенз*, *рилейшенс*, *релейшенз*, *релейшенс*). И, наконец, в-пятых, заимствовали аббревиатуру, а точнее говоря, ее английское произношение: *пиар*. Самое смешное, что для названия профессии и этих вариантов оказалось мало, и сегодня частью профессионального сообщества продвигается еще один, более сложный, вариант – *развитие общественных связей*, и его русская аббревиатура – *РОС*, что является переводом английского *public relations development*.

Эти варианты отчасти распределились по разным сферам употребления и стилям. Перевод *связи с общественностью* оказался самым официальным и используется в государственных документах, например в перечне студенческих специальностей, а также в названиях многих отечественных учебников. Словосочетание *паблик рилейшнз* может считаться более профессиональным. Оно используется в специальных текстах, например в специальных журналах или в тех же учебниках, но прежде всего иностранных авторов. Примерно так же употребляются и английские слова (*PR* и *public relations*), в особенности аббревиатура, которая часто встречается и в названиях соответствующих компаний, сотрудников и видов деятельности: *PR-агентство*, *PR-консалтинг*, *PR-менеджер*. А вот для всех остальных сфер осталось слово *пиар*, то есть для устной речи и для неофициальных текстов, в том числе для газет и журналов. Оно уже не воспринимается как аббревиатура и активно вступает в отношения с другими словами, приставками и суффиксами. Достаточно назвать ряд образованных от него слов: *пиарищик*, *пиарить*, *отпиарить*, *пиаркампания* ит. д.

Важно и другое. Это слово сильно расширило свое значение и из узко профессионального стало поистине национальным. Теперь смысл, да и употребление слова, столь сильно отличаются от английского прототипа, что его, как я уже сказал, не узнают англичане и американцы. Фактически слово *пиар* может относиться к любому факту навязывания своего мнения, к любой манипуляции чьим-то сознанием с целью создания мнения, более того, к любому случаю просто распространения мнения о чем-либо или о ком-либо. «Хватит его пиарить!» – прерывают меня, когда я лестно аттестую моего коллегу в разговоре с третьими лицами. Как страна жила без пиара, точнее, без этого слова, раньше, уму непостижимо, ведь пиар в таком общем значении («навязывания определенного мнения») существовал всегда. Популярность данного слова, по-видимому, означает осознание всеобщности манипулирования всех всеми, что, впрочем, было характерно для нашего общества и в далекие «допиаровские» (то есть советские) времена.

Кроме разговорности, или «сниженности» стиля, и расширительности, еще один фактор мешает *пиару* стать нейтральным названием профессии. С этим словом связаны очевидные отрицательные ассоциации, позволяющие ему легко погружаться в соответствующие контексты. Словосочетание *черный пиар* по существу уже стало устойчивым. Глагол *пиарить* явно выражает неодобрение к осуществляемому действию, которое иногда еще усиливается приставкой. Мне, например, попадались несколько газетных статей с заголовком «Отпиарили!», построенным по аналогии с глагольным рядом *отдубасить*, *отметелить* и т. д., обозначающим крайне неприятное для объекта действие.

Таким образом, *пиар* в обывательском сознании, воплощенном в языке, обозначает нечто слегка неприличное и вместе с тем привлекательное. Его частотность в текстах во многом следствие моды, но мода эта не случайна. Она вызвана не только тем, что это слово обозначает престижную и отчасти загадочную профессию, но и тем, что за ним стоит важное понятие или явление, возможно, ключевое для нашего сегодняшнего восприятия мира. Можно сказать, что наша эпоха в определенной степени характеризуется словом *пиар*.

В заключение рискну сделать прогноз. Думаю, что именно это слово через какое-то время станет наиболее нейтральным и, возможно, единственным названием данной сферы деятельности. Нужно только подождать, пока пройдет мода, дожидаться, когда исчезнет эта особая смысловая аура. В любом случае, оно уже встроено в русский язык, и из всех нынешних своих конкурентов наиболее употребительно. И, следовательно, давно заслужило, чтобы его включали в словари и не подчеркивали спел-чекеры.¹³

¹³ Программы проверки орфографии.

Просто я работаю волшебником

Раньше в детстве все хотели стать космонавтами или пожарниками, а становились инженерами. Теперь кем хотят, тем и становятся. То есть менеджерами. Слово *менеджер* появилось недавно, в словарях 80-х годов XX века его еще нет, и кажется для русского языка избыточным. Ведь вроде бы уже есть слова с похожим значением, например *управляющий* или разговорное *управленец*. Существуют также слова *служащий*, *клерк* и другие. В словаре Ушакова присутствует даже совсем смешное *менажёр*, которое было заимствовано из французского и относилось только к миру спорта.

Однако, если подумать, слово *менеджер* совершенно уникально, и ничем заменить его нельзя. В новых словарях оно толкуется как *нанимаемый руководитель предприятия*. Но это не так (в этом значении, скорее, скажут *топ-менеджер*), и по существу слово *менеджер* означает почти любую наемную профессию. Вы приходите в турфирму, и вам говорят: «Сейчас к вам подойдет наш менеджер», то есть попросту *наш сотрудник*. Сын моей родственницы устроился, по ее словам, на престижную работу – *менеджером торгового зала*. Ну что же, неплохо, подумал я, пока не перевел эту профессию на более привычный язык. Говорят, что существует даже *менеджер по клинингу*.¹⁴ Слово *менеджер* звучит солидно, но без объяснения практически ничего не значит. Это как просто сказать, что человек работает. Появилось две самых частых объяснительных конструкции. В одном случае пояснение присоединяется с помощью предлога *по*: *менеджер по продажам*, *менеджер по работе с клиентами* и т. п. В другом случае заимствуется английская конструкция с предшествующим существительным в качестве определения, причем чаще всего это существительное тоже просто заимствуется: *сейлзменеджер*, *акаунтменеджер*, *брендменеджер* и подобные. Порой эта английская добавка пишется через дефис, но строгих правил на этот счет пока не существует. Порой первая часть так и пишется по-английски, скажем, *event-менеджер* встречается не реже, чем *ивент-менеджер* или *эвент-менеджер* (или *эвентменеджер*). Поскольку русское написание еще не устоялось, проще написать латиницей, тем более что степень понятности одинакова, – все равно надо знать английский язык. В этой конструкции *менеджер* означает: «тот, кто занимается», соответственно, продажами, продвижением бренда, организацией мероприятий...

Зачем же русскому языку понадобилось заимствовать такое абстрактно-пустоватое слово? Дело в том, что за этим словом скрывается не столько профессия, сколько образ жизни, целая культура, которую можно назвать корпоративной, или «культурой белых воротничков». *Менеджер* – это стабильная работа, стабильная зарплата, стабильные привычки, наконец, просто стабильная жизнь. Менеджер читает солидные СМИ, ест бизнес-ланч, вечером ходит в клубы, а летом отдыхает за границей. В конце концов, это что-то вроде среднего класса минус богема и представители свободных профессий. Стать менеджером означает чего-то добиться в жизни, завоевать свое место под солнцем. Менеджер оказывается основным адресатом рекламы. Слово *менеджер* используется в качестве приманки и включается в название десятков книг типа «Как стать менеджером», «Как быть менеджером», «Как подцепить менеджера».

Это действительно чем-то похоже на инженера в советское время. Мальчик мог играть на скрипочке или сочинять стихи, но все равно должен был стать инженером, потому что это профессия. По крайней мере, так считали мамы, забывая о том, что есть громадная разница между главным инженером завода или чего угодно и обычным инженером, проводя-

¹⁴ *Уборщица*, если читатель не понял.

щим большую часть рабочего времени в курилках или на овощных базах. В слове *инженер* таился определенный статус, некая планка, ниже которой уже не опуститься.

Общественный статус и престиж характеризуют и слово *менеджер*, и делают его столь популярным. А дальше его границы начинают расплываться, как и у инженера, и разница между *топ-менеджером* крупной компании и, скажем, *офис-менеджером* тоже огромна. С помощью расширения употреблений этого слова можно избежать названий непрестижных профессий, например *продавец* или *уборщица* (см. выше), и сделать их престижными. *Менеджер по клинингу* звучит куда более загадочно и многообещающе, в конце концов можно сказать коротко: «Я – менеджер», и тем самым приобщиться к культуре, к статусу, к целому солидному классу солидных людей. Таким образом, слово *менеджер* оказалось своего рода волшебной палочкой, с помощью которой тыква превращается в карету, а Золушка – в принцессу, и, конечно, стало чрезвычайно востребованным именно сейчас, в период складывания новых социальных групп. Оно полезно и ядру этой группы, задающему основные параметры корпоративной культуры, и маргиналам, использующим его как пропуск в клуб для избранных.

Но русский язык не был бы русским, если бы не сумел сыронизировать над собой и в этой ситуации. И породил слово-близнец – *менеджер*. Это транслитерация английского слова, которая воспринимается как особый русский способ прочтения *manager* и в буквальном, и в переносном смысле. И вот уже появляются спектакли и романы, посвященные *менеджерам*, а кто-то философствует, определяя различия между *менеджером* и *менеджером* (например, *менеджер* – это плохо работающий, непрофессиональный *менеджер*). А различие на самом деле одно, и заключается оно в ироническом отношении к соответствующей культуре, статусу и привычкам, и к себе, менеджеру, в том числе. И понятно, что никто не захочет зваться *менеджером торгового зала*, поскольку приходится выбирать – либо погоня за престижем, либо ирония...

Недетские игры

- Кто у вас работает нативным пруфридером?
- Нативный американец.

Кто понял, о чем этот взятый из интернета диалог, тот молодец, а кто не понял – тот уж, наверно, догадался, что речь снова пойдет о профессиях.

Почему я никак не могу оставить в покое эту тему? Не только потому, что мне полюбились эти загадочные и бесконечно красивые слова: *мерчандайзер*, *фандрайзер*, *медиапланер*, *коучер*, *хедхантер*, – в конце концов, когда появились *дизайнер*, *дилер* и *брокер*, о них тоже слагали анекдоты, а потом ничего, привыкли. Скорее, дело в другом. Во-первых, про некоторые из них я даже после длинных объяснений не могу понять, в чем состоит та или иная профессия, что собственно эти люди делают, а во-вторых, я вообще перестал отличать профессии от не-профессий, например от должности, хобби и т. п.

Начнем с «во-первых». Возьмем хотя бы *коучера*. Читаю статью из рубрики «профорентация»: «Коучеры – не советники, не психологи, не тренеры. Они не навязывают своих вкусов, взглядов или выбора. И не пытаются анализировать психологическое прошлое (как это делают психоаналитики). Они просто помогают человеку максимально успешно идти к той цели, которую он сам себе поставил. Человек для них не пациент, а клиент». Не понимаю. Почему не советники или, скажем, не помощники и наставники? Ведь, вроде бы, и советуют, и помогают, и наставляют. Почему это вообще профессия? Ну, то есть это как раз понятно: раз человек для них – клиент (и это в тексте звучит как-то особенно гордо), то профессиональный подход к делу налицо. И тут мы плавно переходим к «во-вторых».

Проще всего считать профессией любую деятельность, за которую платят деньги. Но тогда скажите: *блоггер* и *трендсеттер* – это профессии? Кому-то из них, наверно, уже платят. Но пока все это, скорее, что-то другое – хобби там, или стиль жизни.

Попробуем зайти с содержательной стороны.

Мне кажется, произошли принципиальные, сущностные изменения в понимании профессии как таковой. С одной стороны, имеет место тенденция определения профессии не через предметную область или конкретное дело, а через довольно абстрактную функцию. Пояснить это можно следующим образом. Старые названия профессий во многом дают представление о месте работы, о цели и объекте труда и даже о конкретных действиях. А вот большинство новых – едва ли.

Своей кульминации эта тенденция достигла в слове *менеджер*, о котором сказано выше. Про «вообще менеджера» практически невозможно сказать, ни где он работает, ни что именно делает, ни даже зачем. Ну, управляет людьми, – но это как-то слишком абстрактно, голая функция. Почти так же обстоит дело с *коучером*, *пиарщиком*, *супервайзером*, *креатором* ит. д.

Конечно, такое бывало и раньше, достаточно вспомнить *рабочего*, *предпринимателя* и *политика*. Но если в советское время сатирики издевались над тем, как чиновника перебрасывали с сельского хозяйства на культуру, а потом – на промышленность, то сейчас это уже не смешно. Это нормально: настоящий менеджер может руководить чем угодно.

Существует и противоположная тенденция – к максимальной детализации профессий, так что профессия уже не всегда отличима от конкретной должности. И вот, с одной стороны, имеется *райтер* (или *копирайтер*) – крайне абстрактная функция чего-то-делания с текстом, а с другой стороны, сверхконкретное ее уточнение: *спичрайтер* – специалист по написанию статей, речей, докладов. Ни *райтер*, ни *спичрайтер* в старые добрые времена не потянули

бы на самостоятельную профессию, одно слово в силу недостаточной, а другое – в силу избыточной конкретности.

Можно сказать, что кардинально изменился принцип выделения профессий. Есть как бы три уровня абстракции. В стабильном мире существовал список профессий, относящихся, в основном, к среднему уровню. Их названия информировали не только о выполняемой функции, но и о материальной стороне: условиях труда, инструментах, объекте, порой даже об одежде. Вспомним, у *врача с продавцом* всегда был белый халат, у *пожарника* – красный комбинезон и красная каска, у *почтальона* – толстая сумка на ремне. А уж *трубочиста* с кем-либо еще спутать было просто невозможно. Наш современный нестабильный мир требует другого подхода. Есть профессии – абстрактные функции, практически не зависящие от социальных или технологических изменений и, таким образом, почти не связанные с объектом, инструментом и местом работы. И есть множество чрезвычайно конкретных занятий.

Налицо два способа членения человеческой деятельности – старый и новый. Проводником нового способа стал в нашей культуре английский язык. Во-первых, потому что сам способ пришел с Запада, во-вторых, потому что английский язык дает регулярную возможность называть новые мелкие профессии-занятия одним словом, что удобно. Однословные *сейлзмеджер* или *спичрайтер* к тому же сохраняют также связь с абстрактной функцией – *менеджер* или *райтер*.

Это яркий пример того, как от языка зависит наш взгляд на мир. Есть две разных понятийных сетки, плохо совместимых друг с другом, сквозь которые мы и видим общество. С одной точки зрения – что-то является профессией, а вот с другой – нет. Самое же интересное, что новая сетка профессий не вытеснила старую, а сосуществует с ней. Даже всякие номенклатурные списки представляют собой смешение старых и новых названий, а уж о наших головах и говорить нечего.

Хуже всех приходится детям. Психологи отмечают, что современные дети реже играют в ролевые игры, связанные с профессиональной деятельностью. Легко нам с вами было когда-то играть во *врача и пациента, продавца и покупателя* или там *пожарников*, или *космонавтов*, а вот поди поиграй в *менеджеров, коучеров, фандрайзеров и креаторов*...

Врачу полагается халат и шапочка, термометр и лекарства. Место действия – больница или поликлиника, где он и осматривает больного. Космонавту необходим скафандр и космический корабль, в котором он полетит в космос. А вот как выглядит коучер, где он работает и что он, черт возьми, делает?

Бедные наши дети, наши будущие *манимейкеры* и затем *маниспендеры*!

P. S. Предваряя возмущение корректора и читателей, замечу, что написание некоторых слов в этой главе представляет собой важную орфографическую проблему. Поговорим об этом! Но позже.

Украли слово!

Как мы расстраиваемся, когда в языке появляется что-то новое! Например, новое значение у старого слова. Неправильно, – говорим мы детям, – у слова *тормоз* есть только одно значение, человека так называть нельзя! Но дети на то и дети, чтобы не слушаться старших и играть в свои языковые игры. Когда языковые игры затевают взрослые, все может кончиться гораздо хуже.

Слово *лингвистика* появилось в русском языке как название науки о языке, синоним языкознания и языковедения. Как всегда бывает в языке, с одной стороны, синонимы конкурировали между собой, с другой – слегка расходились их значения. Слово *языковедение* тихо уходило из языка, название языкознание закреплялось за уже давно существующими и давно известными научными областями, а *лингвистика* – за научными направлениями более новыми и современными. Поэтому, скажем, со словом *традиционный* лучше сочетается *языкознание*, а *традиционная лингвистика* как-то менее привычно. Наоборот, *структурной лингвистикой* называют одно из главных направлений этой науки в двадцатом веке, а вот словосочетание *структурное языкознание* совсем не звучит. Просто, так не говорят. Так же странно будет звучать и *компьютерное языкознание*, *генеративное языкознание* и прочие словосочетания, где прилагательное связано с чем-то современным и актуальным. Раньше в названиях кафедр все больше использовалось слово *языкознание*: *кафедра общего языкознания*, *кафедра сравнительно-исторического языкознания*, *кафедра германского языкознания*. И только позднее появились кафедры *структурной* и *прикладной лингвистики*, кафедры *компьютерной лингвистики*, кафедры *теоретической лингвистики*. Короче говоря, слово *лингвистика* стало потихоньку побеждать и вытеснять слово *языкознание*. Но любая победа временна, и удар был нанесен со стороны, с которой его никто не ждал.

Лингвистика – наука маленькая, но гордая. Весьма гордая, но в общем-то не слишком большая. В советские времена структурная лингвистика вместе с семиотикой были чем-то вроде научного гуманитарного островка, в минимальной степени подвергшегося коммунистической идеологизации. Стремление к точности, к использованию математических методов было не только и не просто велением времени. Подумаешь, веление времени, этим-то как раз в советское время научились пренебрегать, ведь чуть раньше более чем актуальные генетика и кибернетика были объявлены лженауками, и не случайно, что именно с кибернетикой связывала себя новая лингвистика. Связь с точными науками была еще и способом защиты от идеологии, обязательной в гуманитарной области. Лингвистика шестидесятых годов стала самой точной из гуманитарных наук, и самой гуманитарной из точных. Отсюда возникла и чрезвычайная околону научная популярность лингвистических штудий, докладов и семинаров, на которых обсуждались пусть малопонятные широкому кругу, но зато независимые от марксизма-ленинизма проблемы. Короче, говоря современным языком, лингвистика – это что-то знаковое, отчасти культовое, и, пожалуй что, элитарное. Ну, так, чтоб всем было понятно.

Перестройка, всеобщий расцвет, а затем всеобщий упадок наук сказался и на лингвистике, но сказался как-то странно. Сначала лингвистика расцвела пышным цветом, а затем... лингвистика продолжала цвести столь же пышным цветом. Появилось множество лингвистических гимназий, факультетов и даже университетов. Для абитуриентов слово *лингвистика* оказалось столь же привлекательно, как и слово *психология* и другие менее научные слова типа *журналистика* и даже *менеджмент*. Тут что-то не так, подумали лингвисты, и они не были бы лингвистами, если бы не решили эту проблему.

Вместе со словом *лингвистика* в русском языке появились и слова *лингвист*, название специалиста в данной научной области (раньше был *языковед*), и *лингвистический*, прилагательное, обозначающее нечто, связанное с данной наукой (раньше было *языковедческий*).

Первым столкнулось с проблемами имя прилагательное. Большинство из возникших ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ гимназий и университетов к науке лингвистике прямого отношения не имели. Просто-напросто в них изучались (больше и лучше) иностранные языки. Позвольте, – подумали лингвисты, – но *лингвистический* означает «связанный с наукой лингвистикой», а не с языком, даже и с иностранным. Нет, это вы позвольте, – подумали в ответ специалисты по иностранным языкам и открыли иностранные словари.

Вот, например, в английском языке слово *linguistic* значит, во-первых, «of linguistics» (то есть «связанный с наукой лингвистикой», по-русски – «лингвистический»), а во-вторых, «of language» (то есть «связанный с языком», по-русски – «языковой»). Так почему бы языковым школам и вузам (то есть школам с усиленным изучением иностранного языка) не называться лингвистическими?

Но ведь это в английском языке (могли бы возразить лингвисты), а в русском это слово относится только к науке.

А нам все равно, нам слово нравится. Раз в английском так, то почему в русском иначе? Это наше слово! (могли бы закричать лингвисты).

Было ваше, стало общим (могли бы тактично ответить специалисты по иностранным языкам).

Конечно, если бы лингвистика была чем-то вроде фирмы «Ксерокс», она бы запретила использовать свой бренд расширительно, и инязы остались бы инязами, как это приключилось с копировальными аппаратами. Но лингвистика – это не фирма «Ксерокс», ни запретить, ни подать в суд она не может, пришлось смириться с новым значением слова. Но дело одним словом не закончилось, и чтобы в этом убедиться, достаточно открыть английский словарь. В нем написано, что *linguist*, во-первых, *specialist in linguistics*, во-вторых, *polyglot*. Смотрим словарь Гальперина, где написано, что *linguist*: 1. Человек, знающий иностранные языки. 2. Лингвист, языковед. Теоретический вывод состоял бы в том, что английский язык опять же устроен иначе, чем русский. А практический вывод, который, как это ни смешно, был сделан, состоял в том, что русский теперь будет, как английский. И лингвистические школы, и лингвистические университеты стали лингвистическими, не только потому, что в них преподают иностранные языки, но и потому, что в них готовят ЛИНГВИСТОВ. То есть, как нетрудно догадаться, *людей, знающих иностранные языки*.

В чем горе лингвистов в старом (еще, впрочем, не исчезнувшем) значении слова? Ну, утратили монополию на слово. Ну, перестали быть элитарными, зато стали популярными, поскольку отблеск популярности иностранных языков падает и на лингвистику. Конкурсы в лингвистические вузы велики, независимо от того, в каком значении используется это слово. И дело даже не в том, что лингвистам нужны *их* студенты, то есть те, которые хотят заниматься наукой, а не просто выучить один или несколько иностранных языков. Путаница в общественном сознании лингвистов и полиглотов раздражала лингвистов всегда, а сейчас стала как бы законной.

Беда в том, что эта путаница произошла все-таки в номенклатурном сознании, и последствия оказались административными, а не какими-то там ментальными. Я пока еще ни разу не слышал, чтобы лингвистом в речи называли человека, знающего один или пару иностранных языков. Однако в перечне вузовских специальностей «*лингвист*» и даже «*лингвистика*» в этом смысле уже используются. Есть такое образовательное направление «лингвистика и межкультурные коммуникации», по которому готовят переводчиков и преподавателей иностранного языка, то есть, так и хочется сказать, не-лингвистов. Те «старые лингвисты» как-то сумели выкрутиться, назвав свою специальность «теоретической и при-

кладной лингвистикой». Нетрудно догадаться, что в нормальной ситуации теоретическая и прикладная области в совокупности и составляют науку. Так, теоретическая и прикладная физика – это просто физика, теоретическая и прикладная химия – это просто химия и так далее. Для лингвистов – эти «лишние» слова нужны, чтобы размежеваться с «новой лингвистикой», в прошлом – изучением иностранных языков. Другое дело, что и такое размежевание проходит недостаточно строго, потому что преподавание иностранных языков вполне может быть отнесено к прикладной лингвистике. На самом деле, это одно из направлений прикладной лингвистики.

Интересно, что государственный стандарт (документ, являющийся основой для введения и осуществления образовательной программы) для бакалавра по лингвистике вообще отсутствует. То есть он существует и даже называется «Бакалавр. Лингвист». Только это лингвист в единственном и уже совсем не научном смысле. Из науки лингвистики, науки о Языке вообще, в него входят всего несколько курсов: «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «История языкознания». Они не случайно названы словом *языкознание*, потому что слово *лингвистика* в государственном стандарте используется уже для совсем другого. Пока лингвистике (в смысле, науке) учат так называемых специалистов, то есть студентов, которые учатся пять лет. Однако, когда наше государство перейдет на систему «бакалавр – магистр», окажется, что лингвистики на первой ступени (бакалавр) уже не существует, то есть, конечно же, существует, но это совсем не та лингвистика, это лингвистика в новом номенклатурном (и даже не английском) смысле, то есть красиво и научно названное изучение иностранного языка.

И наступит лингвистический рай, и станут все люди лингвистами, потому что, кто же теперь не знает хотя бы одного иностранного языка. А если знает, то он и есть самый настоящий лингвист. Жаль, что гордая, но маленькая наука и ее представители не доживут, потому что новых готовить не будут, а старые долго ли тогда протянут.

Монегаски любят зорбинг

Давайте расслабимся и поговорим о спорте. Я люблю спорт. За мужество, за волю к победе, за рост и вес Николая Валуева. Но больше всего за слова. За те слова, которые произносят спортивные комментаторы и пишут спортивные журналисты.

В какой-то статье об экстремальных видах спорта я наталкиваюсь на *кайтинг*, *банджи-джампинг*, *зорбинг*, *фрисби*, *вейкбординг* и только на *дайвинге* облегченно вздыхаю, потому что уже слышал про него. Впрочем, такие разновидности *дайвинга*, как *фридайвинг* и *акватлон*, все равно остаются для меня загадкой. Знание английского помогает, но далеко не всегда. Похоже, что журналисту нравится быть умнее читателя, и обилие незнакомых слов укрепляет его превосходство. Любопытно, что его не слишком волнует проблема понимания его собственного текста.

Впрочем, названия видов спорта – особая статья (большинство из них заимствованы), но даже в хоккейном репортаже я спотыкаюсь на фразе: «Этот канадский форвард забил три гола и сделал две ассистенции». Ну, напиши: «два голевых паса» (и здесь сплошные заимствования, но хотя бы устоявшиеся), а еще лучше – «две передачи». Потом я вспоминаю, что глагол *ассистировать* в этом значении уже вошел в спортивную терминологию, и чем я тогда собственно возмущаюсь? В статьях о боксе мелькают *крузеры* (тяжеловесы, буквально – боксеры крейсерского веса), *проспекты* (перспективные боксеры), *челленджеры* и *контендеры* (претенденты на титул чемпиона) и подобные, хочется сказать – уроды. Особенно мне понравилась фраза: «У челленджера была довольно легкая оппозиция» (имеются в виду – предыдущие противники). Сначала я думал, что спортивные журналисты в принципе не умеют переводить иностранные тексты на русский, но потом догадался, что в этом есть особый профессиональный шик – употребить словечко, незнакомое большинству читателей и как бы подчеркивающее «посвященность» автора. Надо сказать, что болельщики с легкостью подхватывают эти слова и тем самым создают особый спортивный жаргон. Свой собственный жаргон есть у всех более или менее популярных видов спорта: тенниса, горных лыж и т. д. Более того, это было и раньше. Достаточно вспомнить старую моду на футбольных (*гол*)киперов, беков, хавбеков (*хавов*)... Сегодня из них употребителен, пожалуй, только *форвард*. Среди других терминов: *корнер*, например, окончательно вытеснен *угловым*, *пенальти* остался, а *офсайд* конкурирует с *вне игры*. Разница между прошлым и настоящим состоит в том, что сегодня терминология сплошь заимствованная, и никакой *угловой* в принципе невозможен.

«Спортивный профессионализм» имеет и более широкие последствия. Именно в статьях о футболе появились загадочные *манкуннианцы* и *монегаски*. Я помню, как яростно мы спорили с моим знакомым, утверждавшим, что *манкуннианцы* – это болельщики футбольного клуба «Манчестер Юнайтед». Действительно, это слово встречалось только в репортажах о матчах этого клуба и вполне могло бы быть аббревиатурой (*Manc + Un*). На самом же деле *манкуннианцы* и *монегаски* – это самоназвания (на английском и, соответственно, французском языках) жителей Манчестера и Монако. По-русски они называются – *манчестерцы* и *жители Монако* (*монакцы* звучит плохо), но спортивные журналисты с непередаваемым шиком используют новые слова и, по существу, вводят их в обиход. В спортивной статье написать *жители Монако* уже просто неприлично.

Конечно, легко обличать спортивных журналистов. В действительности эти тенденции проявляются не только в спортивных статьях, просто здесь они чаще и заметнее. Сами по себе они довольно безобидны, ведь русский язык быстро осваивает некоторые из этих слов и помещает их в систему, а часть просто отбрасывает (честно говоря, с *ассистенцией* я встретился только однажды). Но вот последствия у них довольно неприятные.

Во-первых, заимствование становится почти единственным способом называния явлений, возникших за границей. Сегодня мы бы не стали переводить какой-нибудь *корнер* как *угловой*, а прямо заимствовали бы английское слово. Как вам, например, нравится термин из кёрлинга – *свиловать* (подметать лед перед скользящим по нему камнем)? Появись прыжки в высоту сейчас, мы бы назвали их *хай-джампингом* и никак иначе. Лень или самоуверенность журналистов становятся фактически «ленью языка», который почти утрачивает внутренние механизмы перевода.

Во-вторых, из-за употребления новых и незнакомых слов возникают проблемы с пониманием текста в целом. Ведь эти слова, будучи по существу жаргонизмами, используются не только на каком-нибудь интернет-форуме любителей бокса или тенниса (где они вполне уместны). Они проникают в тексты, предназначенные, как говорится, для массового читателя. Но именно «массовый читатель» совершенно не обязан их знать. И получается, что любой из нас регулярно попадает в довольно неприятную ситуацию. Читая тексты (а также слушая речи), вроде бы предназначенные для нас («массовых»), мы почти неизбежно спотыкаемся на незнакомых словах. Казалось бы, хорошим тоном для авторов статей было бы такие слова либо не использовать, либо объяснять. Но оказывается, что «хорошим тоном» (все-таки использую кавычки) стало, напротив, употребление как можно большего количества незнакомых слов без каких-либо комментариев, что должно свидетельствовать о профессионализме (или особой посвященности) автора.

Читатель, конечно, выкручивается, как может. О том, что он все-таки может, я расскажу немного позднее.

Кто в доме хозяин

Судьба слов далеко не так безоблачна, как кажется на первый взгляд. Среди множества новых слов, появляющихся в последнее время в русских текстах, лишь некоторым удастся закрепиться в языке надолго или даже остаться в нем. Другие же напоминают незваных гостей, которые, потоптавшись в передней, вскоре незаметно покидают отвергнувший их дом.

Причины тому, что слово не прижилось, бывают очень разные. Например, проиграло в конкурентной борьбе более удачливому сопернику с таким же значением. Или просто понятие, обозначаемое данным словом, оказывается несущественным, и экономный язык предпочитает передавать его описательно. Наличие слова само по себе очень сильное свидетельство важности действия, всего того, что им названо, для говорящих на этом языке.

Приведу несколько примеров таких недолгих пребываний в русском языке. Еще лет десять-пятнадцать назад было заимствовано слово *консенсус*. Популярность его объясняется тем, что его полюбил Михаил Сергеевич Горбачев, старавшийся всегда и во всем *достигать консенсуса*. Речь первого лица государства в СССР и в России всегда была предметом подражания. Особенности речи генсеков, в том числе и их ошибки, воспроизводились сначала их ближайшим кругом, а затем распространялись и дальше. Так, вслед за Хрущевым партийные деятели стали смягчать согласный звук «з» в суффиксе «изм»: *марксизъм, коммунизъм*. После ухода Горбачева с политической сцены быстро прошла мода и на *консенсус*, тем более что достигать с тем же успехом можно и согласия. Слово *консенсус* сейчас используется разве что пародистами, то есть фактически в языке не существует.

Не менее интересная история произошла с рядом слов, связанных с интернетом. В этой области действительно появилось много новых слов, без которых сегодня трудно обойтись, например сам *интернет*, а также *сайт, виртуальный, портал, веб-мастер, веб-дизайнер* и т. д.

Некоторое время назад интернет-сообщество активно изобретало новые слова не для особых интернетных явлений, а для чего-то вполне привычного, но помещенного в сеть. В этом была явно видна попытка сообщества отгородиться от обыденной жизни, переименовать по возможности все, потому что нечто в интернете – это совсем не то, что нечто в старой реальности. Отсюда такие игровые монстры, как уже более или менее привычная *сетература* (вместо сетевая литература) или более редкое – *сетикет* (вместо сетевой этикет).¹⁵ Уже тогда можно было предположить, что они не приживутся в языке, если только интернетное сообщество не отделится окончательно от реального мира. Потому что сетература уж слишком плавно перетекает в литературу, чтобы обыденный язык позволил себе иметь целых два слова для на самом деле одного понятия. А отдельного сетикета, как я писал как-то раньше, тоже не существует. Если же надо подчеркнуть идею «сети», то можно использовать и словосочетание. В конце концов так и случилось. Наиболее талантливые писатели из интернета перекочевали на бумагу и из сетераторов сделались обычными литераторами, а соответствующие слова потеряли актуальность.

Но самым-то увлекательным был поиск слова для самоназвания. Разнообразие вариантов здесь необычайно велико (среди них, так сказать, и народные, и авторские): *сетяне, сетевые, сетенавты, сетевики, сетеголовые, новые нетские* (от английского *net* – сеть). Большая часть из них образована с помощью игрового приема и основана на довольно прозрачной и опять же игровой аналогии. Аналогия в языке вообще играет чрезвычайно важную роль. *Сетяне* устроены так же, как *земляне* или *марсиане*. Метафора понятна: интер-

¹⁵ Существует также слово *нетикет*.

нет сравнивается с отдельной (от Земли) планетой, его пользователи – с ее обитателями. Звучит только чересчур пафосно. Примерно так же, как и *сетенавты*. Здесь, правда, метафора не планеты, но вселенной, а слово по аналогии с *космонавтами* и *астронавтами* называет мужественных путешественников в неведомое. *Сетевики*, наоборот, слишком жаргонно и подчеркнуто приземленно, да и закреплено, кажется, за конкретной специальностью. В *новых нетских* опять же слишком очевидна игра (новые русские), да и русско-английская гибридность помешала слову прижиться. Слово *сетеголовые* по своему устройству, пожалуй, самое сложное и отсылает к фантастической литературе: аналог – *яйцеголовые*. Наиболее нейтрально использование прилагательного *сетевой* в качестве существительного, но оно встречается достаточно редко.

Сегодня можно констатировать, что все эти слова уже забыты и вышли из употребления. Интернет-сообщество растворяется в человечестве или, точнее, наоборот, человечество (в том числе, говорящее по-русски) плавно вливается в интернет, и никакого особого интернетного общества не будет, а все будут существовать то в простой реальности, то в виртуальной. А в этом случае специального слова не нужно. Так думал я еще несколько лет назад, однако не мог предположить неожиданного поворота, который произошел в сетевом жаргоне совсем недавно. *Сетеголовым* не удалось отделить себя от остального человечества, и тогда с помощью специальных слов они отделили это «несетевое» человечество и «несетевую» жизнь от себя, то есть сделали именно всемирную паутину исходной, а реальный мир вторичным. Собственно, его так и называют *реалом*: «Давай встретимся в реале!» Появились также глаголы, обозначающие переход именно из настоящего, то есть сетевого, в ненастоящий, то есть реальный мир. Не пора ли нам *развиртуализоваться*, – говорит обитатель сети другому (варианты – *развиртуализироваться*, *девиртуализ(ир)оваться*). Что означает – познакомиться в том другом мире – мире № 2. Впрочем, есть пара слов, сохраняющих определенное равенство между этими мирами, – *оффлайн* и *онлайн*.

Так что еще не до конца ясно, кто в доме хозяин.

Улучшайзинг под контроллингом

Улучшайзинг – смешное слово, этакое слово-пародия на то, что происходит в русском языке. В нем не только английский суффикс «*инг*», который пока к русским глаголам все-таки не присоединяется, но и абсолютно бессмысленное «*айз*», своего рода мимикрия под английский глагол. Увидев его, я сначала просто смеялся, а потом еще громко и долго смеялся, когда узнал, что это слово вполне употребительно (в интернете около двух тысяч упоминаний). Впрочем, суффикс «*инг*» становится настолько привычным, что скоро шутки по его поводу перестанут смешить.

В подобном заимствовании, вообще говоря, ничего исключительного нет. Трудно и просто невозможно представить себе русский язык без иноязычных суффиксов «*ер*», «*ор*» или, например, «*изм*» и многих других (*пенсионер, редактор, коммунизм*). В русских словарях уже лет двадцать-тридцать назад можно было найти несколько десятков слов с «*инг*», ну а сейчас в текстах их просто огромное количество. Как всегда, смешон не сам суффикс, не его заимствование, смешна мода на него. В результате моды появляется много лишнего и нелепого. Когда я впервые увидел слово *контроллинг*, я подумал, что это тоже шутка, как и *улучшайзинг*. Особенно остроумным казалось сочетание *учет и контроллинг* (впрочем, этот юмор понятен только тем, кто еще помнит советские клише). А потом я обратил внимание на то, что так называются вполне серьезные книги и конференции, что это слово включено в словари по экономике и его значение несколько отличается от смысла более привычного слова *контроль*. Ну ладно, раз слово заимствуют, значит, это кому-то нужно.

Однако уже на этом примере стала заметна совершенно побочная проблема, возникающая при массовом заимствовании слов с «*инг*». И относится она к области орфографии. Проблема эта одновременно и проста, и сложна. Сложность состоит в том, что ни одно из решений не является безупречным. Оба решения (а их всего два) просты, но нехороши.

Пора переходить к примерам.

Как правильно писать: *шопинг* или *шоппинг*, *контролинг* или *контроллинг*, *джогинг* или *джоггинг*? По-английски эти слова пишутся с удвоенной согласной, а вот глагол, от которого они образованы только с одной (*shop – shopping, jog – jogging*). Удвоение в «инговых» формах происходит только для глаголов с кратким гласным звуком в корне, оканчивающихся на письме на одну единственную согласную букву, то есть букву, обозначающую согласный звук. Это правило связано с особенностями английского произношения и никакого отношения к русскому языку вроде бы не имеет. Кстати, это же правило действует и перед другими суффиксами, начинающимися с гласной буквы, например перед «*er*» (вспомним *dig – digger* или актуальное *blog – blogger*). При заимствовании удвоенные согласные между гласными сохраняются, о чем свидетельствуют, в частности, такие давно привычные слова, как *спиннинг* или *спарринг*. Однако не все так просто, и в старых словарях можно встретить слова *фитинг* или *стопинг* (специальные термины), несмотря на то что в оригинале две согласных – *fitting* и *stopping*. А в самых новых словарях появляется слово *шопинг*, причем именно в таком виде, то есть с одной буквой «*n*».

Итак, как это ни странно, есть два способа написания подобных слов. Рассмотрим их плюсы и минусы.

Преимущество написания с удвоенной согласной очевидно. Это просто – пиши, как в английском, и не ошибешься: там две буквы и в русском – две.

Чем же плохо такое написание? Тем, что, делая все по правилам, мы иногда получаем в русском языке очень странные пары явно однокоренных слов, пишущихся по-разному: *блог* и *блоггер*, *контроль* и *контроллинг* (*контроль*, правда, заимствовано значительно раньше и

из французского языка, но смысловая связь двух этих слов очевидна). При таком решении в русском языке появляется ранее ему не свойственное чередование в корне.

Второе решение состоит в том, чтобы писать в этих случаях одну согласную букву. Однако для того, чтобы отличать подобные случаи от других, надо знать английский язык. Скажем, *прессинг* или *толлинг*¹⁶ следует писать с удвоенной согласной (в английском так уже пишутся корни: *press* и *toll*). А вот все вышеупомянутые слова – писать с одной: *шопинг*, *джогинг*, *стопинг* и так далее. Так же в соответствии с этим правилом нужно писать и *дигер*, и *трендсетер*, и даже просто *сетер*, ведь и порода людей, и порода собак связаны с глаголом *set*.

В действительности же происходит смешение этих подходов по следующему принципу. Если в русский язык заимствуется только слово с суффиксом, то оно пишется с удвоенной согласной, например давние заимствования *спиннинг* или *спарринг*, ведь однокоренных слов *спин* или *спар* в русском нет (первое, правда, есть, но в физике, очень далекой от рыболовства области, так что со *спиннингом* его ничего не связывает). *Стопинг* же очевидным образом связан со словом *stop*. Еще любопытнее ситуация с *шопингом*. Я не уверен, что в русском языке есть слово *шоп*, но уж очень часто соответствующее английское слово мелькало на вывесках, и про одну согласную на конце многие запомнили. Некоторые на всякий случай пишут даже *банер* вместо правильного *баннер*, по-видимому, из-за интернет-жаргонизма *банить*, хотя на самом деле между ними никакой связи нет.

Получается, что написание русского слова, во многом зависит от того, сколько слов заимствуется из английского. А это, пожалуй, еще хуже, чем предыдущие способы, – хотя бы потому, что заимствование двух слов может разделять значительное время, а, следовательно, после заимствования второго придется менять ставшее привычным написание первого.

Короче говоря, авторы словарей и законодатели орфографических норм находятся в легкой растерянности. А что же в это время делать пишущим? Попробую дать совет (в неофициальном, так сказать, порядке). Лучше писать, как в английском, с удвоенной согласной, просто потому, что это правило проще и порождает меньше ошибок. Итак, *блог*, но *блоггер*, *трендсеттер* и *шоппинг*. Пощадим только старые слова и термины, давно вошедшие в словари, просто из уважения к традиции.

Да еще, забыл сказать. Никогда не следует писать *тренинг*. В английском ведь и в помине нет удвоенной согласной. Так что, как говорится, *тренинг*, *тренинг* и еще раз *тренинг*.

¹⁶ Замечу абсолютно не к месту и без всякой связи с темой. Просто не могу не поделиться воспоминаниями. Слово *толлинг* внезапно обрушилось на москвичей в 1999 году. На улицах города началась настоящая война на «полях» наружной рекламы. С одних щитов к ним взывала фраза «Запретить толлинг! Хватит грабить Россию!», с других – «Запретить толлинг – разорить Россию». И никто (я имею в виду нормальных людей) не знал тогда, что такое *толлинг*. Да и сейчас не знает.

Семейные ценности

После многих глав, посвященных названиям профессий и разным профессиональным жаргонам, хочется забыть о работе и подумать о семье. Слава Богу, нам есть чем гордиться. В области терминов родства русский язык – один из самых богатых. Ну действительно, что, к примеру, в английском: *mother-in-law, father-in-law, daughter-in-law*?.. Сплошная юриспруденция, а не семья. Попробуйте перевести, скажем, *motherin-law* на русский язык. Пока не станет ясно, о чьей матери – мужа или жены – идет речь, ничего не получится. И так почти с каждым словом. Наша же семейная лексика – повод для патриотизма. И для пессимизма тоже.

Дело в том, что она постоянно сокращается. Давно ушли и забыты такие славные – и когда-то, казалось, столь необходимые – слова, как *вуй, стрый, ятровь*. Вместо *вуй* и *стрыя*, например, мы теперь просто говорим *дядя*, пренебрегая важнейшим в добрые старые времена различием. Для нас теперь совершенно все равно, по какой – материнской или отцовской – линии это дядя.

Из остального лексического богатства часть слов, увы, прочно перебралась в так называемую пассивную лексику. Конечно, все слышали слова *золовка, деверь, шурин, свояченица, свояк, сват* и *сватья*, – но уже почти никто не помнит, что каждое из них значит. Да и тот, кто еще помнит, скорее скажет *сестра мужа* вместо *золовка* или *брат жены* вместо *шурина*. А уж то, что *свои* – это мужчины, женатые на сестрах, сейчас уже почти никому не известно. О пушкинской сватье бабе Бабарихе современного городского человека лучше не спрашивать. *Сватью* путают со *свахой* (которая к родству вообще отношения не имеет), а *сноху* – с *невесткой*, и лишь *тёща* с *зятём* благоденствуют – благодаря их вечному архетипическому конфликту, а главное – городскому фольклору на эту тему.

Итак, печальный итог. Сегодня мы активно используем лишь слова, связанные с ближайшим кровным родством: *мать/отец, сын/дочь, брат/сестра, дядя/тетя, племянник/племянница, внук/внучка, бабушка/дедушка*. Из того, что прежде называлось свойством¹⁷ (еще одно постепенно забываемое слово, означающее родство не кровное, а через брак), кроме *мужа* и *жены*, используются лишь уже упомянутые *тёща* да *зять* и реже *свекровь* да *невестка*.

О чем это говорит? Прежде всего, об изменениях, происходящих в нашей жизни и культуре. Огромная русская семья со сложной иерархией отношений и фиксированными ролями скукожилась до скромной ячейки общества, состоящей из родителей и их детей и (как правило, чаще уже приходящих) бабушек и дедушек. И где-то на периферии – родительские братья и сестры с их детьми. Большая же употребимость слов *тёща* и *свекровь* по сравнению с *тестем* и *свёкром* (кстати, не всякий напишет его правильно в именительном падеже!) свидетельствует о более активной роли женщин в семейных делах, неважно – положительной или отрицательной.

Консервативность языка проявляется в том, что он отражает все эти социальные изменения, – но с некоторым опозданием. Например, не отбрасывает окончательно устаревшую лексику, а сохраняет ее в пассивном словарном запасе как слегка размытое воспоминание о сравнительно недавнем прошлом – своего рода коллективное подсознание. А вдруг всплывет! Ведь вернулись же слова, связывающие людей посредством крещения: *крёстный* и *крестник* (и конечно *крёстная* с *крестницей*), и даже более редкие *кум* да *кума*.

Запаздывает язык и в отражении некоторых новых ролей. В России, как и во всем мире, хотя и несколько позднее, распространилась новая форма брака – без регистрации, то есть

¹⁷ С ударением на последнем слоге.

постоянное совместное проживание, что порой сопровождается рождением и воспитанием детей. Как называть таких «*сожителей*»? Кавычки здесь поставлены неслучайно, потому что вроде бы подходящее по смыслу слово в этой ситуации не используется, наверное, из-за отчетливой отрицательной оценки, явно не уместной по отношению ко все более входящему в норму явлению. Не подходит здесь и слово *любовники*, отмечающее лишь наличие физической связи и скорее отрицающее совместное проживание, и уж тем более – платоническое *возлюбленные*. Русский язык заимствовал английское слово *бой-френд* (кстати, *герл-френд* почти не употребляется, наверное, потому, что женщинам важнее зафиксировать статус мужчины), однако использует его довольно избирательно. Применимо оно только по отношению к молодым людям и не обязательно означает совместное житье-бытье.

Остаются относительно новые и слегка расплывчатые значения слов *друг* и *подруга* (более редкое): «Это ее друг». Насчет совместного проживания в этом случае тоже не вполне ясно, но по крайней мере постоянные отношения эти слова подразумевают. И все-таки подумайте сами. Прожив с человеком лет пять-семь и, например, родив от него ребенка, удобно ли сказать: «Это мой друг». Боюсь, что язык не повернется. Кто же этот человек? Муж? А как же законный брак? И оказывается, что тут у русского языка, а вместе с ним и у нас, нет подходящего слова. Язык как бы замер в ожидании, чем разрешится эта ситуация. Получит ли она особый юридический и, главное, культурный статус, как во многих странах, что, безусловно, потребует специального слова? Или просто понятие брака расшатается так, что слова *муж* и *жена* станут применяться значительно шире, чем сейчас?

Отсутствие слов для нового и вроде бы важного явления оказывается не менее значимым, чем появление таковых. Оно подчеркивает неустойчивость, незакрепленность в культуре и тем самым неокончателность нынешней ситуации с браком и семьей. Что будет? Как говорится, поживем-увидим.

Шароварщики, уберсексуалы, трендсеттеры и другие породы людей

Появление новых слов в языке показывает, что важного появилось в мире. И в этом смысле, пожалуй, самое интересное то, как мы называем самих себя, то есть какие новые названия людей появились в последнее время. По этим словам можно судить о том, какие человеческие типы оказываются в фокусе нашего внимания. Они также задают и некий новый взгляд на себя или, точнее, новый ракурс. Вообще названия людей помогают нам составить наш собственный обобщенный портрет, новые же названия добавляют в него новые черты. А ведь самое интересное для нас – это мы сами. Если подумать, как было бы интересно из этого океана новых названий выбрать самое новое, самое модное, ну вообще, самое-самое... Попробуем!

Про профессии было сказано и так много, так что просто напомним: *хедхантер*, *фандрейзер*, *коучер*, *пруффридер*, *копирайтер*... И ведь это все не какие-то диковинные существа, а мы сами – обычные современные люди. Новые профессии заползают в наш мир в таком количестве, что мы уже радуемся, как старым друзьям, *дилеру* и *брокеру*, *дизайнеру* и *креатору* (хотя недавно рассказывали про них анекдоты), не говоря уж о главной профессии грядущего века – *менеджере*. Еще раз вспомню и его самоироничного двойника – *манагера*. Источник тот же – английский, а оценка – наша русская, и только в русском языке существующая. Новые профессии в подавляющем большинстве – из английского, исключения редки и относятся к областям кулинарии, моды, ну и спорта (например, *сомелье*, *кутюрье*, *сумоист*). Даже когда вдруг встречаешь в интернете что-то очень знакомое, например *шароварищика*, выясняется, что он тоже пришел из английского. К шароварам эта профессия отношения не имеет, а обозначает программиста, создателя особых пробных программ, предлагаемых бесплатно, но, как правило, с ограничением времени действия или каким-то другим «недостатком» (от англ. *shareware*).

Кроме профессий есть еще много нового и интересного. На звание самого-самого претендуют, на мой взгляд, два очень модных словца – *блоггер* и *трендсеттер*. С *блоггером* (англ. *blogger*) понятнее – это человек, ведущий блог, то есть дневник в интернете. Мало кто помнит, что сначала-то был *web-log*, но потом, как говорится, «и» упало, «е» пропало, а «b» накрепко прилипло к «log». Результат налицо. Кстати, пример другого игрового слова в интернете – *лжеюзер*, где «лже» означает вовсе не ложный, а *LJ (LiveJournal)*, то есть опять же интернет-дневник.

Только входящее в нашу жизнь слово *трендсеттер* поначалу вводит в заблуждение, однако это не порода собак. Оно – воплощенная мода, модно само и к тому же называет модного человека, точнее, законодателя этой самой моды, стиля жизни и, не побоюсь нового слова, *тренда*.

В последнее время меня, пожалуй, больше всего поразил приход *дауншифтера*. Что это, кто это? Ах, да, это тот, кто занимается *дауншифтингом*. Всем понятно? Вопросов нет? Ладно уж, объясню. *Дауншифтер* – это тот, кто сознательно спускается вниз по социальной лестнице, выпадает из социальной иерархии. Журнал «Русский Newsweek» опубликовал большую статью о дауншифтерах, наших соотечественниках, которые бросают престижную работу, оставляют высокие посты и на заработанные тяжелым трудом деньги живут где-нибудь в Таиланде или Малайзии. Ведь и вправду иначе, чем как *дауншифтерами*, их и не назовешь.

Обзор не будет полон, если мы не обратимся к области взаимоотношений полов. Здесь, как это ни странно, все самое интересное связано с мужчинами. Рядом с недавними властителями дум – *метросексуалами* – теперь часто упоминаются образованные по аналогии

ретросексуалы (обычные мужики, но красиво названные) и *техносексуалы* (они же, но помешанные на технике). Однако за их спинами уже виден будущий чемпион – *уберсексуал*, причудливая смесь английского с немецким (вспомните *уберменша*). Только не надо спрашивать, что это такое, все равно не скажу. Разве что в качестве намека назову пару-тройку этих сверхмужчин: Билл Клинтон, Джордж Клуни, Пирс Броснан (любят политику, вино, сигары) ... Замечу лишь, что тенденция удручающая, большинство из этих «неосексуалов» как-то слишком самодостаточны и практически не нуждаются в женском обществе. А жаль.

Наблюдательный читатель уже обратил внимание, что и эти новые слова русским языком заимствованы, прежде всего из английского. Это, пожалуй, самый яркий и, наверное, грустный пример того, что мы сейчас не создаем общественные, профессиональные и культурные отношения, а, скорее, заимствуем их вместе с соответствующими словами, то есть живем в условиях трансляции чужой культуры.

Не знаю, послужит ли читателю утешением, что в языке сохранилась по крайней мере одна патриотичная область. Это зона партстроительства. Рядом с *единороссами* плечом к плечу выстраиваются *свободороссы*. Не будем забывать о *родинцах* и *жизненицах*. Правда, только к ним привыкли, как они, объединившись, вроде и перестали быть актуальными. Кто они теперь? *Справедливороссы*? Мне лично милее были бы *справедливыцы*, но едва ли члены партии со мной согласятся. Впрочем, теперь, кажется, их называют еще и *эсерами* (по аббревиатуре СР). Не правда ли, все новое – это хорошо забытое старое?

Почти все слова, о которых я писал в этой главе, подчеркнул красной волнистой чертой спел-чекер (проверка орфографии). Значит, они еще не вполне вошли в русский язык (даже продвинутый спел-чекер их не признал), и есть робкая надежда, что войдут по крайней мере не все. Так что не надо отчаиваться!

Глупые числа – 1234...

В названии должно быть число. Это правильно. Это мейнстрим. Ну вот, например, за весь прошлый век я помню только одно название, целиком состоящее из года. Это знаменитый роман Оруэлла «1984». А в нашем только начавшемся веке уже появилось по крайней мере три романа русских авторов: «2008» С. Доренко, «2017» О. Славниковой и «2048» Мерси Шелли.¹⁸ Да еще фильм Вонг Карвая «2046», да еще телепередача А. Гордона «2030»... Если отвлечься от дат, то можно вспомнить наши новые фильмы «4» (режиссер И. Хржановский) и «977» (режиссер Н. Хомерики) и американский сериал «4400», роман В. Сорокина «23000», фильм Н. Михалкова «12» и многое другое. И поверьте, этим дело не кончится.

Мода на число – это мировая тенденция, и, казалось бы, причем тут русский язык. И тут надо сказать две вещи. Во-первых, мы, русские, больше многих других наций (американцев, немцев и прочих шведов) любим порядковые числительные. Там, где по-английски или по-французски используется количественное, по-русски часто предпочитается порядковое. Для тех, кто не помнит грамматики, поясню. Скажем, в королевском имени *Ричард III* мы прочтем число как «третий», а не как «три», автомобиль «*Москвич-407*» называем «четыре-ста седьмым», а «*Mercedes 600*» – «шестисотым». Ну и так далее.

Сегодня же в русском языке количественные числительные теснят порядковые. Так, и это во-вторых, в русском языке стала очень популярной особая конструкция, включающая в себя число, которое следует читать именно как количественное числительное.

Я открываю в журналах и газетах раздел, посвященный развлечениям, и вижу: галерея *A-3*, клуб *B2*, спектакль «*Доктор-шоу, или Кабаре-03*», коктейль *B-52*, выставка *Электронный вуду-2*, телевизионная передача «*Кремль-9*», концерт «*Скажи Ой 2*», авиакомпания *S7*, «*Радио 7*», романы, фильмы, сценарии и т. д. «*Одиночество-12*», «*Параграф 78*», «*Убежище 3/9*». И повсюду количественные числительные. Откуда это все взялось?

Надо сказать, что в русском языке была подобная синтаксическая конструкция, но с ее помощью назывались, пожалуй, только три определенных вещи:

- Механизм и номенклатура: (танк) *T-34*, (самолет) *Ту-134*, (телевизор) *Темп-3* и т. п.
- Событие, или место, и год: *Олимпиада-80*, роман В. Войновича «*Москва 2042*» и т. п.
- Населенный пункт и номер: *Армавир-9*, *Арзамас-16*, *Горки-10*, *Шереметьево-2* и т. п.

Сегодня же так может называться что угодно: от коктейля до романа, от клуба до авиакомпании. Расшатываясь и расширяясь эта конструкция стала под влиянием английского языка. Приведу только самые известные давние примеры: роман Дж. Хеллера «*Уловка 22*» (в другом переводе «*Поправка 22*»), вещество «*Лед 9*» в романе К. Воннегута, гонки «*Формула 1*», так называемые сиквелы (продолжения фильмов) «*Крик 2*», «*Пила 2*» и т. п., а также знаменитый «*агент 007*» – Джеймс Бонд. Именно названия фильмов и составили ту критическую массу, после которой стало позволено все. Само это явление уже пародируется в юмористических текстах, например во вновь актуальном журнале «Крокодил»: *Сбылась мечта-3*, *Дедушка возвращается-2*, *В глубокой заднице-8*. Один из самых чутких к моде писателей В. Пелевин публикует роман «Числа», где эта конструкция становится судьбоносной.

¹⁸ Кроме них, следует упомянуть названия произведений, включающих в себя указание года, но распространенных за счет других слов: роман Д. Глуховского «*Метро 2033*», а также книги А. Барикко «1900. Легенда о пианисте» и В. Войновича «*Москва 2042*». В двух последних происходит как бы перекрещивание дат публикации и собственно действия. Название романа Барикко отсылает к двадцатому веку, а сам роман издан в двадцать первом. Напротив, роман Войновича опубликован в двадцатом веке, но его название отсылает к двадцать первому.

Роман в целом как раз и посвящен роли чисел в жизни современного человека. По существу, в нем предлагается некая концепция этой роли, а по ходу действия происходит постоянная игра с числами. Можно привести один, пожалуй самый яркий, пример. Все главы помечены числами, но это не порядковый номер главы, а скорее ее название (за исключением, возможно, первой главы). Во второй по порядку главе «17» речь идет о семнадцатом дне рождения. В следующей главе «43» – о числе 43 и т. п. Название же «34» встречается в романе неоднократно.

Одна из основных коллизий романа заключается в поиске героем хорошего числа, которое смогло бы защитить его, а также во взаимодействии выбранного им числа с другими числами, хорошими и плохими, и числами других людей.

Таким ангелом-хранителем для героя после долгих размышлений становится число 34. В этом решении его укрепил и случай в кино, когда на спинке кресла он увидел надпись:

«Перед ним чернела жирная надпись несмываемым маркером: “САН-34”. Что такое “САН”, он не знал – может быть, группа в каком-нибудь учебном заведении или что-нибудь в этом роде. Зато он хорошо знал, что такое “34” <...> После этого случая стало окончательно ясно, что пакт, о котором он мечтал с детства, заключен».

Вот так ключевую роль в жизни героя романа сыграла надпись на спинке кресла в кинотеатре – *САН-34*. Герой переосмыслил ее, наполнив число своим собственным содержанием. И это чрезвычайно важно.

Вкратце основные принципы «новой нумерологии» по Пелевину¹⁹ таковы.

Во-первых, в отличие от нумерологической традиции она оперирует как раз большими числами (двузначными) и потому, как уже сказано выше, не имеющими устойчивых культурных коннотаций.

Во-вторых, сама связь числа и явления в «новой нумерологии» культурно никак не обусловлена. Более того, можно говорить о произвольности и даже натянутости этой связи. Подгонка события под число или вычитывание числа из события в интерпретации персонажей романа кажутся абсурдными и смешными. «Новая нумерология» по существу является постмодернистским издевательством над традиционной нумерологией.

В-третьих, несмотря на произвольность и абсурдность, «новая нумерология» работает как некая прикладная наука, или, иначе говоря, как руководство к действию. Такое руководство дает определенный положительный эффект, и не только психологический. Абсурдность «новой нумерологии» противостоит абсурдности современного мира и помогает упорядочить его некоторым, пусть случайным, образом.

В жизни, а точнее, в сегодняшнем языке действительно происходит нечто очень похожее. В современных названиях число иногда получает совершенно понятную интерпретацию, например в «*Кабаре-03*» число отсылает к номеру скорой помощи, а в галерее *A-3*, по-видимому, к формату бумаги. Но порой появляется множественность смыслов. Скажем, в случае «*Радио 7*» – это можно интерпретировать и как радио на семи холмах, и как трансляция семь дней в неделю (в соответствии с рекламным слоганом). А в одной радиопередаче, посвященной авиакомпаниям, был объявлен конкурс на лучшую интерпретацию сочетания «*S 7*», что фактически подразумевало, что у владельцев компании такой интерпретации либо нет, либо они готовы ее дополнить другими. Интересно, что одной из лучших была признана интерпретация числа 7 как количества континентов или частей света, куда летают самолеты компании, что, безусловно, неверно. Традиционно выделяются шесть континентов и шесть

¹⁹ Точнее, конечно, говорить о художественной концепции связи чисел и человеческой жизни (событий, характеров, друзей и врагов), которую автор создает как бы в соавторстве со своими персонажами и к которой сам В. Пелевин относится в целом издевательски, но все же отчасти сочувственно, что видно хотя бы из последней цитаты.

(реже семь) частей света, но в любом случае в Антарктиду самолеты данной компании не летают.

Наконец, в качестве логичного завершения этого процесса происходит обесмысливание числа в названии. И здесь опять стоит обратиться к художественной литературе. Название модного романа «*Одиночество-12*» его автор А. Ревазов объясняет словами своих героев, между которыми происходит следующий диалог.

- Вот и создалась концессия, – сказал Антон.
- Надо как-то ее назвать, – предложил я.
- «Дейр-Эль-Бахри», – предложил Матвей. – Жестко. Seriously.
- Seriously, но хрен выговоришь, – возразил я. – Давайте лучше «Одиночество». Это слово мы еще не расшифровали.
- Слишком грустно, – покачал головой Матвей. – И не круто.
- «Одиночество-12», – сказал Антон. – Грусти – меньше, крутизны – больше.
- Почему 12?
- Просто так. Лучше звучит. Как *Catch 22*. Или Ми-6. И вообще, двенадцать – счастливое число.

Все согласились, хотя Мотя проворчал, что ему это больше напоминает не Ми-6, а Горки-10.

Для числа 12 вообще не предусмотрено никакой интерпретации. Появляется же оно в названии совершенно случайным образом, для «крутости», а фактически – «под иностранным влиянием», точнее, под влиянием соответствующей английской конструкции (см. указание на уже упоминавшийся роман Дж. Хеллера «*Catch 22*» и английскую разведку *Mi-6*).

Вот и объяснение всему. Если говорить ученым языком, то сначала происходит семантическое опустошение числа, когда первоначальное значение либо постепенно утрачивается, либо изначально неизвестно адресату текста. В предельном случае оно и не предполагается, то есть цифровую запись можно рассматривать как иероглиф, используемый только ради его звучания, но не значения.

Если же совсем просто, то под влиянием английского языка в русском стало расширяться значение конструкции с числом. И расширилось до того, что число фактически потеряло смысл, стало своего рода крутым атрибутом или аксессуаром, красивым и модным украшением в названии.

Николай Гумилев когда-то написал:

А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умно число передает.

В последнее время числа несколько поглупели, по крайней мере некоторые из них. Зато получили доступ в высший свет.

Пункт приема потерянных слов

Как-то в Хельсинки я заглянул в музей истории и некоторое время бродил по залам, отстраненно любуясь предметами старины, пока не увидел телефон. Почти такой же был у нас дома, с большим диском и большой грубой трубкой. Рядом с музейным телефоном стояла пишущая машинка «Ундервуд», такая же, как у моего отца, и еще старая и задрипанная детская коляска. Это оказался зал двадцатого века, а в нем вещи, с которыми я когда-то жил и которых больше нет вокруг. Только в музее истории.

Увы, для слов не существует музеев. Мы яростно спорим, хорошо это или плохо, что в русском языке появляется так много новых слов, и совершенно не обращаем внимания на то, что тем временем другие слова постепенно исчезают. Конечно, об исчезновении слов всем известно, и любой мало-мальски образованный человек засыплет меня примерами: *смерд, чело, десница, засим, вечерять, токмо, паче...* Но это все мертвые слова, которые мы никогда не используем в обычной речи, а в современных словарях, если они туда, конечно, попали, им сопутствует помета «устаревшее». В несуществующем музее слов их следовало бы поместить в какие-то первые залы. Гораздо интереснее посмотреть на слова, уходящие из языка в двадцатом и двадцать первом веках, попросту говоря, на наших глазах.

Легко сказать «посмотреть»! А как это сделать? Как понять, что слово действительно уходит? Проще всего обстоит дело со словами, называющими утраченные вещи или понятия. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что из языка ушли многие советизмы: от фельетонного *несуна*²⁰ до идеологических *субботника* или *парторга*. На смену *многотиражкам* пришли *корпоративные издания*, а *партсобрания* были вытеснены *корпоративными вечерами*. Те, кто старше тридцати пяти (то есть в 85-м были уже взрослыми), конечно, помнят эти слова, те, кто моложе двадцати пяти, – вряд ли. Впрочем, некоторые из этих слов остаются в языке где-то на периферии – для обозначения «той жизни». В последнее время в переводных романах мне несколько раз при описании вещей в комнате попало странное словосочетание – *печатная машинка*. Подозреваю, что переводчик либо слишком молод, либо слишком забывчив. Речь ведь идет о том, что по-русски называется *пишущей машинкой* и только так (см. выше сцену в музее). Печатная машина, конечно, тоже существует, но место ей в типографии.

Слова уходят не только вместе с вещами, но и сами по себе. Трудно поймать момент их ухода, еще труднее предсказать его. Тут мне не поможет профессия лингвиста, потому что пока лингвисты не умеют фиксировать это довольно условное прощание слова с языком. Попробую опереться на свою интуицию, хотя и понимаю, как это субъективно. Назову несколько слов, которые, как мне кажется, еще используются, но только теми, кто постарше. А это значит, что они на пути к исчезновению.

Я давно уже не слышал от своих знакомых слова *получка*, а ведь раньше жизнь измерялась *от получки до получки*. Интересно, что вполне советское по происхождению слово *зарплата* чувствует себя превосходно. По-видимому, в *получке* было заложено что-то социально важное: процесс выдачи денег (как правило, два раза в месяц), очереди у кассы, задача долгов – все то, что бесследно (хочется надеяться) исчезло из нашей жизни.

Не слышу я и таких слов, как *посиделки* и *междусобойчик* (в значении праздника для своих). По-моему, их нет в речи молодых людей. Может быть, их заменила *тусовка*? Мне почему-то посиделки милее, как-то камернее и домашнее, не считите за старческое брюзжание. Кстати, мы теперь и не *чайвничаем*, хотя чай пить вроде не перестали.

²⁰ Любопытно, помнит ли (знает ли) читатель, что это такое. Так в советских фельетонах называли человека, воровавшего («уносившего») с собственного предприятия его продукцию.

Часто уход слова никакими теориями и социальными сдвигами не объяснишь. В начале этой главы я употребил слово *задрипанный*, но ведь так тоже сегодня не говорят. А *задрипанных* или, скажем, *замурзанных* вещей вокруг сколько угодно. Почему-то исчезло из употребления в качестве ответа на вопрос слово *отнюдь*, еще недавно популярное в узких кругах: *Ну что, теперь ты довольна? – Отнюдь.*

Особенно интересно обстоят дела с человеческими отношениями. О сокращении терминов родства я уже писал. Но вот слово *приятельница*, обозначающее дружеские отношения между взрослыми женщинами. То ли нынешние девушки, те самые двадцатипятилетние, еще просто не выросли (и у них все еще подруги), то ли с *приятельницей* придется попрощаться (в отличие от вроде бы похожего на нее *приятеля*). В общем, в нынешнюю унисекс-эпоху особым женским словам приходится туго. Незаметным стало слово *земляк*, видимо, в эпоху глобальных перемещений исходный пункт все меньше связывает людей. Уход слова не трагедия, но всегда потеря – потеря смысла и некоторого особого взгляда на мир.

Любой читатель может поспорить с моим списком и предложить свой собственный. У нас у каждого свой слух и свой языковой опыт. Хорошо было бы открыть пункт приема уходящих слов, потому что иначе, как всем миром, нам их не собрать. А потом создать музей, хотя, как я уже сказал, для слов не бывает музеев.

Зато есть словари. И, может быть, когда-нибудь мы увидим словарь русских слов, исчезнувших в нашу смутную эпоху. Боюсь, что он будет довольно толстым.

Поговорим об этом вместе

В 2006 году моя статья про уходящие слова вышла в газете «Ведомости» и вызвала огромное количество откликов в интернете на форуме газеты. Кто-то спорил со мной, кто-то друг с другом, но в основном все вспоминали разные уходящие или ушедшие слова. Интересных примеров было так много, что, в конце концов, мне стали прозрачно намекать о необходимости совместных исследований, публикаций или хотя бы просто благодарности за помощь. Конечно, я не могу привести здесь всю дискуссию, но самые, на мой взгляд, интересные, а может быть, забавные реплики я процитирую.²¹

Semar

...гы, вы у проституток спросите пользуются ли они термином «субботник»:-)))

Scally

Вот оно, значит, как... мне еще жить и жить до 35ти, но слово «отнюдь» – мое любимое. Часто его употребляю в разговоре вместо «нет». На мой взгляд, оно более звучное и более убедительное. Не брезгую словами «приятельница» и «посиделки». И периодически слышу их от своих ровесников.

ex-ibmbcs

«ударник»

«рабфак» (хотя в МГУ до сих пор упорно называют подготовительный факультет «рабфаком»)

«косынка» (теперь у нас носят «банданы»)

Capoeirista

Недавно с друзьями заметили, что слишком часто стали употреблять слово «прикольно». Решили, что это не правильно. Теперь пытаемся заменить его хорошо забытым словом «баско».

ex-ibmbcs

Да, помню такое словечко по школьным временам. Только смысл все же немного другой.

Capoeirista

Да, «баско» – значит красиво. Но мы употребляли его как синоним слову «клево». Клево сейчас используем только применительно к рыбалке.

s_o_smirnov

У нас в деревне так говорили, например, баская девушка, баский платок. А вы случайно не из Вологды?:)

NataNK

используют «баской» в Сибири. Моя бабушка так говорила. И мама иногда употребляет, но уже «в кавычках», понимая, что слово устаревшее. И в сельской местности до сих пор употребляют, чаще слышала по отношению к урожаю: «морковка баская такая» (т. е. крупная, сочная, хорошая), произносится с растягиванием и усилением второго слога. Слово имеет сильную эмоциональную окраску. А у другой мой бабушки картошка на огороде росла «обламучая», только ни от кого я такого слова больше не слышала.

²¹ Я старался не менять орфографию и пунктуацию, но все же явные опечатки поправил, просто чтобы было легче читать. И кое-где подсократил реплики.

ex-ibmbcs

А еще есть ушедшее слово «лимитчик». Хотя нет-нет, а употребляют презрительное «лимита». Впрочем, есть слова, которые пока не ушли из нашего лексикона, хотя очень хотелось бы: «понаехали», например.

s_o_smirnov

Из этого же советского прошлого – «толкач». А порой уходят не только слова, термины, но и фамилии. Лет семь назад мой сын принес из детского садика старую детскую считалку-дразнилку: «Улица Ленина, дом короля, кто обижается – сам на себя». Но Ленин он произносил как Левин. Когда я попробовал его исправить, он ответил: «Папа, такого слова Ленин – нет!»

ex-ibmbcs

А помните слова «фарцевать», «фарцовщик»? И еще: «барыга». Последнее, правда, приходится все чаще использовать сейчас. Например, как еще назвать спекулянтов, которые на вокзале «барыжат» билетами в тот же Питер? Самое смешное, они в ответ на прямое употребление слова «барыга» в их адрес говорят: «да назови нас как хочешь, только деньги плати»...

Вальдман

Еще спекулянты исчезли. Мироед еще слово было;-) Пропесочить.

ex-ibmbcs

Вот не знаю, подскажите насчет слова «авоська» – ими кто-то еще пользуется?! Помните, такие из тонких веревочек сетчатые сумки?! И куда исчезли из магазинов «рогалики»?!

Ryck

В тему авоськи – «кулек». Давно не слышал...

spina

бедненькие вы, у нас рогаликов с повидлом еще полно, и сверху сыплют сахарной пудрой

ex-ibmbcs

Еще были распространены шапки «из пыжика», или попросту «пыжик». Теперь «пыжиками» называют дамские машинки марки Peugeot (например 206).

Kosh

Кто ни будь знаком со словом «Раскардаш»?

а глаголом «перехиляться?»:))

Ulitochka

Раскардаш у меня мама часто употребляет в смысле «беспорядок, бардак»)) А вот глагол незнакомый:))

spina

раскардаш – у нас тут на юге часто используется синонимом беспорядка

Ulitochka

А вместо слова «подгузник» сейчас все чаще употребляют «памперс»:)

ААлек

было еще подряд, но в ироничном смысле – отлэ, зэконско, ништяк.

NataNK

исчезла «кошелка» как вид сумки.

исчезло такое название предмета женского нижнего белья, как «комбинация», причем сам предмет остался (зайдите в дорогой бельевого бутик в центре Москвы). Нижнее белье перестали называть «исподним».

Кстати, совсем недавно в одной из сибирских деревень встретила слово «исподки» как название мягких шерстяных варежек (рукавичек), в отличие от грубых рабочих рукавиц «верхонок».

еще не стало управдомов!

С. Никонов

У нас с Вами кошелка конечно исчезла

Это слово теперь очень активно используется для обозначения некоторых неприятных оратору женщин.

С. Никонов

А еще «ватник» заменил «телогрейку».

NataNK

не, телогрейка осталась. в сельской местности, причем по всей стране, используется и одежда, и слово.

а вот душегрейка как теплая женская одежда ушла. когда-то жилет был сугубо мужской одеждой, а женские утепленные безрукавки, одеваемые на другую одежду, назывались душегрейками.

Ярославич

«Ватник» то же уже не слышу, как и «батник» из 80-хи «пуховик» из 90-х. Убежали «кеды».

NataNK

пуховики остались на рынках, а кеды возвращаются в бутики как «винтажная обувь»

Ulitochka

Еще, мне кажется, уходит слово «диктор» – теперь вместо него ведущие или ди-джеи:) В книжках про 50—60-е годы, особенно в детских (Драгунский, Носов и пр.) часто встречалось слово «ситро», а в жизни я его вообще не слышала.

Бобби

Сейчас, Максим Кронгауз за нами уже всё записал, со словариком ты немного опоздал. Давайте попросимся в соавторы хоть? И пусть не называет нас забытым словом «нахлебники» или «захребетники».

s_o_smirnov

Леня Голубков бы сказал – мы партнеры:) Максим, вы действительно делаете такой словарь, тогда прошусь в помощники (в соавторы – это слишком нахально:))

NataNK

Уважаемый Максим Кронгауз! Посмотрите, сколько мы вам вышедших и еще выходящих из употребления слов назвали. Надеюсь, вы сможете отделить от тех, что действительно покидают язык, поколения жаргонизмов, диалекты и неприжившийся новояз. И очень хочется, чтобы вы нашли способ как-то сообщить нам, пригодились ли вам наши полные энтузиазма изыскания!

Я не участвовал в самой дискуссии и попробую исправить этот свой промах в книге.

МК

Дорогие участники форума, «ваши полные энтузиазма изыскания» мне, безусловно, пригодились. Буду рад, если включение этой главы в книгу, вы сочтете моей благодарностью и признанием партнерства.

Спасатели слов

Никак не могу расстаться с этой темой – уходящие слова. Россию часто сравнивают с Францией именно по отношению к родному языку. Точнее, многие считают, что нам следует ориентироваться на Францию в смысле заботы и защиты родного языка. Я прожил во Франции два года, преподавал там в университете и, честно говоря, так не думаю. Не потому, что французы неправы, а просто мы другие (вспомните историю про @ из главы «Курс молодого словца»). Но попадались мне там замечательные вещи, о которых стоит рассказать.

Начну издалека – с французского телевидения. Оно, с содержательной точки зрения, ничем не лучше российского, за, пожалуй, одним или, если хотите, двумя исключениями. Я имею в виду программы о книгах и языке. Каждый из основных французских каналов имеет специальную передачу о новых книгах. На этих передачах, как правило, присутствуют авторы, и обсуждается не только художественная литература, но и публицистика, и даже сугубо научные книги. Иногда эти передачи закрываются, но им на смену приходят новые. Самую знаменитую (так и хочется сказать – культовую), уже давно закрытую, под названием «Культурный бульон» вел Бернар Пиво. Бернар Пиво – один из самых известных французских тележурналистов. Кроме всего прочего, он – один из организаторов знаменитых французских диктантов популярного конкурса, финал которого проводился на телевидении. Диктанты настолько сложны, что даже победители делают какое-то количество ошибок. Пиво также составитель серии «Les Dicos d'or» («Золотые словари»), куда входят популярные книги о языке.

И вот у меня в руках новая книга из этой серии, написанная самим Бернаром Пиво, «100 mots à sauver» (2004), название которой переводится на русский язык примерно как «100 слов, которые нужно спасти». Это тоненькая книжка, напечатанная к тому же крупным шрифтом, по сути представляет собой словарик. Она некоторое время была среди бестселлеров, что для словаря, согласитесь, редкость. Впрочем, по виду на словарь она совсем не похожа, да и никаких научных претензий у нее, на первый взгляд, нет. В небольшом предисловии автор пишет о том, что люди справедливо заняты спасением птиц, насекомых, растений и других живых созданий, находящихся под угрозой исчезновения. Но никому нет дела до исчезающих слов, хотя, казалось бы, слова родного языка должны быть нам ближе, чем никогда не виданное растение. Впрочем, и в лингвистике появилась своя экология, правда, лингвисты спасают объекты более крупные, чем слова, – целые языки. Пиво цитирует известного французского лингвиста Клода Ажежа, который утверждает, что ежегодно в мире исчезает около двадцати пяти языков. Что уж тут говорить о словах!

И все-таки французы удивительно трепетно относятся к своему языку. Бернар Пиво, не будучи, вообще говоря, профессиональным лингвистом, берется за задачу проследить, а точнее – выследить уходящие из французского языка слова, и даже не только слова, а отдельные значения. Это оказывается возможным лишь по одной простой причине – благодаря налаженной, как безостановочное производство, французской лексикографии. Во Франции существуют два знаменитых словарных издательства Larousse и Robert (есть и другие, но Пиво опирался на эти издания), каждое из которых кроме большого многотомного словаря издает, и делает это из года в год, однотомные словари, так называемый Petit Larousse и Petit Robert, соответственно. Каждый год в эти словари включаются новые слова и, увы, исключаются какие-то устаревшие (объем словаря более или менее фиксирован). Эти обновления также фиксируются и даже обсуждаются, в том числе на телевидении. Именно поэтому словарь исчезающих слов может составить и неспециалист. Трогательным штрихом в книге Пиво оказываются пустые страницы в конце, озаглавленные «Liste personnelle de mots en

réfil) («Личный список, слов, находящихся под угрозой исчезновения»). Читатель приглашается в соавторы!

Сам словарь чрезвычайно прост. Статья о слове состоит из описания его значения, примера его употребления (как правило, цитата из какого-нибудь известного автора) и необязательного, но всегда любопытного (когда оно есть) неформального примечания, помеченного восклицанием *Her!*, которое, кажется, понятно и без перевода. Написано это все чрезвычайно живым языком и, конечно же, не без особого французского юмора, впрочем, достаточно интеллигентного.

Едва ли читателю, незнакомому с французским языком, будет интересен подробный разбор словаря, поэтому ограничусь несколькими примерами.

Вот словечко *bath* с пометой «неизменяемое прилагательное». Это слово выражает положительную оценку. Такие слова очень частотны, особенно в устах молодых людей, и не слишком содержательны. На них существует особая мода, но если они выпадают из языка, возврата, как правило, нет. На смену ему пришли такие понятные и другим нациям слова, как *super*, *géant*, *genial*, *extra*. Но, как мягко замечает автор, *bath est un mot très bath, et même super!* Что означает: *bath* – словечко очень *bath* (хоть куда), и даже *super* (супер).

Исчезнувшее слово *béjaune* (существительное мужского рода) происходит от слов *bec* «клюв» и *jaune* «желтый» и в точности напоминает и по смыслу, и по структуре русское *желторотый* (за исключением части речи и порядка компонентов). Происхождение его прозрачно: желтый клюв бывает у птенцов. Интересно, однако, что более употребительно французское слово *blanc-bec* («белоклювик»), которое отличается от первого по значению, поскольку совмещает неопытность с самоуверенностью и высокомерием. Естественно, что «белоклювик» не слишком жалуют, например, в армии.

Устаревшее междометие *fi!* понятно русскому человеку без перевода. К нам оно, по-видимому, пришло из французского языка (как и выражение *выразить фи*) и, к сожалению, тоже устарело. Сам Пиво восхищается его эмоциональностью и краткостью, своего рода рекорд французского языка.

Еще одно очень французское словечко *fla-fla* (существительное мужского рода). Оно обозначает неестественное, напыщенное или манерное поведение, а в сочетании с глаголом *faire* «делать» может быть переведено на русский, как *изображать из себя*, а если совсем грубо, то *выпендриваться*.

Устарело и существительное женского рода *nasarde*, обозначающее удар или щелчок по носу, как в прямом, так и в переносном смысле.

Существительное женского рода *patache* обозначало лишенный комфорта дилижанс, на котором на небольшие расстояния перемещались крестьяне. Интересно, однако, что водителей такого дилижанса называли *patachon*, а поскольку вели они несколько рассеянный (не сказать божественный) образ жизни, появилось выражение *la vie de patachon* (жизнь «паташона»), которое тоже благополучно устарело.

А вот смешное и очень длинное междометие *saperlipopette!*, когда-то богохульство, а сейчас повод для каламбуров. Его упоминает среди любимых ругательств один из гостей «Культурного бульона», правда, в виде целой фразы *Ça me perd les popettes*, звучащей очень похоже и совершенно бессмысленной (во всяком случае знакомые французы интерпретировать ее не смогли).

Как можно не пожалеть об уходящем неизменяемом существительном мужского рода *suivez-moi-jeune-homme* (буквально: *следуйте за мной, молодой человек*). Так назывались ленты на женских шляпках, грациозно раскачивавшиеся сзади и как бы приглашавшие молодых людей последовать их движениям.

А вот существительное женского рода *gourgandine* обозначает уже самих женщин, легких и, как пишет Пиво, «без холода в глазах». Однако, предупреждает он, не надо путать

их с женщинами легкого поведения, поскольку «гургандинки» делают это не ради денег. Слово происходит от названия корсета со шнуровкой на груди, а дальше автор порождает уж совсем непереводаемый каламбур: *Délacer laourgandine avant d'enlacer laourgandine* — что-то вроде *снять гургандину (корсет) перед тем, как обнять гургандину (девушку)*.

Ну, и чтобы покончить с французскими двусмысленностями, сообщу, что из языка ушло существительное мужского рода *vit*, вполне корректное, а главное, самое короткое название мужского полового органа. Впрочем, успокаивает Пиво, еще осталось бесчисленное количество других названий, правда, все они будут подлиннее.

Вообще, надо сказать, что авторские комментарии, как уже видно, весьма веселые и неформальные, часто вполне информативные. Из них я, например, узнал, что устарело слово *brunet* «брюнет», а вот *brunette* «брюнетка» вполне живо. Русский язык оказался в данном случае более политически корректным, сохранив оба заимствованных из французского языка слова.

Еще удивительнее оказалась для меня информация о романе «La Disparition», написанном Жоржем Переком (Georges Perec) и опубликованном в 1969 году. Бернар Пиво, не оценивая его художественные достоинства, признает его лингвистическим подвигом. Автор поставил и выполнил задачу не использовать в романе букву «e».

Рассказ о книге Пиво можно продолжать, и так перебрать все сто спасенных слов. Но главное должно быть уже ясно. Перед нами очень французская, легкая и веселая, но вместе с тем мудрая книга о словах и языке.

Конечно, спасти слова, то есть сохранить их в языке, невозможно, но ведь понятно, что автор и не ставил такой задачи. Скорее, сохраняется память об этих словах. И мне остается только с завистью вертеть в руках книжку Бернара Пиво, представителя редкой профессии — спасателя слов.

Во власти слов

Большинство людей даже не представляют, в каких сложных, а порой интимных отношениях они находятся со словами родного языка. Иногда любовь или нелюбовь к слову сугубо индивидуальны и чтобы объяснить их, придется залезать в подсознание или искать какую-то психологическую травму в детстве. Вот я написал слово *сугубо* и внутренне поежился. Чем-то оно не по душе мне, а чем – объяснить не могу. Может быть, тем, что звучанием напоминает *суккуба*, а может быть... Впрочем, не стоит заниматься публичным самоанализом, лучше честно признаться, что все мы находимся во власти слов.

Некоторые лингвистические симпатии и антипатии носят гораздо более общий и регулярный характер. Мной был проведен эксперимент по выявлению любимых и нелюбимых слов, результаты которого были частично опубликованы в журнале «Власть» в 2005 году. Журнал к тому же помог мне, опросив многих известных людей: политиков, бизнесменов, деятелей шоу-бизнеса и т. д. Многие слова – герои всех предыдущих глав – были использованы в этом эксперименте и, действительно, вызывали у людей сильную реакцию. Фактически в этой главе я подвожу итог сказанному ранее.

Можно выделить группы или даже целые пласты слов, вызывающих у большинства людей разнообразные, иногда довольно сильные эмоции. Интересно, что то или иное отношение к такой группе слов оказывается важной характеристикой самого человека. Скажем, любовь или нелюбовь к крепкому словцу делит человечество на два противоборствующих класса и кое-что говорит нам о характере, темпераменте, воспитании и т. д. конкретного человека. Да и вообще, наше отношение к другим людям формируется не только «по одежке и уму», но и по тому, как они говорят, в частности, какие слова используют. Одно единственное слово – например, грубое или неграмотное (или, наоборот, «слишком умное») – может вызвать отторжение и заранее испортить общение.

Сегодня в русском языке таких «групп риска» довольно много. Связано это с тем, что за последние 10–15 лет наш лексикон изменился очень сильно. У одних людей эти изменения вызывают резкое неприятие и вообще оцениваются ими как порча языка. Для других же новые слова кажутся интересными игрушками, с помощью которых можно сделать свою речь более эмоциональной, более яркой, наконец, более модной. Часто отношение к «лексическим новинкам» определяется возрастом, грамотностью, профессией или, шире, – социальным положением. У слов, как и у людей, есть свой характер, своя популярность, свой престиж. Современная же русская речь является смещением всего, что только существует в языке (в том числе и того, что ранее существовало на глубокой периферии).

Итак, что же за группы слов вызывают особое к себе отношение?

Прежде всего, это заимствования. Заимствований в русском языке всегда было много, но сейчас они хлынули таким потоком, что часто даже затрудняют понимание текста. Особое раздражение вызывают «избыточные» заимствования, то есть когда заимствование дублирует по смыслу уже существующее в русском языке слово (иногда при этом заимствованное ранее и из другого языка). Чаше всего это модные слова типа *комьюнити* (вместо *сообщество*), *интервью* (в новом значении вместо *собеседования*), *лофт* (вместо *чердака*) и т. д. Самым известным примером такого рода является, пожалуй, *консенсус*, по значению совпадающий с русским словом *согласие*. Его короткое воцарение в русском языке было связано как раз с помянутыми выше сложными отношениями, а именно – загадочной любовью к нему Михаила Сергеевича Горбачева. К месту и не к месту мы пытались «достигнуть консенсуса», кончилось же все тем, что слово практически исчезло из нашей речи. Напротив, некоторые заимствования остаются, и раздраженным носителям языка приходится с этим

смириться. Так, трудно вообразить себе современный мир без *презентаций*, несмотря на существование почти полного синонима – слова *представление*.

Мода, как известно, вызывает одновременно и притяжение, и раздражение. Кто-то такие слова не любит, кто-то любит и употребляет к месту и не к месту, а кто-то не любит, но все равно употребляет, потому что модно!

Займствование лишь способ проникновения слова в язык, важно же рассмотреть разные тематические пласты лексики. Так, заимствованиями полны, например, современные жаргоны, среди которых главную роль играют сейчас молодежный (сленг), «бандитский», или криминальный, а также некоторые профессиональные (компьютерный, экономический, политический, спортивный и некоторые другие).

Особенно интересно отношение к криминальной лексике типа *наезд*, *беспредел*, *отморозок*, *крыша*, *стрелка*, *кинуть*, *мочить* и т. д. (здесь, кстати, как я писал раньше, почти нет заимствований). Многие люди, выражая недовольство распространением этих слов, на самом деле активно их используют.

Причины мной уже назывались. Во-первых, криминализация общества, так что некоторые ситуации адекватно описываются с помощью именно этой лексики. Во-вторых, их эмоциональность и, выражаясь этим же языком, «крутость». Короче говоря, многие из этих слов проникли уже не только в обыденную речь, но и в речь официальных лиц, и даже официальные документы.

Безусловно, эмоциональным является и молодежный жаргон. Слова из сленга часто ничего кроме эмоциональной оценки и не выражают: *отстой*, *кул*, *прикольно*, *супер*, *классно*, *атомно* и т. п. Особое отторжение у людей постарше вызывает междометие *вау*, заимствованное из английского языка и выражающее неподдельный и внезапный восторг. Как же неподдельный восторг можно выражать только что заимствованным и потому неестественным словом? – недоумевают старшие товарищи. Вау! Сами удивляемся, – отвечает молодежь.

Очень близка к молодежному жаргону и гламурная лексика: *культовый*, *кастинг*, *эксклюзивный*, *стильный*, *элитный* и др. Само слово *гламур* вызывает противоречивые чувства, но похоже, что без него уже не обойтись. Речь идет об особой культуре, создаваемой глянцевыми, или гламурными, журналами, об особом идеальном мире, населенном «правильными» юношами и девушками, посещающими «правильные» места в «правильной» одежде, *рассекающими* на «правильных» авто и так до бесконечности. Провести четкую грань между молодежным и гламурным жаргоном невозможно, то же *вау*, очевидно, относится и к гламурному миру.

Гламурный язык во многом наследует традиции словаря людоедки Элочки и отчасти языка приказчиков (галантерейного языка), главным принципом которого было «сделать (точнее, сказать) красиво». А вот функционально гламурная лексика, по существу, заняла место советских идеологических слов и с той же степенью агрессивности внедряется в общественное сознание. У многих она вызывает раздражение как агрессивностью, так и искусственностью, но при поддержке соответствующей прессы остается модной.

На нашу сегодняшнюю речь оказывают влияние и различные профессиональные жаргоны – политический, экономический, компьютерный и другие. Особо надо отметить появление огромного количества новых профессий. Пожалуй, к *рекламщикам* и *пиарщикам* уже привыкли. К *риэлторам* и *криэйторам* тоже, хотя и пишут их по-разному. А вот *акаунт*-, *сейлз*- и прочие *менеджеры* беспокоят (и раздражают), слишком уж их много. Недаром же, правда только в качестве иронической игры, появился уродливый аналог – *манагер*.

Кстати, игровая характеристика слова тоже вносит свой вклад в то, как – положительно или отрицательно – мы его воспринимаем. Очень много игры в компьютерном жаргоне, который в действительности распадается на несколько разных явлений. Одно дело – назва-

ния технических приспособлений или просто новые понятия, например *интернет*, *сидюшник*, *драйвер*, *хомяк*, *юзер*, *мыло*. И совершенно другое – видоизменения нашего языка в интернет-коммуникации. В последнее время активно обсуждается «новая орфография» в Живом журнале (например, уже классическое *аффтар жжот*, *пеши исчо*), которая, конечно же, вызывает сильные эмоции с разными знаками.

Напротив, слишком серьезны жаргонизмы и термины (их не всегда удастся различить) из области политики и экономики: *брифинги* и *саммиты*, *дефолты* и *монетизации* и прочее. К ним примыкает и более общая научная и псевдонаучная лексика, например *харизма*, *контент*, *визуальный* и прочее. «Умные» слова так же, как и «смешные и глупые», могут вызывать активное неприятие, но по несколько иным причинам. Они часто затрудняют понимание текста, а иногда просто-напросто маскируют отсутствие смысла.

Эмоциональная реакция, о которой говорится, вызвана в первую очередь смешением нового и старого, языкового центра и периферии. Жаргоны и заимствования существовали всегда, и всегда пуристы возмущались новыми явлениями в языке, воспринимая это новое как порчу. Так, главными врагами были когда-то и заимствованное слово *бизнесмен* (ведь есть же русское *предприниматель*), и просторечное прощание *пока*, и многие другие. Но ведь, несмотря ни на что, эти слова остались в русском языке, и к ним постепенно привыкли.

Сейчас, правда, ситуация иная: новых слов слишком много и при этом они проникают повсюду, так что, действительно, размываются границы литературного языка. И это пугает и раздражает людей, к этому языку привыкших. Естественно, что отношение к изменениям в языке связано с возрастом. Молодые люди (моложе 25 лет) выросли в период этих изменений и воспринимают их как естественное развитие языка, то есть часто просто не замечают их (это показывают различные тесты и опросы). В частности, многие молодые люди плохо понимают языковую игру, построенную на смешении стилей, что было так характерно для андеграундной литературы советского периода. Люди постарше реагируют на изменения по-разному, в зависимости от собственного характера и темперамента. Консерваторы и пуристы, например, такой «порчей» активно возмущаются. Можно сказать, что к традиционному конфликту отцов и детей добавился еще и языковой разрыв.

Возможно ли национальное примирение на почве языка? Безусловно, да, поскольку эпоха больших изменений довольно скоро завершится, и острота противостояния старого и нового, знакомого и незнакомого пройдет. Но отношение к словам все равно никогда не будет единым. Останутся такие вечные возбудители эмоций, как брань, канцелярит («чиновничий жаргон») или, например, слова-паразиты (без них, как я уже писал, не обходится ни один язык, потому что на самом деле никакие они не паразиты). И здесь надо сказать следующее. Эмоциональное отношение к словам, в том числе и негативное, свидетельствует только об одном – об интересе к языку. Лингвистическая же рефлексия в широком смысле – один из важнейших процессов, который связывает народ и язык и – по крайней мере, отчасти – определяет развитие последнего.

Разделенные одним языком

Название «разделенные одним языком» – перифраза одного очень известного и загадочного английского афоризма. Загадочного потому, что, несмотря на известность, для него не существует единой канонической формы и нет согласия по поводу авторства. Из вариантов назову несколько: «Britain and America are two nations divided by a common language» или «England and America are two countries separated by the same language».²² Авторство же приписывается прежде всего Б. Шоу и О. Уайльду, сказавшим, по-видимому, нечто похожее, а также Марку Твену, Уинстону Черчиллю и даже Бертррану Расселу. Впрочем, для данной темы это не столь существенно.

Несмотря на то что в русском языке не без основания ищут и национальную идею, и вообще объединяющее начало для всего российского народа, сегодня он во многом разделяет людей, и именно поэтому я позволил себе перенести высказывание Шоу или Уайльда на нашу почву.

Если произвести мыслительный эксперимент и перенести молодого человека третьего тысячелетия в семидесятые годы прошлого века и наоборот перенести обычного человека из семидесятых в сегодня, минуя перестройку и дальнейшие события, мы получим интересный результат. У каждого из них возникнут серьезные языковые проблемы. Это не значит, что они совсем не поймут язык другого времени, но по крайней мере некоторые слова и выражения будут непонятны. Более того, общение человека из семидесятых годов с человеком третьего тысячелетия вполне могло бы закончиться коммуникативным провалом не только из-за простого непонимания слов, но и из-за несовместимости языкового поведения.

Этот мыслительный эксперимент становится вполне реальным, когда, например, современные студенты читают советские газеты или смотрят советские фильмы. Кажется, что в обратную сторону реализовать эксперимент сложнее. Однако возвращаются в Россию советские эмигранты, люди из семидесятых, и недоуменно застывают, видя, как мы общаемся. Они помнят другие речевые клише, другой речевой этикет и, наконец, следуют другим правилам речевого поведения, соблюдают другие речевые запреты.

Но языковой разрыв существует не только между уехавшими и оставшимися (в конце концов, они редко встречаются), но и между старыми и молодыми, между живущими в сети или в реале, короче, он есть и здесь между нами, в России.

²² Наиболее распространенный русский вариант таков: «англичане и американцы – два народа, разделенные одним языком».

Ни господа, ни товарищи...

Слова о том, что наш язык меняется с огромной скоростью, уже стали банальностью. Порой нам кажется, что мы управляем этим процессом, особенно в сфере речевого этикета, который часто сознательно формируется лингвистами и, почти как правила правописания, предписывается обществу. К речевому этикету относятся и слова-обращения, с помощью которых можно привлечь чье-то внимание, определить социальный статус участников беседы, выразить эмоциональное отношение, порой даже манипулировать собеседником. Они используются и в публичном, и в интимном общении, и с незнакомыми или малознакомыми людьми, и с друзьями. В русской культуре особую роль играют личные имена, и эта тема отдельного разговора. А вот как быть сегодня с официальными обращениями, которые очень чутко реагируют на социальные потрясения?

Власть и различные общественные институты (в том числе пресса и телевидение) пытаются контролировать их употребление. Достаточно сказать, что после Французской революции специальным декретом Конвента было введено в качестве обязательного обращение *citoyen/citoyenne* «гражданин/гражданка». Впрочем, в посттермидорский период с падением прежнего режима оно бесследно исчезло. Также и в бывших социалистических странах стремительно уходило из языка официальные обращения типа немецкого *Genosse*.

В России же именно обращения оказались в центре двух социально-лингвистических переворотов – «революционного» и «перестроечного». Считается, что мы, вернув в качестве обращения дореволюционного *господина*, возвращаемся к старому доброму положению дел. Чтобы разобраться с тем, так ли это, придется оглянуться назад.

После революции принципиальные изменения коснулись самых важных обращений: *сударь/сударыня, господин/госпожа, товарищ, гражданин/гражданка* и некоторых других, например, *Ваше превосходительство*. Можно сказать, что на смену обращениям *господин/госпожа* пришло более демократичное *товарищ*. Дореволюционные обращения различали пол адресата, подразумевали определенный и достаточно высокий социальный статус и обычно использовались вместе с фамилией, профессией, званием и т. д. Новая власть ввела новое обращение *товарищ* с претензией на устранение всех отмеченных противопоставлений. Именно *товарищ* стал первым феминистическим вкладом в развитие языка, поскольку называет лицо независимо от его пола. Кроме того, *товарищ* может употребляться как в сочетании с фамилией (профессией или званием), так и без нее (*товарищ Иванова; товарищ майор; Товарищ, подождите*). С идеологической точки зрения слово *товарищ* имело очевидные преимущества: его использование подразумевало равенство говорящего и адресата и, кроме того, для него была характерна сниженность статуса адресата по сравнению со старыми обращениями (возможное *товарищ проводник* при невозможном *господин проводник*).

Правда, в ситуации, где нормальных отношений между людьми нет, обращение вообще невозможно, что тонко подметил М. Булгаков, часто использовавший обращения для характеристики персонажей. В «Мастере и Маргарите» он так описывает сцену избиения:

– Что вы, товари... – прошептал ополоумевший администратор, сообразил тут же, что слово «товарищи» никак не подходит к бандитам, напавшим на человека в общественной уборной, прохрипел: – гражда... – смекнул, что и этого названия они не заслуживают, и получил третий страшный удар неизвестно от кого из двух, так что кровь из носу хлынула на толстовку.

Препятствием для широкого распространения обращения *товарищ* стали его идеологические ассоциации. Поначалу существовало противопоставление двух классов – «гос-

под» и «товарищей», т. е. людей, употребляющих соответствующие обращения. Обращение *товарищ* для части носителей языка было оскорбительным, для другой же части обращение *господин* свидетельствовало о принадлежности собеседника к идеологически враждебному классу.

Именно в этот период в русском языке появились новые значения слов *господа* и *товарищи*, соответствующие двум общественным группам. Весьма красноречивым было иногда встречавшееся обращение к новым чиновникам *господин товарищ*. *Господин* выполняет свою привычную функцию вежливого официального обращения, а *товарищ* обозначает принадлежность к классу.

Современные же перемены ни в коем случае не являются возвращением к дореволюционной системе. Можно отметить многочисленные различия между сегодняшним и «старым» использованием *господина*. Так, возможны сниженные обращения типа *господин дворник*, недопустимые ранее. Очень часто приходится слышать обращение *господа* к разнополой аудитории. Происходит это по аналогии с неизменяемым по роду *товарищи*, хотя в соответствии с дореволюционным этикетом нужно говорить: *дамы и господа*. Наконец, встречаются совсем уж странные ошибки, когда в официальных письмах это обращение сочетается с личным именем или именем отчеством: *господин Андрей* или *господин Иван Иванович*.

Но главное даже не это. Новое обращение используется только в письменной речи, в основном в официальной переписке, а также в прессе. В устной речи его употребление вызывает эффект отчуждения и может иметь даже негативный оттенок. Скажем, во время предвыборных кампаний расположенные к кандидату журналисты обращаются к нему по имени отчеству, а нерасположенные с помощью *господина*. Употребление этого слова больше похоже на употребление *товарища* в советский период.

Таким образом, можно сказать, что возвращение в «доброе старое время» не состоялось. В нашу речь вернулся не дореволюционный *господин*, а переодетый в него *товарищ*. А мы, в свою очередь, перестав быть товарищами, так и не стали господами.

Просто Мария

Есть несколько мифов о русском языке, и один из них состоит в том, что у нас нет слов-обращений. Это не так. Например, в русском разговорном этикете (восходящем еще к старой деревенской культуре) допускается обращение к незнакомому человеку с помощью термина родства, например: *мать, отец, сынок, дочка, дедушка, бабушка, внучок, внучка, дядя, тетя, братец* или *браток* и некоторые другие. Такое обращение вполне традиционно и совмещает в себе фамильярность вместе с особой теплотой. Говорящий метафорически распространяет модель семьи на весь мир. У Чехова в разговоре двух мужчин (один из которых врач) используется даже ласковое обращение *матушка*. Естественно, что никаких изменений пола при этом не имелось в виду.

Тем не менее основной проблемой для иностранцев остается выбор слова в начале общения. Большинство русских обращений эмоционально окрашены и не могут использоваться в нейтральной ситуации. Увы, действительно нейтрального обращения в русском языке нет. И на улице приходится начинать общение с вежливых формул: *Простите!* или *Извините!*, а в менее церемонных ситуациях и с возгласа *Эй!*.

Зато особую роль в общении по-русски играют личные имена. Можно даже сформулировать основное правило русского речевого этикета: «Если ты знаешь имя собеседника, используй его». В течение беседы мы повторяем имена друг друга несколько раз, как бы поддерживая ее, делая нашу речь более адресной и контактной. Интересно, что, например, японцев это скорее пугает, поскольку в японском общении личные имена избегаются, слишком уж интимное это дело. Редко используют имена и финны, и некоторые другие народы.

Подтверждением важности обращения по имени в русском речевом этикете, и прежде всего подтверждением осознания этого факта, стали видеоконференции президента России В. В. Путина, в частности проведенная в 2003 году. В различных населенных пунктах России были установлены телекамеры, и граждане России с помощью журналиста могли задать президенту вопрос и тут же в прямом эфире получить видеоответ. Перед тем как предоставить слово, журналисты просили задающих вопрос представиться. Естественно, что люди представляли себя в зависимости от возраста либо по имени отчеству, либо по имени. Свой ответ президент, как правило, начинал с уже известного ему личного именного обращения. Более того, в процессе разговора с пожилым человеком, ветераном войны, В. В. Путин повторил обращение несколько раз, что подчеркивало, по-видимому, его уважение и персональную направленность его речи. Таким образом, осознание важности обращения по имени (теми, кто готовил видеоконференцию) привело к приданию ему статуса официального речевого этикета (обязательное самопредставление задающих вопрос, правда, вследствие вопроса журналиста, и обязательное использование обращения в речи президента).

У каждого из нас огромное количество имен, если сложить все сочетания имени, отчества и фамилии, а также всевозможные уменьшительные и ласкательные имена. Такого обилия вариантов нет в других языках, и мало кто из иностранцев способен понять несочетаемую в теории комбинацию типа *Людочка Ивановна*, распространенную в медицинских учреждениях и школах, где отчество выражает уважение, а уменьшительное имя – эмоциональную теплоту. С помощью имени можно выразить очень много разнообразных чувств, но обращение по имени будет также и самым нейтральным. Именно поэтому, вступая в общение, мы прежде всего стремимся узнать имена собеседников.

Речевой этикет меняется на наших глазах, и это касается как раз наиболее нейтральных обращений. За последние два десятка лет заметно сузилась сфера использования имен отчеств. Отчество практически исчезло из тех сфер общения, которые наиболее подвержены иностранному влиянию, то есть из бизнеса (в политике мы имеем причудливую смесь нового

бизнес-этикета и старого советского). Новый речевой этикет во многих деловых коллективах подразумевает обращение только по имени, в том числе и к начальнику, и к деловому партнеру, то есть в тех ситуациях, где ранее нейтральным было обращение по имени-отчеству.

Такая, казалось бы, точечная замена приводит к значительной перестройке системы личных имен. В русском языке личные имена можно разделить на два класса. Первый класс составляют имена, для которых при самостоятельном употреблении (то есть без отчества и без фамилии) наиболее нейтральным вариантом является полное имя. К этому классу относятся такие мужские имена, как *Андрей, Антон, Максим, Никита* и т. д., и такие женские, как *Вера, Лариса, Марина, Нина* и т. д. С некоторым огрублением можно сказать, что у них вообще отсутствуют уменьшительные имена, а есть только прагматически маркированные варианты (ласкательные и др.). Так, меня обычно называют просто *Максим*, и только в особых ситуациях (чаще всего в детстве) я слышал *Максимка, Максимушка, Максик*. Кстати, если к телефону зовут *Макса*, я, еще не взяв трубку, понимаю, что звонит кто-то из моей студенческой или даже школьной юности.

Ко второму классу относятся личные имена, чьи полные варианты раньше самостоятельно не употреблялись, по крайней мере в функции обращения. При самостоятельном употреблении используются соответствующие краткие имена. К этому классу относятся такие мужские имена, как *Александр* (соответствующие краткие – *Саша* или *Шура*, возможно и *Алик*), *Владимир* (*Володя*), *Дмитрий* (*Дима* или *Митя*), *Евгений* (*Женя*), *Михаил* (*Миша*) и др., и такие женские, как *Анна* (*Аня*), *Екатерина* (*Катя*), *Елена* (*Лена*), *Мария* (*Маша* или устар. *Маруся*), *Надежда* (*Надя*) и др.

Еще пятнадцать лет назад невозможно было вообразить себе ситуацию, что человека без всякой иронии в разговоре назовут *Александром* или *Константином*, и сам он будет так представляться при знакомстве. Это было бы претенциозно, чопорно и даже жеманно. Подобные имена использовались только вместе с отчествами (или уж совсем в особых случаях типа «строгого родительского»: *Владимир, ты до сих пор не сделал уроки!*).

Однако все изменилось. И сегодня старый этикет фактически разрушен. В тех ситуациях, где раньше было принято называть собеседника по имени отчеству, а теперь только по имени, такие краткие имена, как *Маша* или *Володя*, воспринимаются все-таки как чрезмерно контактные (интимные, фамильярные и т. п.), и вместо них используются *Мария* и *Владимир*, что раньше было недопустимо. Именно так все чаще представляются и незнакомым людям. Вот и превратилась *Мария Михайловна* в просто *Марию*.

Интересное смешение двух систем имеет место в ряде телевизионных программ. Когда приглашенный в студию гость имеет высокий социальный статус, ведущий обращается к нему по имени отчеству. Однако для представления и называния его в речи, обращенной к зрителям, используется имя без отчества, правда вместе с фамилией. По старой традиции, гостя следовало все же представлять, используя отчество. Таким образом, складывается новый публичный этикет.

Изменения речевого этикета относятся, пожалуй, к самым неосознаваемым в языке. Появление новых слов отмечают все – кто с возмущением, кто с любопытством. Речевой этикет, в отличие от слов, практически нигде не фиксируется. И сегодня люди так привыкли к новому этикету, что уверены в том, что он существовал всегда. Те, кто вырос после перестройки, воспринимают его как норму, те же, кто постарше, если и морщатся при таких обращениях, то не всегда понимают почему. Вот так мы и меняемся, даже не замечая этого.

Спокойной ночи и удачи!

В 60—70-х годах в прессе время от времени попадались статьи о том, как портится русский язык. В качестве одного из основных примеров такой порчи постоянно приводилось фамильярное прощание «пока!», которое ни при каких условиях, ни в каком случае не должен употреблять культурный человек. Стоит ли говорить, что сегодня без «пока!» русский язык себе представить невозможно. Его используют и некультурные, и малокультурные, и вполне культурные люди. Короче, все.

У каждого времени свои пугала. Сегодня появилось еще более ужасное «пока-пока!». В первый раз я его услышал по телевизору, в телепередаче Сергея Шолохова «Тихий дом». Конечно, в русском языке встречается удвоение слов. Мы можем сказать «здравствуйте, здравствуйте!» или «до свидания, до свидания!», но произносим это в замедленном темпе и даже напевно. А тут меня поразила убыстренная речь, так что слышалось только «пка-пка!». Конечно же, это «пкапка!» было только модной калькой с английского «bye-bye!», своего рода шуткой продвинутого журналиста. И казалось, за границы этой передачи оно не выйдет, так и останется авторской характеристикой. Тем не менее, сейчас я все чаще слышу эту формулу прощания, особенно в речи некоторых «гламурных» персонажей.

Под влиянием английского языка в русском появилось еще несколько вежливых формул. Наиболее прижилось, пожалуй, прощание «увидимся!». Многие вообще считают его исконно русским. Однако это не так. В русском такое слово, конечно, существовало, но оно никогда не завершало беседу. В отличие от английского «see you!», калькой которого оно является. В английском стандартность этого прощания обыгрывается в известном стихе *See you later, alligator / In a while, crocodile*, перевести которое на русский нет никакой возможности. Зато существует конгениальный этому стихотворению русский стандарт вежливости: «Как живете, караси? / Ничего живем, мерси!». А совсем недавно по аналогии с «увидимся!» начало использоваться и шутливое телефонное «услышимся!». Впрочем, пока оно звучит несколько экзотично. В связи с этим меня беспокоит, не появится ли в эпистолярном жанре прощание «упишемся!». Кто знает!

Наконец, менее повезло авторскому изобретению еще одного журналиста, спортивного комментатора Виктора Гусева. Он заканчивал футбольные репортажи и другие свои передачи еще одной калькой с английского — «берегите себя!». Однако если в английском «Take care!» абсолютно конвенционально, т. е. является чистой формулой вежливости и никто не вдумывается в его смысл, то русское «берегите себя!» невольно заставляет телезрителей вздрогнуть. Ведь если рекомендуют беречь себя, значит, существует какая-то реальная угроза.

В целом, подобного рода заимствования остаются для многих непривычными и, скорее, должны рассматриваться как модное, но недолговечное явление. Хотя кто знает.

Среди новых «уродцев» речевого этикета есть и исконно русские. Одно из самых нелюбимых мной — новое и уже вполне прижившееся приветствие «Доброй ночи!». Оно появилось вместе с новым явлением — прямым ночным эфиром. Сначала в речи ведущих, которые таким образом — с особым шиком — здоровались со зрителями / слушателями, звонившими ночью в студию. Потом же «Доброй ночи!» было подхвачено и самими звонившими и даже вышло за пределы студийных бесед. Например, оно иногда используется как приветствие при телефонном звонке в слишком позднее время.

В действительности, появление такого приветствия противоречит многим нормам языка. Во-первых, в европейских языках аналогичная формула (*good night, Gute Nacht* и *bonne nuit*) используется именно при прощании, в отличие от дневных приветствия типа английских *good morning, good evening*, немецких *Guten Morgen, Guten Tag, Guten Abend* или

французских *bonjour, bonsoir*. Это соответствует и обычному русскому прощанию «*Спокойной ночи!*».

Во-вторых, в русском языке *Доброй ночи!* как формула прощания уже существует, хотя и используется значительно реже, чем *Спокойной ночи!*

В-третьих, в ней представлен родительный падеж, который в русском языке означает пожелание, традиционно используемое именно как прощание: «*Счастливого пути!*», «*Удачи!*», «*Счастья вам!*» и т. д. (с опущенным глаголом «*желаю*»). Приветствие же выражается другим падежом («*Добрый день!*», «*Хлеб да соль!*»).

В последнее время по аналогии с этим появляются и новые «неправильные» приветствия. Например, в интернете все чаще встречается «*Доброго времени суток!*», подчеркивающее тот факт, что электронное письмо может быть получено в любое время.

Как лингвист, я бы всячески рекомендовал не расшатывать стройную систему русского этикета и не использовать приветствий в родительном падеже. В том же интернете встречается и более грамотное приветствие «*Доброе время суток!*». Игра сохраняется, а правила соблюдены. Но при всем при этом я рискую оказаться в положении авторов, боровшихся с прощанием «*пока!*». Ведь последнюю точку ставит не лингвист, а народ. И если слово овладевает массами, а массы – словом, то никакой лингвист не сможет его запретить. Так что поживем – увидим.

И наконец, о последнем «уродце». Слово «*превед*» появилось в русле народного интернет-движения «За неправильную орфографию!» наряду со словами «*аффтар*», «*исчо*» и др. Все эти, казалось бы, нелепые написания объединяет то, что они читаются так же, как правильные. И уж точно являются игрой, модной в интернет-сообществе. Впрочем, в интернете найдется все, и уже часть интернет-сообщества начинает бороться со словом «*превед*». Самое смешное, что недавно в речи студентов я услышал отчетливое произношение слова «*превед*», чего по правилам русского произношения уж никак не должно быть: безударный гласный больше похож на «*и*», а согласный на конце всегда глухой («*т*»). Но, пожалуй, это можно отметить как чистый казус и всерьез не комментировать. Короче говоря, берегите себя!

Из Европы – с приветом!

Речевой этикет у каждого народа свой. Но интересно, что мы не только по-разному говорим, но и по-разному молчим. Точнее, когда у одних народов принято говорить, у других – принято молчать.

Сравнивать людей русской культуры с другими народами чрезвычайно интересно, но трудно; прежде всего потому, что русский речевой этикет за последние 20 лет изменился так сильно, что, по существу, можно говорить о двух разных речевых этикетах: старом и новом. И носители нового этикета – молодые люди – намного ближе к усредненной западной культуре общения. Поэтому для чистоты сравнения возьмем городского человека 80-х годов.

О русских (тогда еще – о советских) сложился известный культурный миф, что они в целом не слишком дружелюбны. Мало улыбаются и – что немаловажно – редко здороваются. Вот с тем, что русские редко здороваются (или, точнее, здоровались), и стоит разобраться. Разберем несколько стандартных ситуаций.

Два незнакомых человека встречаются в подъезде жилого дома. Или даже (чтобы усугубить ситуацию) оказываются в одном лифте. Что делают при этом два стандартных европейца (стандартными мы будем считать жителей западной континентальной Европы, не слишком южных и не слишком северных, – скажем, немцев или французов; впрочем, и американцы ведут себя так же)? Они в этой ситуации непременно друг с другом поздороваются, а двое русских – ни в коем случае.

Или другая ситуация. Два незнакомых человека встречаются в отдаленном пустынном месте: в лесу, в парке и т. п. Двое европейцев, прежде чем разойтись, скорее всего опять поздороваются. А русские (если только они не намерены вступить в беседу) – снова нет.

Более того, можно сказать, что приветствие и в лифте, и в лесу для носителя русской культуры скорее даже нежелательно, поскольку подразумевает дальнейшее общение, не исключено, что и агрессивное.

Наконец, третья ситуация. Встречаются служащий и его клиент. Или, для большей конкретности, человек входит в магазин и вступает в коммуникацию с продавцом или кассиром. И снова в европейском магазине общению предшествует взаимное приветствие. Представить же себе, что в 80-е годы москвич, войдя в гастроном, сказал бы: *«Здравствуйте. Взвесьте мне, пожалуйста, 200 граммов колбасы»*, – совершенно невозможно. *«200 грамм “Любительской”, пожалуйста!»* – вот абсолютно вежливая фраза, соответствующая тогдашнему речевому этикету. Приветствие же сразу выдавало иностранца. Одна моя знакомая, вернувшись в середине 80-х годов после длительного пребывания за границей в Москву, решила, как она говорила, научить своих соотечественников вежливости. То есть начала здороваться в магазинах. Это вызывало бурную и довольно неприязненную реакцию. Ее приветствия воспринимались либо как странность, либо как простое издевательство. И в лучшем случае она слышала в ответ: *«Девушка, не задерживайте очередь!»*

Таким образом, в отличие от европейского этикета, русский не требовал приветствия от незнакомых людей в ряде ситуаций, а именно – при отсутствии дальнейшей коммуникации, при краткой формальной коммуникации, в том числе между служащим и клиентом. В этом смысле можно говорить о меньшей открытости русских – либо вовсе не вступавших в коммуникацию (обмен приветствиями без продолжения коммуникации, тем не менее, сам уже является коммуникацией), либо строго ограничивавшихся краткой формальной коммуникацией. Более того, приветствие в таких случаях воспринималось носителем русского этикета как своего рода экспансия или, точнее, прелюдия к не всегда желательному разговору (например, в лифте).

В современной науке вежливость рассматривается как снятие или смягчение возможной или реальной агрессии. Таким образом, если оценивать в целом стратегии вежливого поведения в рассматриваемых ситуациях, то европейскую можно было бы обозначить как «мы (ты и я) – свои, и поэтому я не представляю для тебя опасности», а русскую – как «ты для меня не существуешь, и поэтому я не представляю для тебя опасности».

Здесь очень важно заметить, что русские были ничуть не менее вежливыми, чем европейцы, – просто этикет у них был устроен иначе. Невежливость русских возникала только в той ситуации, когда они, попадая в Европу и говоря на соответствующем иностранном языке, сохраняли свой речевой этикет (свои стандартные манеры). Но ведь и поведение иностранца в России, говорящего по-русски, но сохранявшего свой речевой этикет, выглядело по меньшей мере странным.

За последние годы произошел сдвиг русского речевого этикета в сторону европейского. Прежде всего речь идет об общении в магазине. Эта ситуация, в отличие от двух других и даже в отличие от близких к ней ситуаций в транспорте, в медицинских учреждениях, попадает в сферу корпоративного этикета. Во многих крупных магазинах больших городов действует обязательный корпоративный этикет. Продавец или кассир должны обязательно поздороваться с клиентом. Не ответить в данном случае на приветствие было бы откровенной грубостью. Естественно, что постоянные покупатели сами начинают здороваться с продавцами и кассирами.

Определенные изменения происходят и при встрече незнакомых людей в доме или рядом с ним. Все чаще происходит обмен приветствиями во дворе и подъезде, причем это касается в основном молодого и среднего поколения. Очевидно, здесь также сказывается знакомство с европейским этикетом, причем, по-видимому, непосредственное.

Итак, наш этикет за достаточно короткий срок существенно изменился. Мы стали больше похожи на европейцев и американцев. Новый этикет приветствий уже сложился в корпоративной культуре и постепенно складывается в бытовой. И здесь мне почему-то совсем не жаль старой русской традиции. Ну что, разве от нас убудет – лишний раз поздороваться? А приятный осадок останется.

Чрезмерная вежливость

Правда, и с вежливостью не стоит перебарщивать.

Неужели вам незнакомо это чувство, когда хочется швырнуть трубку всего-то после третьего-четвертого повтора с легким придыханием: «Ваш звонок очень важен для нас. К сожалению, в данный момент все операторы заняты...»? Ну и так далее по тексту. Вежливость тоже может раздражать, особенно если она, как бы это поаккуратнее сказать, не вполне естественна что ли.

Приведу два примера из собственного языкового опыта.

Первая сцена разворачивается в эстонском посольстве в очереди для получения виз. В окне выдачи виз сообщают, что время работы закончилось и ближайшая по очереди русская женщина визы не получит. Однако та возражает, говоря, что ее впустил охранник и она отстояла очередь. В качестве свидетеля она призывает охранника, чье имя она случайно услышала: «Ян, Ян, подойдите, скажите...» и т. д. Охранник подходит и молча присутствует при разговоре русской просительницы и эстонской чиновницы, а затем так же молча отходит на свое место. Обращение по имени к незнакомому человеку, выполняющему в данный момент свои профессиональные обязанности, по-видимому, совершенно исключено в европейском, и в том числе в эстонском, речевом этикете, но допустимо, хотя также с определенными ограничениями, в русском. В данной ситуации оно является способом установления более близких отношений, сокращения дистанции и привлечения адресата на свою сторону (как своего). Напротив, с точки зрения служащего оно воспринимается как внедрение в личную сферу, незаконная (имя услышано случайно) претензия на знакомство и попытка изменить служебные отношения на личные без каких-либо оснований.

Второй пример связан с моей собственной реакцией на распространенную французскую просьбу, выражаемую конструкцией из слов *merci de* + глагол в неопределенной форме или отглагольное существительное, например *merci de me rendre quelque chose* или *merci de votre compréhension* (последнее, как правило, заключая констатацию некоего положения дел, не слишком приятного для адресата). Эту конструкцию достаточно сложно перевести на русский язык, поскольку русское спасибо – естественный перевод французского *merci* – является реакцией на уже совершившееся событие. В данных же примерах речь идет о благодарности за еще не сделанное действие, которое состоится в будущем. В русском языке «благодарность вперед» возможна, однако значительно более редка. Существует выражение *заранее благодарен*, используемое в письменной речи (как правило, в письмах). Оно заключает некую просьбу и выражает определенную подчиненность пишущего, более низкий статус. Выражение *merci de votre compréhension* можно перевести на русский язык как «надеюсь (или надеюсь) на ваше понимание».

Эта конструкция, безусловно относящаяся к средствам выражения вежливости, вызвала у меня устойчивое раздражение и воспринималась, напротив, как не вполне вежливое и достаточно агрессивное действие. Опрос русских, живущих во Франции, показал, что эта реакция не единична и по крайней мере не случайна. Выражение благодарности за еще не совершенное действие воспринимается как навязывание этого действия, то есть не как вежливая просьба, а, скорее, как агрессия, спрятанная за этикетной формой благодарности, что совершенно не характерно для русского этикета. Перевод *merci* с помощью «надеюсь» не адекватен, поскольку данное русское слово выражает неуверенную просьбу в отличие от сверхуверенной (если не сказать – самоуверенной) благодарности за еще не случившееся. Произнесенная благодарность обязывает адресата следовать навязанной стратегии, предопределяет его действия и лишает возможности выбора.

Обе описанные языковые ситуации интересны сами по себе. Но к тому же они подтверждают достаточно важный, хотя и очевидный факт: использование речевого этикета одной культуры (в данном случае слов, направленных на установление положительного контакта и доброжелательных отношений) по отношению к представителю другой культуры может вызывать непредвиденные негативные последствия, в частности, восприниматься как своего рода агрессия.

Кроме особенностей нашего этикета, про которые я говорил в предыдущей главе, у него есть еще одна важная черта – анонимность, и прежде всего она реализуется как раз в телефонном разговоре. Мы не любим называть себя (и этому есть много серьезных причин²³) случайному собеседнику. Если я звоню кому-либо по служебной надобности, а трубку берет кто-то другой, то, как правило, ни он, ни я не называем себя и не здороваемся, а я просто прошу позвать нужного человека. Даже на личных автоответчиках чаще встречается запись «Вы позвонили по телефону такому-то», чем имя хозяина. Впрочем, это касается не только телефона. Мои японские коллеги отмечали, что для них естественно представиться, даже если они задают вопрос на конференции.

Я уже сказал, что за последние годы произошел резкий сдвиг русского речевого этикета в сторону европейского. Изменилось и телефонное общение. Во всех крупных или просто уважающих себя компаниях служащий, беря трубку, либо представляется сам, либо называет свою компанию, и, как правило, здоровается. К хорошему – в данном случае открытости и «персональности» общения – привыкаешь очень быстро. Поэтому когда-то привычное старое уже раздражает. Например, когда звонишь в обычную поликлинику, кто-то снимает трубку, и ты еще пару минут слушаешь разговор о чужих проблемах, а потом короткое «Да», кажется, что ты попал в другой мир. По существу, так оно и есть. И все-таки, вводя чужой этикет, надо быть осторожным. То, что немцу здорово, русскому не то чтобы смерть, но как-то не по себе. Русский этикет, даже новый, все-таки достаточно экономен и прост, поэтому длинные и непривычные фразы мы склонны воспринимать уже не как чистую вежливость, а скорее как содержательное общение. А к нему и требования иные. Так что осторожно, особенно с корпоративным этикетом.

Вот и фразе «*Ваш звонок очень важен для нас*» поначалу просто веришь, на третьей минуте ожидания начинаешь сомневаться, а на десятой понимаешь, что тебе нагло врут. А ведь автоответчик всего лишь хотел быть вежливым...

²³ Эти причины кроются и в нашей истории, и в нашей повседневности. Возможно, это некое чувство опасности, исходящее от внешнего мира и грозящее нам, если мы раскроемся – назовем себя.

Этикет

Как правильно начинать электронное письмо, с обращения или с приветствия? Увы, не знаю. И если кто скажет, что знает, не верьте ему. Этикет электронного письма еще окончательно не сложился, и человек, который дает рекомендации по этому поводу, просто придумывает его.

Новые технологии разрушили один из самых важных и незыблемых коммуникативных постулатов, состоящий в том, что речь бывает устная и письменная (в быту скорее называемая текстом), каждая со своими яркими особенностями. Ну, действительно, находясь в аське (ICQ), в ЖЖ, посылая *е-мейл/и-мейл* (сам я склоняюсь к первому варианту, хотя, как это ни смешно, логичнее было бы писать *э-мейл*), мы, безусловно, пишем, но вот то, что мы пишем, больше похоже на устную речь. Хотя бы с точки зрения синтаксиса, если читатель еще помнит это слово.

Более того, в интернет-речи есть много всякого нехарактерного для письма, например смайлики. Смайлики ведь соответствуют мимике, а отчасти жестам и интонации, то есть именно компонентам устной речи. Я уж не говорю о том, что сами жанры и стили, встречаемые в интернете, гораздо более естественны для устного общения – дружеский обмен мнениями, переписка или перебранка, рассказывание анекдотов и их комментирование и т. д.

Когда-то в интернете предпринимались попытки отгородиться с помощью языка от остального мира. Тогда и начали появляться различные самоназвания типа *сетяне* или *сетенавты*, а для собственного этикета придумали смешное слово *сетикет* (или *нетикет*, заимствованный из английского). Однако это слово так и не прижилось. Во-первых, сетевой этикет уж не настолько отличается от обычного, то есть не становится самостоятельной системой, просто кое-где возникают отдельные дополнительные правила. Во-вторых, сам интернет очень разнообразен, и, конечно, никакого единого этикета в нем не существует, причем разных дополнительных правил в уголках сети довольно много, и актуальны они для отдельных сообществ. Слишком уж по-разному общаются фанаты «Спартака», поклонники Мадонны, представители бизнеса и, скажем, ученые. В принципе не исключено, что один и тот же человек заглядывает на все эти сайты или форумы, но ведет себя каждый раз соответственно. Где-то принято ругаться матом, где-то мат «банят», а где-то как бы не замечают.

Но вернемся к электронному письму. Когда я говорил об отсутствии «электронного» этикета (который я, собственно, несколько неуклюже и попытался назвать «етикетом», чем, наверное, порадовал носителей украинского языка), я сильно кривил душой. На самом деле он, конечно же, существует, но представляет собой довольно причудливую смесь из компонентов устного и письменного (в основном, эпистолярного) этикета.

В начале *е-мейла* возможно как особое письменное обращение, так и приветствие. Можно начать такое письмо словами: «*Уважаемый господин Тунгусов*» или «*Дорогая Марина*». Интересно, что прежде в русском языке, как, например, и в немецком, слово *дорогой* использовалось для более интимного обращения (следующая ступень, по-видимому, *милый* и далее *любимый*). Однако под влиянием английского *dear*, которое наиболее нейтрально, но переводится на русский именно как «дорогой», последнее стало вытеснять *уважаемый*. Так сегодня порой в письме обращаются и к малознакомым людям.

С другой стороны, электронное письмо можно начать и с приветствия, обычно без слов типа *уважаемый* или *дорогой* (подчеркну, практически обязательных в эпистолярном жанре): «*Здравствуйте, господин Тунгусов*» или «*Привет, Марина*». Такое начало характерно как раз для устного общения. Именно в электронных письмах появилось смешное и совершенно неправильное приветствие *Доброго времени суток*. Лучше уж было бы – *Доброе время суток*; впрочем, я уже об этом писал. В этом приветствии в игровом ключе проявля-

ется настоящая интернет-вежливость. Пишущий мог использовать для приветствия обозначение «своего времени», то есть времени написания письма, однако из уважения к читающему или даже многим читающим предпочел туманную неизвестность – «время суток». Итак, электронный этикет допускает и письменные, и устные формы, но не смешивает их, как когда-то поступал товарищ Сухов из «Белого солнца пустыни»: *«Добрый день, веселая минутка, любезная Катерина Матвеевна»*. Его замечательные, как теперь бы сказали, аудиописьма были смешны во многом именно из-за стиля.

Самое же интересное в электронной переписке происходит, когда она состоит из целого ряда посланий. Я уж не буду говорить о приемах сохранения в рамках одного письма прошлых текстов (или их фрагментов), хотя и это сближает е-мейлы не с обычными письмами, а с записками на одном листе бумаги, которыми обмениваются школьники на уроке или студенты на лекции. В ходе переписки, особенно если она проходит интенсивно, постепенно теряются вежливые слова. Сначала опускаются эпитеты *дорогой* и *уважаемый*: *«Марина, я согласна с тем, что ты пишешь, но...»*, – а потом и сами обращения: *«Ни в коем случае!»*. Очередные письма рассматриваются не самостоятельно, а в контексте всей переписки, благо контекст действительно перед глазами. И это уже жанр беседы, или, если пытаться искать аналоги в письменной речи, жанр записки, но не городской, посланной с нарочным, а именно школьных записок, которыми перебрасываются в течение урока многократно.

Электронное письмо – жанр довольно разнообразный и очень демократичный. Его этикет формируется спонтанно на основе уже существующих вариантов, и нет никакой необходимости навязывать ему ту или иную норму. Очевидно, впрочем, что его развитие продолжается, и в дальнейшем будут возникать новые, в том числе игровые, элементы.

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

Русский язык в интернете это, конечно же, черт знает что такое. Но при том это все равно русский язык.

Начнем с самого простого – с яростной порчи орфографии. Возникла она не в интернете, но именно в интернете была поставлена на поток. И наиболее ярко проявилась в так называемом языке падонков и истории со словом *превед*. Порча орфографии оказалась настолько привлекательной идеей, что сразу овладела интернет-умами и стала модной и почти обязательной. Прежде чем как-то оценивать этот процесс, хорошо бы понять, зачем нам вообще нужна орфография.²⁴

Хорошо известно, что именно орфография помогает легче воспринимать написанное, то есть попросту – быстрее читать. Это происходит потому, что мы привыкли к определенному графическому облику слов и опознаем их даже не целиком, а по нескольким ключевым буквам, прежде всего – по первой и последней. Неправильное написание незначительно задерживает наш взгляд на слове, тормозя процесс чтения в целом. Если таких задержек оказывается много (то есть мы имеем дело с неграмотным текстом), чтение тормозится не чуть-чуть, а сильно.

На самом деле орфография помогает и быстрее писать, поскольку грамотный человек делает это автоматически. И вот здесь прозвучало ключевое слово: грамотный. Дело в том, – и сейчас я раскрываю большой секрет, – что орфография облегчает жизнь далеко не всем, а только грамотным людям. Именно поэтому при любых реформах орфографии и графики страдают прежде всего они – те, для кого письмо и чтение стали, по существу, основным инстинктом. И именно образованные люди сильнее всего сопротивляются таким реформам. Остальные же без орфографии даже немного выигрывают: не надо думать, как писать, да и чтению это не мешает, поскольку привычки к определенному графическому облику слов у них не сформировано. Главное же, что при отсутствии орфографии незнание орфографических правил им абсолютно не вредит, так что их социальный статус сильно повышается.

Вторая причина привлекательности неправильной орфографии заключается в том, что она придает слову дополнительную выразительность. Один мой знакомый объявил, что будет писать *жи* и *ши* только с буквой *ы* – в частности, потому, что «*жызынь более энергична и жызыненна, чем жизнь*». И по-своему был прав. Так он и писал: *жывот, ошыбка, машына*. Однако, будучи грамотным человеком, периодически забывался и срывался на нормативное *держишь* и *пишите* (сознательно следить за окончаниями значительно труднее, и здесь срабатывал автоматизм).

Итак, всевозможные выражения языка падонков – *аццкий сотона, аффтар жжот* и *пеши исчо* – безусловно, выразительны и потому так популярны. Кое-кто стал даже говорить о новой неправильной орфографии, то есть новой системе антиправил. На самом деле никакой особой системы нет. По существу, есть лишь одно основное правило: там, где можно написать слово иначе, чем оно пишется, и это не повлияет на его произнесение, – пиши иначе. Фактически это означает, что написание *сотона* является, как бы это сказать, – приемлемым, потому что везде, где ошибку сделать было можно, она сделана. При этом для слова еще возможны варианты: *исчо, ищицо* и т. п., один из которых, возможно, становится каноническим. Так, правильно писать *аффтар* с двумя *ф*, а не с одним, хотя оба варианта одинаково ошибочны.

Но здесь-то и кроется опасность. По-настоящему неправильно могут писать только очень грамотные люди, которые, во-первых, знают, как писать правильно, а во-вторых, пони-

²⁴ Подробный разговор об орфографии и ее реформе будет чуть позже, но без нескольких слов не обойтись и сейчас.

мают, какие ошибки не искажают произношение. Так, мне очень трудно поверить в то, что неграмотный человек мог бы написать «*превед, красавчег!*» (лучше, впрочем, было бы *кроссачег*), потому что сделаны почти все возможные ошибки, причем каждый раз выбирается более неестественная с точки зрения произношения буква.

Выразительность же всех этих написаний весьма условна. Они выразительны, пока мы осознаем их необычность и неправильность. По мере привыкания к ним и забывания «правильного прототипа» они станут совершенно обычными, нейтральными написаниями, но правила орфографии при этом мы потеряем безвозвратно.

Меня поразила позиция одного безусловно грамотного и вполне образованного человека по этому поводу, сформулированная на одном из форумов: дайте мне самовыражаться в интернете так, как я хочу, а вот моих детей в школе, господа лингвисты, извольте учить правильному языку и правильной орфографии. Этот человек, увы, не понимает одной простой вещи: то, что для него является игрой, для следующего поколения постепенно превращается в норму. Язык осваивается не в школе и не под чутким руководством каких-то там лингвистов. Вполне возможно, что его сын впервые увидит слово *аффтар* именно в интернете и именно в таком виде. И это окажется его первым и основным языковым опытом, который не перечеркнешь школьной зубрежкой.

Учитывая распространение интернета, игры и изыски взрослых с большой вероятностью станут основной языковой средой для сегодняшних детей.

После всего сказанного читатель вправе спросить меня, как же я оцениваю будущее нашей орфографии. На это у меня есть два ответа. В краткосрочной перспективе – очень плохо. Сегодняшние модные игры интеллектуалов выгодны неграмотным людям, а их, как известно, больше. В долгосрочной же перспективе грамотные образованные люди, безусловно, спасут нашу орфографию и победят. Вы спросите, как? – А как обычно: не известным науке способом.

Коллективное остроумие

Ну вот, мы и обсудили *превед* и *аффтар*. Но в предыдущей главе речь шла исключительно об искажении орфографии. Сегодняшний язык в интернете (частью которого является знаменитый «язык падонков») к одному только издевательству над орфографией не сводится. Если посмотреть на комментарии в Живом журнале, легко заметить, что в них используется некий набор речевых клише – большей частью со значением оценки.

Например, *аффтар жжот* или *зачот* выражают положительную оценку («хороший текст»), а *выпей йаду*, или *убей себя апстену*, или *убей себя тапкам* и пр. – негативную («плохой текст»). *Ржунимагу* или *валялсо пацтулом* означает «смешно», а *много букв неасилил* – «скучно».

В принципе, эти клише можно творчески комбинировать (*Убей себя с расбегу апстену вымазанайу йадам*), да и сам лексикон понемногу пополняется, но все равно существующие в интернете словари, в которые включается все, что только можно включить, показывают, что таких специфических для интернета слов и выражений где-то около сотни, то есть немного.

Можно было бы вообще не обращать на них внимания, ну, сленг и сленг, если бы не одно «но», а если подумать, то и целых два. Во-первых, необычайная популярность этого сленга, вызывающая очень сильное эмоциональное отношение к нему – буквально от щенячьего восторга до лютой ненависти. Во-вторых, сленг-то он сленг, но есть в нем некоторые особенности, отличающие его от обычных жаргонов.

Как и любой сленг, этот прежде всего проводит границу между своими и чужими. Свои – это те, кто относится к интернет-сообществу (совсем не обязательно к так называемым «падонкам») и употребляет все эти выражения или хотя бы часть из них. Чужие – это те, кто их не употребляет или использует неправильно: ну, например, пишет *автор*, *выпей яду* (то есть не искажает орфографию). Таким образом, это своего рода тест на принадлежность к сообществу, а также выражение лояльности («я – такой же, как вы»). Следует признать, что мы имеем дело с открытым сообществом, в которое, в принципе, может вступить любой, кто захочет. Достаточно овладеть парой-тройкой клише и начать их активно использовать. Стоит заметить, что далеко не все деятели интернета употребляют эти выражения, и даже среди создателей жаргона ведутся дискуссии о правильных и неправильных словах. Скажем, на некоторых сайтах *превед* был подвергнут остракизму.

Специфика этого сленга заключается, во-первых, в его агрессивности. Можно говорить о его экспансии, распространении в первую очередь в разговорной речи, да и в письменной вне интернета тоже (например, в некоторых СМИ).²⁵ То есть данное сообщество с гордостью заявляет о себе вне своей исконной территории, а значит, оценивает себя как элитарное. Что не может не раздражать оставшуюся часть населения.

Еще одно важное свойство интернет-сленга состоит в его игровой природе. Для разных жаргонов бывают характерны игровые модели, но здесь существуют исключительно они. Употребление этих выражений, по идее, всегда должно вызывать смех, это что-то вроде постоянного подмигивания. Более того, у многих выражений есть своя история, рассказывающая о том, как они возникли. Иногда такая история, впрочем, больше напоминает легенду и даже не слишком претендует на достоверность, но, в любом случае, это смешные и веселые истории.²⁶ Так что то или иное выражение смешно не только само по себе, но и потому, что напоминает о своем бурном происхождении.

²⁵ Слово *превед* появилось также на рекламных щитах, а упомянутые клише на обложках школьных тетрадок, что вызвало ожесточенную дискуссию.

²⁶ Одна из самых ярких историй связана с появлением в этом жаргоне слова *вентилятор* со значением «фанат». Про-

Собственно, это и дает интернет-словечкам возможность выполнять совершенно определенную функцию, структурируя и тем самым заполняя, вообще говоря, пустоту мысли. Ну, представьте себе, вы прочли некий текст, и он вам не понравился. Немного странно было бы прокомментировать его следующим образом – *плохой текст*. Это, с одной стороны, просто неинтересно (мало ли что вы там думаете), с другой стороны, явно недостаточно, нужно привести хотя бы какие-то аргументы. Примерно так же обстоит дело и с положительной оценкой, хотя там аргументация не обязательна (ну, понравилось и понравилось). Совершенно иначе выглядит комментарий типа *аффтар выеи йаду* или *баян* (вторично)²⁷ и т. п. Во-первых, это означает, что вы – свой, здешний, местный и, следовательно, имеете право высказываться. Во-вторых, это весело и потому не требует дополнительной аргументации. Надо быть занудой, чтобы требовать аргументов после остроумной реплики. Правда, это не ваше личное остроумие, а, так сказать, коллективное (своего рода анекдот № такой-то²⁸), но это дела не меняет, поскольку вы – «свой» и имеете право прибегать к коллективному разуму. Наиболее ярким примером является комментарий без комментария – широко распространявшийся *первый нах* (а также *второй нах* и так далее). Этот матерный эвфемизм (замена матерного выражения) представляет собой вырожденный и потому показательный случай. Комментатору нечего сказать, но, тем не менее, он говорит и даже полагает, что это остроумно. Он отметил и заявил о себе. Это напоминает столь же ритуальные надписи типа *здесь был Ося*, соответственно, Ося был первым, вторым и так далее.

Подводя итог, я попытаюсь сделать прогноз (хотя прогнозам и не стоит верить). Мода на «язык падонков», *превед* и подобные клише связана с их новизной. По существу, каждое очередное употребление эту новизну, а следовательно – игру, остроумие и веселость стирает, а точнее говоря, превращает в банальность. Это судьба любого речевого клише. Мне кажется, что особых перспектив развития у этой лингвистической игры нет, уже сейчас набор выражений застыл, и новые появляются достаточно редко. С другой стороны, нет оснований считать, что все эти слова вот-вот исчезнут. Речевые клише могут существовать очень долго, хотя, как я уже и сказал, теряют большую часть своей энергии. Короче говоря, долгие лета *медведи*, *преведи* и иже с ними! И пусть они напоминают нам о лингвистических играх раннего периода развития интернета. А в качестве моды на смену им придет что-то иное, другие языковые игры, другие слова и словечки, так что лет через сорок какое-нибудь *плакаль* будет вызывать жуткую ностальгию.

цитирую статью «жаргон падонков» в Википедии (стиль и орфография сохранены): «Данный жаргонизм – одна из наиболее удачных шуток о неправильных переводах, сделанных при использовании автоматических программ-переводчиков. С переводом слова fan (фанат) как “вентилятор” связано два известных случая. Первый (13.12.2005) – обращение Мадонны в блоге, предположительно ведущимся ею к своим поклонникам по всему миру, сделанное на многих языках, где русский вариант включал в себя фразу “Я люблю вас, вентиляторы”. Второй случай (06.05.2006) – приветствие болельщикам, оставленное канадским пользователем joecanadian на российском форуме мирового хоккейного чемпионата – “Здравствуй к русским вентиляторам”».

²⁷ По поводу происхождения этого выражения существуют разные гипотезы.

²⁸ Здесь я отсылаю к серии анекдотов, рассказанных еще Юрием Никулиным. Для тех, кто не знает или не помнит, приведу два примера с сайта anekdot.ru. Анекдот 1. Собирались члены общества любителей анекдотов. Рассказывают анекдоты. Так как все все анекдоты знают, то для удобства их пронумеровали и говорят только номера. – 25-ый! – Ха-ха-ха. – 36-ой! – Ха-ха-ха. – 83-ий! – При женщинах попрошу не выражаться! – 42-ой! – Все молчат, а один смеется. Его спрашивают: – Ты чего? – Впервые слышу. Анекдот 2. Проверяющий приезжает в психушку. Главврач водит его по больнице. В одной палате они видят такую картину: один псих говорит: «7», – и все смеются. Затем другой говорит: «3!», – снова смех. Третий: «18!», – опять всем смешно. Проверяющий: – Что это они? Главврач: – Это они анекдоты рассказывают друг другу. Они пронумеровали все свои анекдоты, и теперь, чтобы рассказать анекдот, достаточно всего лишь назвать номер. Проверяющий говорит: – Сейчас я тоже попробую. (Психам) 5! (Тишина). 14! (Молчание). 11!(Никто не смеется). Тогда проверяющий спрашивает у главврача: – Почему они не смеются? – Понимаете ли, анекдоты ведь еще нужно уметь рассказывать...

Сбрендили

«А я обучался азбуке с вывесок, листая страницы железа и жести...» – писал в поэме «Люблю» Владимир Маяковский. В наше время обучиться азбуке таким способом у поэта не вышло бы. Вывески, растяжки, рекламные щиты, а на них бренды да слоганы – все это порой трудно прочитать даже взрослому человеку (особенно грамотному). Во-первых, русских слов на вывесках и прочем не так уж много. Во-вторых, русские буквы перемешаны с нерусскими, а иногда даже и с не-буквами. Ну, и в-третьих, просто ничего не понятно. Например, что означает «плюс» или «+» в конце слова: «Работа+», НТВ+, «Европа Плюс»? Если бы были «Работа + отдых» или «Европа + Америка», еще куда ни шло, а так совершенно непонятно. Или вот, скажем, «ТрансИнвестКредитТрастБанк».²⁹ Что это: одно слово или пять? Если пять, то где пробелы между ними, а если одно, то откуда берется столько прописных букв внутри слова. Или вывеска «Хлебь». Кажется, что попал в дореволюционную Россию, но такую чуть-чуть ненастоящую. В настоящей бы после «л» написали букву *ять*, да кто ж это сейчас помнит. Или вот огромная растяжка через Садовое кольцо – *Выездная трапеза*, записанная по правилам дореволюционной орфографии. Вроде все красиво, но только после буквы «ы» идет буква «ерь», а должна была бы быть буква «ять». Вечно с этим «*ятем*» проблемы.

Идем дальше – сапожная мастерская Versal, это мы вроде перенесли во Францию. Жалко, что тамошний Версаль пишется иначе, но, с другой стороны, он ведь и не сапожная мастерская. Похоже, что знание иностранных языков только мешает. Как, например, русский человек со знанием одного иностранного языка (а значит, английского) должен прочесть название компании «ТНК-ВР», если никогда не встречал его раньше? На мой взгляд, есть только два разумных варианта: тээн-ка-вэ-эр (если считать, что это русские буквы) или тийчкэй-би-пи (если считать, что это по-английски). Догадаться, что это слово написано сразу на двух языках, на таком русангле, невозможно. Опять же на Садовом кольце, проезжая мимо обувного магазина, я притормаживаю, чем создаю аварийную ситуацию. На нем написано «РЕТЕК», и мне непонятно, петек это или ретек. И я на этом месте каждый раз торможу.

Есть у меня в Москве и самая нелюбимая вывеска. Это ресторан «Т.Ж.И. Фрайдис». Сначала, глядя на нее, я не испытывал особых отрицательных эмоций. Думал, ну открыл некий Томас Жан Ингеборга Фрайдис ресторан и назвал своим именем, что ж в этом худого, не всем же быть Обломовыми да Пушкиными. Но когда мне объяснили, что за этой надписью скрывается английское выражение *Thanks God It's Friday* (в традиционном, несколько вольном переводе: «Слава богу, сегодня пятница»), я расстроился, потому что перестал понимать что бы то ни было. Откуда берется «с» на конце, мне все-таки объяснили, а вот с «Ж» я так и не смирился: лучше уж «Г» (от *God*). Но, главное, я не понимаю, кто все это может понять. Ну да ладно, Ж. им судья!

Казалось бы, из всего сказанного вывод может быть только один – запретить! То есть абсолютно все запретить. Нерусские буквы запретить, древнерусские тоже запретить, слова чтоб остались только наши отечественные, а за плюсом чтоб всегда следовало слагаемое (и желательно сумму указывать). И «МегаФон» станет «Мегафоном», и «Яндекс» – «Яндексом», и всем будет хорошо. Нет, «Яндексу» хорошо не будет, потому что слова такого русского нет, и имени такого нет, а значит, придется запретить целиком. Впрочем, и конкурентов его тоже запретят, так что никому не будет обидно. Но все-таки жалко.

Вот, кстати, и торговую марку «ЧайКофский» тоже запретить – за издевательство над великим композитором. А ведь тоже жалко, потому что действительно смешно, и вряд ли

²⁹ Автор приносит извинения тем банкам, составные части названия которых не были упомянуты.

Петр Ильич обижается. Даже возмутительное смешение алфавитов бывает чем-то оправдано. Написание названия газеты «Коммерсантъ» с твердым знаком подчеркивает определенную преемственность с дореволюционной эпохой,³⁰ а латинское *i* в названии газеты «иностранец» делает ее как бы более иностранной.

Так что и окончательный вывод получается какой-то жалкий и двусмысленный. Как говорится, с одной стороны, но с другой стороны. В общем, пусть себе существуют.

А если говорить более решительно, то названия компаний и продуктов и, шире, реклама в целом – это своего рода игровая площадка, и было бы странно ожидать здесь соблюдения орфографических норм. Графические игры бывают разные. Это прежде всего выделение некоторых фрагментов слова или текста с помощью шрифта, цвета или размера букв. Таким образом, линейность текста уступает место многомерности, а в слове как бы мерцают другие значимые слова, например, в «МегаФон» видно слово *фон*, то есть звук. Иногда это делается с нарушением языковых норм, но это нарушение все равно осознается как игровое. В качестве примера можно привести слоган «*Ниссанмневайтесь*», в который встроено название фирмы с легким искажением русских слов. В названии же магазина «Шалуны» буква «а» перевернута вверх тормашками, что дополнительно символизирует эту самую шалость.

Как и любая игра, игра с брендами может быть удачной и неудачной (или безвкусной), а порой мы имеем дело с очевидной безграмотностью (незнанием иностранных языков или дореформенных правил орфографии). Но и в этом случае нет смысла говорить о запрете, потому что наказанием за неудачный бренд, в частности за смешение «французского с нижегородским», становится экономический провал, невнимание или насмешка потребителя.

Запрещать, а точнее, наказывать в судебном порядке, нужно лишь то, что оскорбляет общественное мнение, но это регулируется отнюдь не орфографическими правилами.

А вот учиться читать придется по книжкам, что, может быть, и сподручнее.

Р. S. Между тем вслед за бизнесменами потянулись и писатели. На прилавках лежат модные книжки на русском языке: «Casual» (английское слово), «Anticasual. Уволена, блин» (смесь английских и русских слов), «Духless» (смесь английских и русских морфем), «Про любoff/on» (адская смесь). В книжных магазинах уже появились специальные полки или столики для таких книг. Смешение кириллицы и латиницы – это теперь просто показатель «гламурности» романа. Может, все-таки запретить, пока еще не поздно? Или не запрещать?

³⁰ Что прекрасно сочетается с информацией, сообщаемой читателям газеты на первой странице: «Издается с 1909 года. С 1917 по 1990 год не выходила по независящим от редакции обстоятельствам».

И целого мира мало

Ни один уважающий себя магазин не хочет быть просто магазином. И это понятно. Ведь нужно выделиться из ряда себе подобных. Давайте вспомним, как называются, например, книжные магазины или магазины подарков. Да, действительно, некоторые отдельные магазины еще так прямо и называются – магазин «Книги» или магазин «Подарки». Но согласитесь, что это как-то банально или, говоря сегодняшним языком, некреативно. Как быть? Вы скажете – салон, и будете неправы. Салонов тоже хватает, и это тоже некреативно.

Есть несколько разных стратегий самоназывания, и самая простая – это укрупнение. Тут главная идея, что товара много, а значит, должно быть все или, по крайней мере, большой выбор. Укрупнение идет по нарастающей. Сначала захватим целый *дом*: «Дом книги», «Дом игрушек». Потом *город* («Город игрушек»), потом страну («Страна подарков»). Наконец, целый *мир*. Впрочем, «*миры*» появились уже давно, и к ним тоже привыкли: «Мир подарков», «Детский мир», «Книжный мир» и т. п. А сегодня, по-видимому, под американским влиянием («Планета Голливуд») активно распространяются всевозможные *планеты*: ресторан «Планета суши», выставка «Планета образования».³¹

В общем, получается, что и целого мира мало. Кто-то уже начинает замахиваться на *вселенную*, но это пока не магазины, а выставки, ярмарки, проекты. Однако самые мудрые уже поняли, что это тупик. Дальше – точнее, больше – вселенной ничего нет. И, значит, надо не просто укрупняться, а добавлять других оттенков значения, например важности или серьезности. Вот и появились в интернете «Министерство подарков» и даже «Академия подарка». Название *министерство* подразумевает не только большую величину, но и солидность, и, как бы это сказать, – «главность». Кто у нас главный по подаркам, куда обращаться? Конечно же, в «Министерство». Слово *академия* в названии эксплуатирует еще одну важную идею – идею компетентности, но об этом чуть позже.

Идею укрупнения в свое время с успехом подхватили государственные образовательные учреждения. Вскоре после перестройки стали исчезать институты, превращаясь в университеты и академии. Неважно, что *университет* подразумевает преподавание разнообразных и универсальных знаний, неважно, что в его составе должны быть разные факультеты, представляющие большой спектр наук. Важно, что название *университет* престижнее и предполагает другие ставки и прочие финансовые условия. Вот и появились университеты да академии туризма или железнодорожного транспорта (поверьте, никого не хочу обидеть), ничуть не изменившись организационно с той поры, когда они назывались институтами. Впрочем, если изменились, то, как правило, получается еще смешнее. Представьте себе в некой Медицинской академии новый факультет иностранных языков или еще какой-нибудь модный и непрофильный факультет. Зачем? Потому что выгодно. Ради этого же (престиж + деньги) училища превратились в колледжи, а многие школы в гимназии и лицеи.

Все бы ничего, да есть одна беда, связанная с языком. Если все стали университетами, то слово *университет* неизбежно теряет свой старый смысл, а вслед за ним и престиж. Происходит своего рода девальвация значения.

Поэтому, если вернуться к магазинам, стратегия укрупнения и повышения важности с помощью названия хороша только, если вы первый и желательно единственный. Так что названия «Министерство подарков» или «Академия подарка» пока вполне удачны, то есть привлекают клиентов, а проще говоря, работают. Другое дело, что «академий» уже довольно много, правда, в соседних областях. *Академия* несет идею всеобъемлющего науч-

³¹ Кстати, американизация видна и в названии книжного магазина – Лас-Книгас. Такой вот книжный Лас-Вегас получается, жаль только, что непонятно, что бы это могло значить.

ного знания и вместе с тем солидности и компетентности. Кроме того, в *академии* присутствует и творческая составляющая, то есть место, где появляются и развиваются новые идеи. Именно поэтому «Академия красоты» пока еще (см. выше) звучит привлекательнее простого «Салона красоты».

По существу, речь уже пошла о новой стратегии – внесении в название элемента творчества и исследования. Модными постепенно становятся такие слова, как *лаборатория* или *мастерская*. Мне уже несколько раз встречались «Лаборатории красоты», а тут в первый раз попалась «Мастерская флористики». Согласитесь, что звучит куда привлекательнее стандартного: магазин «Цветы». Популярностью пользуются и *фабрики*: мне попадались магазины под названиями «Фабрика букетов» и «Фабрика шоколада».

Есть еще одна заметная стратегия, в каком-то смысле противоположная укрупнению. В последнее время на вывесках стали появляться уменьшительные слова *ресторанчик*, *кабачок*. Последнее, конечно, еще вызывает в памяти знаменитый в советское время телевизионный кабачок «13 стульев». Главным все же следует считать не маленький размер, а скорее ощущение уюта и домашнего тепла, возникающего в небольших пространствах. Именно поэтому в этом же ряду находятся такие названия, как «У мамы Зои», «Моя мамочка» или «У Кати», которые включают ласкательные имена или семейные термины. Язык используется здесь для одомашнивания, создания интимной атмосферы, и естественно, что такие названия характерны прежде всего для «пунктов питания». Впрочем, «*магазинчики*» тоже существуют, особенно если в них продаются товары для детей или юных девушек. Пожалуй, «Магазинчик одежды для крупных мужчин» выглядел бы диковато.

Наконец, в этом мире, где всякий хочет или просто обязан выделиться, есть и еще одна стратегия, имеющая, впрочем, весьма ограниченное применение. Когда все придумывают себе название поярче и повычурнее, оригинальным вдруг может оказаться самое тривиальное. Недаром же в последние годы появились газета под названием «Газета» или еженедельный журнал под названием «Еженедельный журнал». Название состоит собственно из определения и больше не сообщает ничего. Впрочем, как только это становится приемом и в качестве такового осознается, он перестает работать. Вот уже и газет «Газета» по существу две, одна, правда, в интернете и потому она «Газета. ru». Так что, как и стратегия укрупнения, эта тоже имеет свои границы.

Впрочем, не следует забывать что имя – то есть название – всего лишь повод для знакомства. Завлечь клиента с помощью лингвистических ухищрений можно, а удержать – нет.

Ирония по инерции

Все слышали про крылатые слова, но едва ли все осознают, как часто их используют. Это открытие сродни тому, что мы говорим прозой. Выражение «крылатые слова» звучит слишком возвышенно, а в действительности речь идет о речевых клише, которые хорошо известны. Когда-то они были цитатами, но частое употребление как бы стерло авторство. «Счастливые часов не наблюдают» первым сказал Грибоедов, но сейчас это принадлежит народу. То же самое произошло и с фразой, которую произносит в фильме персонаж Раневской: «Муля, не нервируй меня» (то еще крылатое словцо) и со многими другими.

Речевые клише были и остаются источником постоянной языковой игры. Многие любят не сами крылатые слова, а возможность как-то изменить известное выражение, исказить, разрушить его, иногда просто поставить в неподходящий контекст. На первый взгляд это кажется издевательством над цитатой, однако не все так просто.

Иногда издевательство действительно имеет место. Так сказать, «бережное отношение» к цитате заключается в том, что цитата сохраняется полностью, но цитируется в необычных условиях, например абсолютно не к месту. Контекст или сама ситуация цитирования, как правило, «снижают» пафос. Таковы уголовные наколки, иногда совпадающие с политическими лозунгами, или цитирование политических лозунгов на стенах общественного туалета. Очевидно, что туалетные граффити были на самом деле разрушением текстуально совпадающих с ними лозунгов и поэтому издевательством над ними.

В качестве яркого примера разных подходов к цитированию я приведу два стихотворения. В стихотворении Давида Самойлова «Пушкин по радио» строки Пушкина и Самойлова сосуществуют и взаимодействуют. И хотя контекст у пушкинских строк непривычный (имеет место перенос во времени и определенное «снижение»), не ясно, нужно ли говорить о каком-либо разрушении:

Возле разбитого вокзала
Нешадно радио орало
Вороньим голосом. Но вдруг,
К нему прислушавшись я понял,
Что все его слова я помнил.
Читали Пушкина...

<...>

С двумя девчонками шальными
Я познакомился. И с ними
Готов был завести роман.
Смеялись юные шалавы...
«Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман»...

В стихотворении же Николая Глазкова «Ворон» (привожу его целиком) в последней строфе происходит очевидное разрушение клишированной формы «никогда», восходящей к мистическому стихотворению Э. А. По (в различных русских переводах встречается как «никогда», так и «nevermore»). Это разрушение подчеркивается абсолютной неправильностью последней вопросно-ответной пары:

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась,
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, черный час.

Я спросил его: – Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство? —
Он ответил: – Никогда!

Я сказал: – В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда.
Все же буду я любимым? —
Он ответил: – Никогда!

Я сказал: – Пусть в личной жизни
Неудачник я всегда.
Но народы в коммунизме
Сыщут счастье? – Никогда!

И на все мои вопросы,
Где возможны нет и да,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным: – Никогда!

Я спросил: – Какие в Чили
Существуют города? —
Он ответил: – Никогда! —
И его разоблачили.

Одной из таких любимых «игрушек» всегда была строчка из Тютчева – «*Умом Россию не понять*». Как ее только не продолжали! Например: «*Умом Россию не понять, а другим местом больно*». Несколько раз ее творчески переработал Игорь Губерман, большой любитель искажения классики: «*Умом Россию не понять, а чем понять опять не ясно*», или более грубо: «*Давно пора, та-та-та мать* (цензура моя. – М. К.), *умом Россию понимать*» (вспомню у него же: «*Счастливые всегда потом рыдают, что вовремя часов не наблюдают*»). В чем смысл такой игры? Предполагается, что собеседники должны опознать цитату и понять, ради чего ее исказили. Это напоминает двойное подмигивание. Первый раз: «Ну, что, узнал?» И второй: «Смотри, что я с этим сделал, сейчас будет смешно!» Само клише, таким образом, привлекает внимание и одновременно является тестом на «свой – чужой», а игра с ним по замыслу говорящего должна вызвать юмористический эффект (что, впрочем, не всегда удается). Смыслы речевого клише и его искажения как бы сталкиваются, и вместо одной линейной фразы возникает многомерный текст. Разрушитель цитаты вступает с ее автором в короткую и комическую дискуссию.

Поучительна сравнительно недавняя история этого приема. В советское время им пользовались в основном эстеты, запрещенные и полузапрещенные писатели, авторы самиздата. Материалом часто служили советские лозунги, цитаты из песен и кинофильмов, в результате чего возникал особый антисоветский юмор. Так, фраза «*Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью*» (В. Бахчанян) разрушала не только советское песенное клише «*Мы рождены, чтоб*

сказку сделать былью», но и стоящий за ним жизнерадостный и жизнеутверждающий пафос социалистического житья-бытья, а *Кафка* и *сказка* в таком столкновении по существу становились противоположностями, антонимами.

Здесь можно еще раз вспомнить И. Губермана:

Я Россию часто вспоминаю,
думая о давнем дорогом,
я другой такой страны не знаю,
где так вольно, смирно и кругом.

Два речевых клише советского времени сочетаются и борются одновременно, создавая двухуровневое советское пространство. Реальное «*вольно, смирно и кругом*» хотя и вытесняет мифологическое «*вольно дышит человек*», но существует и воздействует на читателя именно за счет энергии разрушения последнего.

В перестройку этот прием расцвел и вышел на улицы. Я помню, с одной стороны, актуальные шутки в КВН: «*Бразильский бы выучил только за то, что надо ж куда-нибудь ехать*» (короткая дискуссия с патриотизмом Маяковского, в которой несуществующий «*бразильский язык*» сталкивается с русским, а в качестве причины на смену гордости Лениным выдвигается желание побыстрее сбежать³²). С другой стороны, лозунг на плакате «*Партия есть наш ум и совесть*» с перечеркнутым мягким знаком в слове «*есть*». Вот уж где многомерность смыслов представлена наглядно. На плакате присутствуют обе фразы, но речевое клише с помощью зачеркивания одной буквы сменяется фразой с противоположным смыслом. В августе 91-го появились лозунги против ГКЧП, обыгрывающие фамилии участников: «*Кошмар на улице Язов*» и другие.

Потом этот прием подхватили юмористы, а потом он и вовсе был поставлен на поток. Легко назвать сходу несколько газет, где практически все заголовки (или скажу осторожнее: не меньше 50 %) устроены подобным образом. Сидит там специально обученный человек, находит подходящую цитату и раз... искажает ее до – нет-нет, как раз до узнаваемости. Конечно, ни о какой многомерности смыслов речи уже нет, задача состоит просто в том, чтобы чем-то известным привлечь внимание и обозначить тему статьи.

Например, в статье с заголовком «*Все котлованы ведут в Храм*» (фраза из фильма «Покаяние» – «*Все дороги ведут в Храм*») речь идет о котлованах и никакой дискуссии с фильмом нет. Заголовок «*Дело Мумми-Тролля живет и побеждает*» означает, что тема статьи – детская литература. В «*Полонезе Явлинского*» тема – Явлинский, а «*полонез Огинского*» попался под руку случайно, из-за созвучия фамилий. Прием стал чрезвычайно модным (а в некоторых СМИ почти обязательным) и, как следствие, потерял смысл, многомерность и перестал быть смешным. Изменилось еще одно. Если раньше основным материалом были цитаты из литературы, кинофильмов, а также политические лозунги, то сегодня на первое место выходит реклама. Из полюбившегося рекламного слогана выкидывается одно (или несколько) слово, на место которого вставляется все что угодно. Кто только не побывал за последние годы в одном флаконе! Про кого только мы не узнали, что «не все они одинаково полезны»!

А реклама в свою очередь сама использует известные цитаты, иногда не слишком пристойные. Вот мне подмигивают с рекламного щита: «*Плохому водителю знаки мешают*» (Узнал? А как же. Смешно? Не очень). Короче, выходит замкнутый круг или, если хотите более оптимистичного взгляда, производственный цикл. Все идет в дело и по несколько раз.

³² Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин (В. Маяковский).

Один иностранец сказал мне: «Знаешь, почему так трудно понимать русские тексты? В них слишком много скрытого юмора. Ну, что вы за люди такие, все время шутите, все время иронизируете». Я пожал плечами, а про себя подумал, что это уже как-то автоматически получается. Инерция приема.

P. S. Этот прием сработал и в моей книге. Начиная с ее названия (поклон Альмодовару и его «Женщинам на грани нервного срыва») и кончая названиями отдельных глав. Честное слово, я этого не хотел, просто есть законы, которым невольно подчиняешься. А кроме того, читатель может развлечься, вспоминая источники цитат.

Искусство недопонимания

В главе «Монегаски любят зорбинг» я писал о журналистских словах и словечках, которыми наполнены газетные и журнальные статьи и которые должны были бы в силу их непонятности отпугивать читателя. Однако странным образом часто они, напротив, привлекают его и даже создают журналисту репутацию знатока своего дела, чьи профессионализмы – своего рода пароль для посвященных. Но так обстоит дело не только в СМИ.

Если вы любите художественную литературу, давайте поговорим о ней.

Читая исторические романы популярного современного писателя Алексея Иванова («Сердце Пармы», «Золото бунта»), невозможно не обратить внимания на язык. В некоторых предложениях почти треть слов оказываются неизвестными. И самое странное, что это не раздражает читателя (по крайней мере, меня) – скорее, завораживает, поскольку с помощью новых слов автор создает не всегда понятный, чужой, но интересный, почти магический мир. Ну вот, например: «Зеленое золото *Вагирйо* тускло отблескивало сквозь прорези в кожаном шатре, расшитом понизу багрово-красными ленточками. Шатер стоял на помосте, укрепленном на спинах двух оленей, что устало шагали за конем *хонтуя*. Позади остался извилистый путь от родного *Пелыма*: через многие *хонты* своей земли, через священное озеро *Турват*, на жертвенники у *Ялпынга*, по отрогам *Отортена* и на полдень по Каменной *Ворге* до самых *Басегов*. *Хаканы* встречали караван, меняли быков, помогали тянуть лодки вверх по рекам, тащили через перевалы и прощались, отправляя вместе с *хонтуем* по два-три воина от своих селений. К тому времени, как *Вагирйо* довели до *Чусвы*, у *Асыки* уже собрался сильный отряд в семь десятков манси. Оставив плоты у последнего *навыла* перед устьем *Туявита-Сылвы*, *хонту* повел караван лесами напрямик к Мертвой Парме».

Пока я набираю на компьютере первый абзац романа Алексея Иванова «Сердце Пармы» (появился в 2003 году), спел-чекер неумоимо подчеркивает красной волнистой линией неизвестные ему слова. Таких подчеркиваний набирается семнадцать. Много. Удивительно, что он знает слово *Парма*, наверное, перепутал с чем-то из итальянской жизни.

Или вот из другого романа: «Батя удержал бы барку на Рубце – так сплавщики называли стрежневую струю от ребра бойца Молотова, – да Спиридон Кобылин, нагнавший сзади, своей баркой просто срубил потеси по левому борту батиной барки» («Золото бунта»). Часть из этих слов проясняются контекстом, но некоторые так и остаются загадкой.

Алексей Иванов сегодня никак не является исключением (разве что чемпионом в этом странном виде спорта по употреблению незнакомых слов). Те же тенденции реализуются в творчестве как отдельных современных авторов, так и целых литературных направлений. Так, например, пишут представители киберпанка, перемешивая жаргонизмы с авторскими окказионализмами.

В 2002 году издательство «Амфора» опубликовало фантастический роман «Паутина», выложенный в интернете еще в 1997 году, автором которого значится Мерси Шелли, известная в русском интернете виртуальная личность.³³ В романе много языковой игры, специфических интернет-каламбуров. Например:

«Все Новые Нетские – это хорошо забытые Старые Датские»³⁴

или

³³ В интернете, впрочем, фигурировала Мэри Шелли, а Мерси, по-видимому, результат ее скрещивания с мужем оной – Перси Биши, но чего не происходит при выходе из виртуального пространства.

³⁴ Малопонятное для носителя литературного русского языка высказывание, по-видимому, является обыгрыванием анекдота о новом русском, который пришел к старому еврею и сказал: «Папа, дай денег»; в роли старого еврея выступает принц Датский со товарищи.

«Сетература отличается от литературы всего одной буквой – у литературы чИтатели, у сетературы – чАтатели»,

или

«Можно крикнуть “на раз”, но тогда это сразу заметят. А для постоянного юза это не годится. Тут надо быть тише кулера, ниже драйвера. Например, узнать чей-нибудь пасс и втихаря его юзать»,

или

«Мой комп – моя крепость»,

или

«Жидкая память – это нормально, но жидкая мать – это изврат, зачем она тебе?». ³⁵

В тексте много языковых находок. Мне, например, больше прочего нравятся худло (вариант – худл; замена в будущем устаревшего словосочетания *художественная литература*), и отсюда *специалист по худлу*, а также *компфетки* (легкое подмигивание Набокову) и выражение *Ясный пенть!*. Однако самым замечательным свойством этого текста оказывается то, что часто невозможно отличить авторскую выдумку от реально существующих жаргонизмов. По крайней мере, все эти *бэкапить*, *юзать*, *апгрейд*, *мать*, *клава*, *комп*, *линк*, *сетература*, *чат* и прочая существуют и вне «Паутины», только они, скорее всего, неизвестны обычному образованному (но не продвинутому) читателю.

Еще один пример – эмигрантская литература. Даже такой серьезный писатель, как Василий Аксенов, к одному из своих романов присовокупил словарь, поясняющий значения «новых» заимствований – слов, которые либо придумал он сам, либо используют обитатели Брайтон-Бич (например, «*шатапчик*, *мама!*»).

В связи со всем этим, так и хочется сказать, безобразием встанут по крайней мере два вопроса. Во-первых, неужели писатели не боятся потерять своего читателя? Ведь читатель в массе своей ленив. Ему неохота лазить в словари или в интернет, чтобы узнать значение незнакомого слова. Он вообще хочет линейности в чтении, а если ему что-то непонятно, он просто закроет книгу и забудет о ней. А ленивый читатель – это практически любой из нас. Неленивые читатели такая же редкость, как талантливые авторы. И все-таки упомянутые книги выходят большими тиражами и продаются, а значит, и читаются.

Тут же возникает и второй вопрос. А как же все-таки выкручивается в этой непростой ситуации читатель, или, говоря научным языком, какие существуют читательские стратегии?

Так вот, стратегия читателя таких романов – это, в действительности, наша сегодняшняя стратегия понимания русского языка и даже больше – мира, в котором мы живем. И мир, и язык изменяются настолько быстро, что мы в принципе не можем понять все. Постоянное расширение границ языка и мира приучает нас к тому, что можно назвать «неполным пониманием».

Когда Земфира поет «Меньше всего нужны мне твои камбэки», слушатель, даже зная английский язык, не с первого раза понимает, «чего ей не нужно». Слушая песню, он либо поймет это слово, либо пропустит его и будет слушать дальше. Чем же *камбэки* отличаются, скажем, от профессионального жаргонизма *бэкапить*? Ничем (разве что свежестью). Точно так же мы читаем газеты, точно так же воспринимаем речь современных детей. Например, сначала смутно понимаем жаргонное слово *фича* и лишь потом догадываемся, что оно восходит к английскому *feature*. Непонятные слова пронизывают все сегодняшние тексты и

³⁵ На всякий случай отмечу, что слова *память* и *мать* («материнская плата») имеют особые «программистские» значения.

жанры: песни, романы, статьи, да что там говорить, нашу обыденную речь. Иногда за ними скрываются незнакомые и непонятные вещи, а иногда, наоборот, что-то близкое и знакомое, названное по прихоти пишущего как-то непривычно.

Ленивый читатель никуда не исчез. Он просто приспособился читать подобные тексты, потому что иначе пришлось бы перестать читать вообще. Или тратить на чтение несомерно много времени. Какую-нибудь небольшую рекламу надо было бы читать, обложившись словарями английского языка, жаргона, молодежного сленга и т. п. Да и этого бы не хватило, потребовались бы консультации с друзьями и знакомыми. Мы же – ленивые – довольствуемся неполным пониманием текста, как бы пропуская незнакомые слова, не обращая на них слишком много внимания. И только если назойливое слово встретится нам еще и еще, мы запомним его и постараемся понять по контексту, а не получится – спросим знакомых. Такая коммуникативная стратегия, то есть стратегия неполного понимания, по-видимому, единственный путь приспособиться и хоть что-то понять в стремительно меняющемся мире.

А смысл?

В какой-то давней статье, не помню чьей, обсуждались ключевые вопросы разных эпох. В частности, утверждалось, что на смену казалось бы вечным «*Что делать?*» и «*Кто виноват?*» пришел вопрос «*Какой счет?*». Наверное, это был юмор, хотя и не лишенный той самой доли истины. Лично я особенно ценю два современных вопроса «*А смысл?*» (с вариантом «*Смысл?*») и «*И что?*» (с вариантом «*И?*»). Эти вопросы – реакция на произнесенный собеседником текст, они выражают сомнение в его прагматической ценности и по существу свидетельствуют о коммуникативном провале.

Вопрос «*Смысл?*» часто задавал юный отпрыск моего знакомого в ответ на побуждение его к действию, чем ставил родителя в тупик. Возможно, поэтому я ощущаю этот вопрос как молодежный, этакое пассивное сопротивление навязываемой старшим поколением активности. Вопрос «*И что?*», напротив, характеризует вопрошающего как активного человека, который готов был бы сделать из сказанного определенные выводы и даже действовать в соответствии с этим, но не понимает как. Честно говоря, я сам порой задаю этот вопрос.

К сожалению, его задают и мне, ожидая от меня («лингвиста-профессора») полезных рекомендаций по поводу языка и общения. А я обычно разрушаю чужие коммуникативные ожидания, поскольку вижу свое профессиональное предназначение в том, чтобы исследовать новые явления и тенденции в языке, а не в том, чтобы давать им этическую оценку и уж тем более запрещать. В конце концов, все взрослые люди, сами разберутся – писать *аффтар жжот* или не писать, покупать *элитные холодильники* или не покупать, говорить *вау* или не говорить.

По поводу разрушения коммуникативных ожиданий или даже коммуникативного провала я хочу рассказать один случай из своей преподавательской практики. Его можно интерпретировать по-разному. Например, как еще один повод побрюзжать, что молодежь теперь не та, что прежде. Или как повод покритиковать российское образование. Или, наконец, как повод задуматься, зачем все это, и мы в частности. Далее будут представлены все эти интерпретации, но сначала о сути дела.

Итак, я преподаю этой самой молодежи теорию и практику коммуникации. Сначала, естественным образом, я преподаю теорию, а потом пытаюсь применить ее на практике. С теорией все в порядке: я говорю, молодежь записывает. Тут и азы семиотики, и теория диалога, и психолингвистические аспекты... Но как доходит до практики, молодежь вяло, но решительно сопротивляется. А именно – решительно ничего не делает. И чем больше я на нее давлю, тем решительнее она упирается. А молодежь эта состоит из примерно десяти прелестнейших юных созданий исключительно слабого пола. И тем обиднее мое педагогическое фиаско.

К примеру, я задаю написать краткий пересказ современного романа, причем на первом этапе – одного и того же. Проблемы начинаются сразу – с выбора романа. Оказывается, что не существует такого современного романа, который бы прочли все мои слушательницы. Точнее говоря, самым современным таким романом оказывается «Война и мир», и то условно. Кто-то прочел, но не целиком, кто-то целиком, но частично забыл. А перечитывать, естественно, никто не хочет. Но «Война и мир» и меня не устраивает, по разным причинам, в том числе и связанным с современностью. Но подсознательно сильнее давит отказ самого Толстого пересказывать «Анну Каренину» в ответ на вопрос, о чем роман, точнее – готовность в качестве пересказа повторить роман от первой строки до последней.

В отличие от Толстого и в силу своего лингвистического образования я как раз считаю пересказ одним из основных литературных жанров (входящих как составная часть во многие другие жанры), да к тому же еще и важнейшим диагностическим критерием понимания

текста (того, который пересказывается). При всем при этом в прямую дискуссию с Толстым предпочитаю не вступать. В том смысле, что на его тексты не покушаюсь и его творчества не трогаю.

В результате, сошлись мы на «Мастере и Маргарите»; задание выполнили трое (остальные сослались на чрезмерную занятость по другим дисциплинам). В двух пересказах первый эпизод на Патриарших занимал половину (на что я, впрочем, и рассчитывал), а остальная половина состояла еще из пары эпизодов и истории Иешуа и Пилата. Третий, к сожалению, был безупречен и потому безнадежно непоучителен. Увы, так бывает всегда. Какова бы ни была молодежь, найдется один такой ее представитель, который безупречно выполнит данное ему задание. А значит, и учить этого представителя нечему.

Все прочие задания выполнялись в том же ключе, вследствие чего мне пришлось полностью переключиться с анализа творчества моих подопечных на анализ уже существующих текстов.

Чтобы не казаться старомодным, я приготовил для изучения тексты следующего рода: рецензии на кинофильмы из многократно мной цитируемого журнала «Афиша», модного и вместе с тем не бессмысленного. Среди различных заданий было, в частности, как мне казалось, достаточно простое – квалифицировать рецензию как положительную или отрицательную и подтвердить свое решение фрагментами из текста рецензии.

Проблемы начались с первой же рецензии (на фильм Мартина Скорсезе «Банды Нью-Йорка», автор С. Зельвенский). Были выловлены противоречащие друг другу фразы: одни содержали положительную, а другие отрицательную оценку.

Например, в первой части рецензии:

Романтическая линия на фоне грандиозных исторических событий. Три часа действия... Ребята, извините, я ошибся дверью. Мы с девушкой купим попкорна и отправимся на «Любовь чего-то там» с Хью Грантом.

И во второй:

Все, решительно все говорит о том, что на «Бандах Нью-Йорка» ловить нечего. Между тем посмотреть их совершенно необходимо. Во-первых, этот фильм – настоящее большое кино. Веха, извините. Когда через десять лет люди будут вспоминать, чем отличились мастера экрана в 2002 году, они вспомнят «Банды» (ну и еще «Особое мнение»). Во-вторых, этот фильм, несмотря на продолжительность, – дико увлекателен. Там действительно неизвестные страницы, массовки и костюмы. Но вот вам зуб: как сядете в кресло – так и будете сидеть не шевелясь, пока свет в зале не зажгут.

И далее:

Кино Скорсезе – не любовная интрига на фоне исторического процесса и тем в корне отличается от стандартного голливудского эпоса. Скорсезе интересуют именно что исторический процесс: не вереница дат, заученных к экзамену, а плоть и кровь.

Так все же – романтическая история или исторический эпос, скучно или безумно увлекательно? Кстати, при чем тут попкорн и Хью Грант?

В процессе анализа текста было высказано предположение, что автор сначала хотел написать отрицательную рецензию, а потом по каким-то причинам оторвался от нее (устал, заснул, напился...). Вернувшись же к ней, то ли забыл первоначальный замысел, то ли передумал, и завершил ее нейтральной или даже слегка положительной оценкой. Сначала я порадовался неожиданной для меня иронии моих подопечных, но потом понял, что эту гипотезу они рассматривают всерьез, просто потому что никаких других у них нет. Я пытался спорить

и приводить разные доводы. Например, что, кроме отвлекшегося автора, существует редактор, который едва ли пропустит такую отрицательно-положительную рецензию, содержащую внутренние противоречия. Впрочем, фигура редактора никого не убедила, поскольку если уж автору нет дела до его собственной рецензии, то редактору и подавно.

Я также пытался обратить внимание на контекст: отрицательное мнение высказывается в контексте попкорна и Гранта. Значимо ли это? И так далее. В конце концов, по-видимому, чтобы от меня отвязаться, рецензию сочли отрицательной. Во-первых, вначале она все-таки отрицательная, а первое слово дороже второго. Во-вторых, в ней сказано слишком много гадостей, и в том числе просто неприятных слов типа «пахан», «подыхать» и т. п. А Хью Гранта рецензент, действительно, за что-то не любит, и зря...

В ответ на такое решение проблемы я еще раз произвел анализ текста и, на мой взгляд, доказал «положительность» рецензии. Действительно, отрицательная оценка фильма либо исходит от «ложного автора», специально порожденного персонажа-обывателя, любителя попкорна и Хью Гранта, либо как бы уравнивает положительную. Таков стиль «Афиши» – не говорить одни комплименты и т. п. Мой анализ был благосклонно, но молчаливо принят. Впрочем, девочки заметили, что на фильм этот они все равно не пойдут, как бы он ни понравился рецензенту.

Анализ других рецензий проходил в том же духе. Если в рецензии встречались такие приятные слова, как «снег», «природа», «любовь», рецензия расценивалась как положительная (даже несмотря на прямое утверждение о скучности и тягостности фильма). Наоборот, если в положительной рецензии содержались грубые и резкие слова, она расценивалась как отрицательная. При этом мои ученицы хором утверждали, что такой фильм они ни за что смотреть не будут.

Я пытался возражать, говоря, что они не понимают намерений автора рецензии, что такое восприятие текста слишком импрессионистично, и был поражен полнейшим равнодушием своих слушателей. Ну, не понимаем, ну и что? Зачем нам его понимать?

Должен признаться, что я последовательно прошел три стадии, соответствующие трем упомянутым выше интерпретациям произошедшего.

Сначала я побрызжал на молодежь. Потом осознал, что молодежь тут, вообще говоря, ни при чем, такая же реакция могла бы быть у людей любого возраста.

Затем я перешел к критике образования. Школьная традиция преподавания русского языка состоит в том, что в гораздо большей степени изучаются слово и грамматика, а не текст, его семантика и коммуникация. По существу, школа учит (отдельный вопрос – удачно или неудачно) грамотно писать, то есть орфографии и пунктуации, избегая при этом обсуждения сложных проблем даже в этих областях. Грубо говоря, если навыки речи мы бы усваивали только на школьных уроках русского языка, мы бы не умели ни говорить, ни понимать. В лучшем случае мы бы умели записывать фразы «*Маша ела кашу*», «*Мама мыла раму*» и чуть более сложные и расставлять в них знаки препинания. Это даже не критика школьного курса, это констатация факта. Просто в школе учат тому, а не этому.

Попытки движения к тексту и коммуникации начались в школе в постперестроечное время, но столкнулись с определенными проблемами. Оценивать результаты такой работы гораздо труднее, чем оценивать тривиальную грамотность, а в нашем образовании главной целью по-прежнему является оценка. Ориентация на оценку не всегда бессмысленна, но некоторые виды деятельности губит на корню. Например, сочинение. Если ученик в своем сочинении свободно рассуждает на определенную тему, то это замечательно. Но так не бывает. Во-первых, за сочинение ставится оценка, во-вторых, сочинение многие годы является ключевым экзаменом, часто определяющим судьбу человека. Это значит, что сочинение должно понравиться либо конкретному учителю, либо неконкретному экзаменатору. Отсюда – возникновение множества шаблонов, следование которым почти обязательно, поскольку

индивидуальное творчество опасно. Опасно даже не с идеологической точки зрения, как в советское время, а просто с практической: оно, конечно, может понравиться неизвестному экзаменатору, но, скорее, может активно не понравиться, в отличие от некоторого стереотипного изложения, которое вряд ли сильно понравится, но и не вызовет сильных отрицательных эмоций, важных при проставлении оценки.

У сложной коммуникативной деятельности (к каковой можно отнести и понимание, и рассуждение) есть две важных особенности. Во-первых, она плохо поддается оценке (любая ее оценка субъективна, а объективные критерии, как правило, отсутствуют), во-вторых, будучи ориентирована на оценку, она сильно искажается (одно дело – свободное рассуждение, другое дело – рассуждение ради пятерки). Первая из названных особенностей весьма неудобна для школьного образования, подстраивающегося под оценку, под выпускной и под вступительный экзамены. Вторая особенность во многом обесмысливает обучение коммуникативной деятельности в рамках такого образования (где все оценивается).

Вместе с тем очевидно, что ценность коммуникативных способностей гораздо выше, чем грамотности. И для жизни, и для профессии (исключение составляет разве что профессия корректора).

Тестирование по русскому языку не предусматривает оценки коммуникативных способностей экзаменуемых (например, уровня понимания текста), что, с одной стороны, хорошо, поскольку оценить эти способности объективно невозможно, но, с другой стороны, плохо, потому что именно эти способности чрезвычайно важны. Кроме того, это плохо для образования в целом, поскольку раз эти способности не оцениваются (условно говоря, не олимпийский вид спорта), то и развивать их в школе не будут. А будут, как и раньше, учить орфографии и пунктуации.

Есть ли выход? Подозреваю, что в наших условиях выхода нет, по крайней мере реалистичного. Смысл тестирования по русскому языку в частности и единого экзамена вообще, на мой взгляд, не в том, чтобы содержательно улучшить процесс проверки и оценки знаний и способствовать отбору более талантливых и подготовленных детей. Цель состоит в том, чтобы разрушить систему коррупции в университетах, и успешность такого экзамена будет определяться не справедливостью отбора (ее с помощью таких тестов, безусловно, достичь нельзя), а тем, насколько удастся побороть существующую несправедливость (коррупцию, взятки, репетиторство и все, что с ними связано).

Тем не менее развивать коммуникативные способности в школе, конечно же, следует. Более того, ситуация, когда они специально не оцениваются на жизненно важном экзамене, вполне плодотворна. Ведь тогда их развивают не ради оценки, а ради них самих. По существу, на сегодняшний день это и есть выход. Вопрос, готова ли школа это делать? Более реалистичным кажется отрицательный ответ.

Возвращаясь к рассказанному выше случаю. Вначале я был удивлен и даже раздражен таким отношением к тексту. Если нет цели понять текст, то зачем все это? Зачем писать и зачем читать рецензии? К чему тогда теория и практика коммуникации? Позднее, поразмыслив, я понял, что коммуникация как раз была удачной. Грубые фильмы моим симпатичным и положительным ученицам все равно бы не понравились, несмотря на положительную их оценку неким рецензентом. И напротив, нежные фильмы о природе и любви скорее пришлись бы им по душе, и совершенно неважно, что о них думает рецензент. В рецензии они уловили те слова, которые неприятны именно для них, и дали оценку фильму непосредственно, как бы минуя рецензента. Точнее говоря, они приписали рецензенту свою собственную оценку фильма, полученную из его же рецензии на основе косвенных данных (а не на основе прямой оценки самого рецензента).

Я настойчиво требовал от них понять текст и угадать мнение рецензента, а они этим мнением пренебрегли и составили свое собственное. С практической точки зрения, они, без-

условно, правы. Мое задание никакого практического смысла не содержало. Действительно, зачем нам знать, что думает и пытается выразить некий неизвестный и потому неинтересный человек? Это его проблемы.

Очевидно, что я сам при чтении рецензии использую, как правило, те же стратегии. Обычно мне важно не понять мысль рецензента, а решить, стоит ли смотреть этот фильм, читать эту книгу и так далее.

Короче говоря, в результате чтения курса я пришел к выводу, что понимание чужих текстов и чужой речи для нормальной жизни и нормального общения вообще-то не нужно. Ия, пытаясь научить понимать и ясно выражать свои мысли, возможно, приношу больше вреда, чем пользы. Поэтому русская школьная традиция, в рамках которой изучается слово и грамматика, а не текст и коммуникация, имеет твердые основания. Первое объективно и незыблемо, второе сомнительно и изменчиво. Более того, как и всему практически ценному, практике коммуникации мы учимся вне школьных уроков. Учимся так, как это нужно для жизни, а не так, как это захочется отдельно взятому преподавателю (в данном случае – мне).

В заключение осталось дать полезный совет. Он прост: не слушайте ничьих советов (особенно профессорских). У советчика могут оказаться другие коммуникативные стратегии и установки, да что уж там, другие жизненные цели, и его рекомендации вам только навредят. Мудрость (особенно чужая) часто бесполезна с практической точки зрения, а то, что кажется глупостью, порой оказывается практической сметкой. А вы говорите: «Смысл?»...

Поле брани

Случилось самое страшное: мы теряем наше национальное достояние, наш русский мат. Читатель, конечно, не согласится и, может быть, добавит в подтверждение несколько слов. Но ведь дело не в словах, слова-то как раз остались и звучат чаще, чем прежде. Исчезают культурные запреты на употребление бранных слов, без которых, как это ни парадоксально, нет и мата.

От лингвистов часто требуют самых решительных мер против брани, вплоть до полного запрета. Увы, брань запретить нельзя. Она есть во всех языках и, значит, для чего-то человеку нужна, ну хотя бы для выражения негативных эмоций. Русскую же брань запретить невозможно еще и потому, что она составляет предмет особой национальной гордости, своего рода национальную идею, если угодно. Я имею в виду, естественно, русский мат. Лучше всех эту гордость выразил Владимир Высоцкий:

Проникновенье наше по планете
Особенно заметно вдалеке:
В общественном парижском туалете
Есть надписи на русском языке!

Мне приходилось участвовать во многих официальных дискуссиях о проблемах русского языка. Но как только речь заходила о мате, все остальные проблемы мгновенно забывались, и дальше беседа текла по проторенному руслу. Сначала все ахали да охали и рассуждали о том, что матерщину необходимо запретить, потом кто-нибудь лукаво улыбался и признавался, что и сам порой злоупотребляет, после чего все расслаблялись – свои же люди – и либо рассказывали анекдот, где без мата ну уж совсем никак, либо просто, крикнув, произносили чего-нибудь такое, что еще минуту назад требовали вышвырнуть из русского языка. И всем было счастье.

А не ругаться матом это для русского человека, ну, как водки не пить, то есть подозрительно. Подозрительно, что не русский. Потому что даже бразильские футболисты, приезжая играть в Россию, первыми усваивают именно эти слова. Шпионов им специально обучают. То есть мат всех нас объединяет, мы им в глубине души и слегка застенчиво гордимся, а всякий чужеземец, интересуясь русской культурой, непременно к мату обращается. Получается самая настоящая национальная идея.

Тем мучительнее мне сейчас публично сознаваться, что я мат не люблю. Нет, конечно, и здесь я незаметно подмигиваю читателю, я и сам бывало, ну вы понимаете... Но если отбросить все эти ужимки, то приходится признаться, что я не люблю слышать мат ни в автобусе, ни в университетском коридоре, ни от пьяного, свалившегося в лужу, ни от милой девчушки с ангельской внешностью. И действительно, как гражданин, а точнее говоря, как простой обыватель считаю, что ему не место... Ну и так далее. Это – с одной стороны.

А с другой стороны, как лингвист я к мату отношусь с большим уважением. Русский мат – это сложная и, безусловно, уникальная языковая и культурная система с большим количеством разнообразных функций. Кроме многообразия функций, важно еще многообразие культурных запретов – табу, которые накладываются на употребление матерных слов.

О функциях мата скажу совсем коротко. Мат может использоваться по прямому назначению, то есть для называния связанных с полом и сексом и табуированных в русской культуре объектов. С его помощью можно оскорбить человека, а можно вызвать доверие: в некоторых ситуациях его использование естественно, а иногда обязательно. Например, в закрытых мужских сообществах (армии, тюрьме и т. п.) неупотребление мата вызывает

недоверие. В советское время мат служил для разрушения официоза, ритуального употребления языка. Наконец, мат может использоваться как своего рода речевая связка, заполнитель пауз, то, о чем подробно сказано в главе про слова-паразиты. У некоторых людей речь почти целиком состоит из таких связок.

Что же касается запретов, то меня всегда поражало отнесение мата к табуированной лексике. Что же это за табу такое, если все его регулярно нарушают. Но дело в том, что нужно говорить не об абсолютном и тотальном запрете, а о системе культурных правил, регулирующих употребление мата и меняющихся со временем. Можно назвать ряд правил, которые еще недавно соблюдались в городской образованной среде. Взрослые не используют мат при детях, а дети при взрослых. Мужчины не матерятся при женщинах, а женщины при мужчинах. Нельзя материться в публичных местах и в официальной обстановке. Мат недопустим в книгах, фильмах, на сцене и т. д. Исключения, конечно, всегда бывали, но они воспринимались именно как исключения, то есть нарушение нормального общепринятого поведения. Культурным считался не тот человек, кто не знал, что такое мат, или не употреблял его вовсе, а тот, кто знал соответствующие правила и умел, говоря научным языком, переключать регистры: не ругаться при детях и женщинах, но, когда надо, рассказать смешной анекдот или спеть песню Галича. Знание культурных запретов подразумевало в том числе отпор человеку, злобно их нарушающему, например ругающемуся в присутствии женщины. Упомянутая выше «чисто матерная» речь характеризовала как раз некультурного человека или, что довольно любопытно, некоторые отдельные субкультуры. Скажем, в советской деревне мат использовался много, часто и всеми, фактически ни один из упомянутых запретов там не действовал. Именно поэтому мужчина, который в такой культурной ситуации вступает за честь женщины, выглядит скорее глупо, чем мужественно, ведь такой мат не имеет или почти не имеет оскорбительной силы.

Сегодня городское образованное общество стремительно приближается к подобной же ситуации. Названные запреты не действуют или почти не действуют. Мат используют независимо от пола, возраста и ситуации, и это имеет очень странные последствия. Для многих людей он фактически перестает быть особым культурным явлением, а становится обычной бранью средней степени неприличия – от частоты, а главное, безграничности употребления непристойность как бы стирается. Исчезает таинство запрета, остаются грубость и вульгарность. Интересно, что такое положение можно сравнить не только с ситуацией в деревне, но и ситуацией в европейском просторечии, где также нет таких строгих табу. Снятие в нашей культуре табу и с «горячих тем», связанных с полом и сексом, приводит к тому, что мат, опять же в соответствии с европейской традицией, все чаще используется в буквальном смысле.

Самое же главное состоит в том, что мат перестал быть общезначимым культурным механизмом. Ведь сказанное выше касается далеко не всех. Многие тем не менее сохраняют традиционную культуру, и для них обилие мата оскорбительно и даже болезненно.

Таким образом, ситуация с употреблением матерной лексики крайне нестабильна. Расшатывание культурной системы началось в конце восьмидесятых и начале девяностых, и воспринималось как более или менее естественное и даже прогрессивное в контексте прочих разрушений всевозможных советских запретов. В связи с этим можно вспомнить хотя бы несколько событий. В 1990 году Владимир Линдерман, известный сейчас как один из лидеров национал-большевиков под партийным псевдонимом «Абель», начал издавать первую в СССР эротическую газету под названием «Еще». А 1 апреля 1995 года Александр Иванов с Дмитрием Быковым выпустили в виде приложения к «Собеседнику» первую русскую нецензурную газету «Мать».

Сегодня можно говорить об определенном возвращении запретов на брань в официальных ситуациях, в том числе на телевидении и радио, в газетах и журналах. Мат не исчез из публичной речи совсем, как в советское время, но заменяется: на телевидении – специ-

альным писком, в печатном тексте – точками. Оба этих способа отражаются в интересном рассуждении по поводу мата в упомянутом выше интервью Леонида Парфенова.

– У меня довольно странный вопрос. Вы материтесь?

– До недавнего времени ничего подобного не было, а теперь матерятся все. Похоже, в среднем классе мата больше не стало, а стало – в верхних прослойках Питера и Москвы. Могу ругаться, а могу и не ругаться. В основном это на работе происходит.

<...>

Мы, кстати, в «Намедни» первыми стали «забипивать» мат, а не вырезать его. Осенью 2001 года впервые ньюсмейкер (не Жириновский где-то снятый, и не кто-то там на заднем плане – а ньюсмейкер) Земфира в интервью сказала: «Лёнь, пойми, ну в каждом деле должен быть элемент пох...зма, нет, разь...байства, нет, надо найти синоним. Вольности, вот, элемент вольности!»

Особенно любопытно отношение к мату в интернете. Здесь вроде бы отсутствует цензура, все дозволено и мат должен процветать, но тем ценнее возникновение спонтанных культурных запретов, иногда очень аккуратно и корректно сформулированных. Приведу пример правила, действующего в Живом журнале в книжном сообществе *ru_books*, публикующем рецензии на книги (приводится первоначальный вариант):

Материться. Не выражайтесь – рецензии, содержащие нецензурную брань, будут удаляться. Это не снобизм, а элементарное приличие и уважение к другим. Если вы решите, что книга, о которой вы пишете, заслуживает только такой рецензии, и по-другому вы свои мысли выразить не можете – публикуйте, но в этом случае уберите ВЕСЬ постинг под лжекат (как это сделать – написано выше), а перед ним сообщите, что под лжекатом – нецензурная лексика. Такие рецензии удалены не будут.

Увы, и в мате не стоит искать национальную идею. Сегодня он скорее разъединяет людей. Например, взрослых и их детей, выросших уже в другой культурной традиции. Что делать? Например, попробовать обойтись без мата, хотя бы при собственных детях, тогда есть надежда, что и для них эта лексика останется табуированной.

Блинная тема

К теме мата примыкает тот самый пресловутый *блин*. Я уже писал, что этот заменитель матерного слова, или эвфемизм, как говорят лингвисты, кажется мне вульгарней того, что он заменяет. Такое же неприятное ощущение от *блина* испытывают и некоторые мои знакомые и коллеги. Однако это слово все чаще появляется в речи вполне образованных и культурных людей, в том числе и в официальных ситуациях. В начале книги я назвал актера Евгения Миронова, использовавшего *блин* в благодарственном слове при вручении ему премии. Прошло несколько лет, и уже писатель Дмитрий Быков, вручая ту же премию, зачитывает поэтическое послание, в котором есть такие строки: «Вот вы сидите – номинанты, блин, – инфанты, дебютанты, неофиты, – а через пять минут из вас один пойдет под эти хищные софиты».

Конечно, можно клеймить всех использующих слово *блин*, но очевидно, что они просто иначе воспринимают его. Для многих это своеобразный маркер свойскости, близости с собеседником. Иначе говоря, у нас у всех своя языковая интуиция. Я вспоминаю, как когда-то, будучи мальчиком, произнес при отце слово *фиг* и был поражен его резкой реакцией. Позднее я узнал, что оно тоже эвфемизм, заменитель другого матерного слова, но только сейчас понимаю, как оно могло быть неприятно отцу, ведь примерно те же чувства я испытываю, слыша *блин*. Конечно, я едва ли изменю свою языковую интуицию, но по крайней мере буду знать, что у других людей она может сильно отличаться от моей, и, произнося эвфемизмы, они не имеют в виду ничего дурного.

Терпения и терпимости, – желаю я сам себе, – терпения и терпимости.

Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить

Я написал первый роман в виде словаря, второй в виде кроссворда, третий в виде клепсидры и четвертый как пособие по гаданию на картах таро. Пятый был астрологическим справочником для непосвященных.

Милорад Павич (Автобиография)

Я не сразу понял, что передо мной серьезная и объективная тенденция. Оправданием мне может служить то, что мне она предстала в ряде случайных совпадений, связанных с частными и разрозненными обстоятельствами моей личной жизни.

В конце 2006 года мне попался специальный выпуск журнала «Большой город». Номер этот был выпущен в канун Нового года и назывался «Словарь 2006 года». В новогоднем номере другого журнала – «Афиша» – главным был материал под названием «Слова России». В руках у своей дочери я заметил книжку Кати Метелицы «Лбюовь». Повертев ее, я обнаружил на задней обложке цитату из Петра Вайля: «Под видом словаря – то есть того, к чему Катя Метелица приучила читателей, – написана необычная книга: это и культурологические эссе, и очерки нравов, но, прежде всего, лирическая автобиография, остроумная и трогательная». Слово «приучила» означало, что «под видом словаря» автор уже что-то выпускал. И действительно, легко нашлась по крайней мере еще одна ее книга «Азбука жизни», где слова тоже стояли в алфавитном порядке (в действительности есть и другие). Книжки Кати Метелицы вырастали из ее колонок, и здесь невольно вспомнилась колонка Владимира Новикова в журнале «Новый очевидец», тоже превратившаяся в книгу «Словарь модных слов», которую я вскоре после Нового года получил в подарок от автора. А последней каплей стал звонок из журнала «Критическая масса» с просьбой написать рецензию на книгу Сергея Чуприна «Русская литература сегодня: жизнь по понятиям», которая также написана в виде словаря.³⁶

Тут уже впору было заподозрить неладное и произнести сакраментальное: «Тенденция, однако». Однако не стоит торопиться.

Моя главная проблема состоит в том, что я лингвист и постоянно имею дело со словарями. Более того, отношение к ним у меня профессионально трепетное. То есть я различаю хорошие и плохие словари. В данном же случае я попал в затруднительное положение, поскольку не мог назвать эти книги/журналы ни хорошими, ни плохими словарями. Между названными книгами и журналами много различий, а общее, пожалуй, только одно: все они существуют «под видом словаря», по сути таковым не являясь. Во всяком случае, с моей профессионально лингвистической точки зрения.

Зачем же использовать столь уважаемую (научную и объективную) форму словаря для чего-то другого, ненаучного, развлекательного, несерьезного и субъективного? Нет ли здесь коварного литературного, да что уж там скрывать, постмодернистского заговора против самого святого, что есть у лингвистов, против словаря? Или можно расслабиться, узрев здесь лишь игру случая, так некстати путающуюся у меня под ногами?

Прежде чем рассуждать об этом, стоит представить каждое из названных изданий, поскольку у меня нет уверенности в том, что читателям так же повезло случайно столкнуться

³⁶ Наверняка можно было бы вспомнить что-то еще в таком роде, но я ограничусь этими книжками. Придирчивому книголюбу скажу только, что о Павиче я не забыл, просто Павич здесь абсолютно ни к месту, хотя бы потому, что ему более или менее все равно, использовать ли форму словаря или, скажем, кроссворда (см. эпиграф), и поэтому в дальнейшем он упоминаться не будет.

с ними. Вообще, для словарей чрезвычайно важно, какое слово идет первым и какое последним, а также что находится между ними. Это я как специалист говорю. Вот в таком ключе и рассмотрим наши словари.

Катя Метелица. *Азбука жизни*. Kolonna Publications, 2005.

Книжка, которая начинается с перечня слов без всякого комментария: *Аляска – Амазонка – Алупка – Алушта – Арканзас – слива – айва – алыча – абрикос – Аляска* (была). Похоже на игру в города (следующее слово начинается на последнюю букву предыдущего), хотя в дальнейшем этот принцип нарушается. Дальше идет слово *абракадабра*, про которое что-то написано. Потом идут слова на Б: *баобаб бабуин барабан по барабану!*. А затем снова слова с комментарием – *бомба* и *бумеранг*. Кончается книжка словом *яблоко*, про которое сказано следующее:

«Моя любимая загадка:
На что похожа половинка яблока?
Официальный ответ на нее неизменно разочаровывает.
Половинка яблока похожа на вторую половинку».

Из того, что содержится между буквами А и Я, стоит отметить наличие статьи о *Ленине* (вполне в духе лирической автобиографии) и отсылочную статью *Родина* см. *Крыжовник, Селедка*.

После прочтения «Азбуки жизни» очевидно, что форма словаря взята Катей Метелицей для «прикола», но на этом «приколе» она категорически настаивает. Например, снабжает книжку указателем (одновременно «предметным и именным»), что создает впечатление полного абсурда – научный аппарат для лирической автобиографии.

Катя Метелица. *Лбюовъ*. Kolonna Publications, 2005.

После прочтения этой книжки многое проясняется. Первым по алфавиту идет *Авторское предисловие*, в котором автор признается:

В этой книжке собраны рассказы, заметки и трактаты. Большая их часть – тексты для моей колонки «Стиль жизни», которая выходит на восьмой полосе «Независимой газеты» по четвергам. Я расположила темы по алфавиту, потому что привыкла так делать. Мои издатели предупредили, что я должна быть готова к вопросу: а почему все-таки по алфавиту? У меня есть несколько вариантов ответа: для смеха; для солидности; чтобы было аккуратно.

Можно еще сказать, что пристрастие к алфавитному порядку – это мой личный невроз (моя самая первая книга называлась «Новый русский букварь»). Я действительно считаю, что алфавитный порядок – самый разумный. Хотя варианты «для смеха» и «для солидности» тоже работают.

Заканчивается книга статьей *Яйцо и Ямашка*. Чтобы объяснить малознакомое читателю слово *ямашка*, а также его объединение со словом *яйцо*, снова придется обратиться к цитированию: «В гостях одна девушка, Катя, рассказала чудесную историю про свою маленькую дочку. Она, говорит, целый день к нам всем приставала, чтобы мы отгадали загадку. Сна’ужи белое, внут’и желтое; на букву “я”. Мы говорим: яйцо. Она: “Нееет!” Но ведь яйцо же. Что еще? А она: “Нееет! Это цветочек, ‘ямашка’”».

Указателя на этот раз нету, зато автор продолжает обильно использовать внутренние ссылки, из которых отмечу такую: *Внутренний мир* – см. *Красота, Холодильник*. В пространстве между *Авторским предисловием* и *Яйцом и Ямашкой* существуют множество смешных и не очень текстов, некоторые из которых называются *Бриллианты, Бытовые преступления, Достоевский Ф. М., Евродоска, Женственность, Лбюовъ*, давшая название всей книге, *Топографический кретинизм, Тупить, Упасть на улице* ну и так далее. Трактатов в собственном

смысле слова, вопреки авторскому предисловию, не обнаружено. Впрочем, на роль трактата претендуют, на мой взгляд, тексты *Капучино*, *Тамагочи* и *Чашка кофе*. Проще всего (в силу краткости текста) процитировать *Тамагочи*: «Как известно, тамагочи всегда умирают в холодильниках». Все.

Журнал «Большой город», 13.12.06. Специальный номер «Словарь 2006 года».

Строго говоря, это не совсем словарь, потому что в него вошли не только отдельные слова, но и имена известных персон, а также разные любопытные словосочетания.³⁷ Первое слово в нем – *антифа*, со вполне серьезным толкованием: «популярное в некоторых странах Западной Европы (Великобритания, Германия) молодежное движение, противостоящее скинхедам на их территории (т. е. на улице) и зачастую их же методами (т. е. дракой)». И дальше – более подробные сведения об этом движении. На букву «я» встречается слоган *я грузин*, а последним словом, написанным кириллицей, оказывается *як-цук-цон*, что означает строчку из припева финской польки, а точнее – модный рингтон (мелодия для звонка мобильного телефона). Ему сопутствует любопытный лингвистический комментарий: «в переносном значении – кавардак, безобразия», – иллюстрируемый следующим примером: «когда вы ушли, мы устроили реальный як-цук-цон».

Кроме кириллической части в «Словаре» есть еще и латинская, которая также активно используется в русском языке. Например, загадочное *Web 2.0* (с определением «все лучшее, что делается в интернете, – бесплатно и коллективными силами энтузиастов») и *YouTube* («сайт для выкладывания и просмотра коротких видеороликов»).

Внутри масса интересных статей о таких явлениях нашей жизни, как *Бондарчук*, *боржоми*, *Бутово*, *Википедия*, *Все входящие бесплатно*, *гойда* (с отсылкой к книге Владимира Сорокина «День опричника»), *гуглить*, *Duxless*, *жесть*, *живот мальчика*, *кит-бутылконос* (в январе 2006 года один такой заплыл в Темзу), *Кондопога*, *Ктулху*, *Перельман*, *плаггер*, *полупредсед*, *превед*, *рейдеры*, *ретросексуал*, *скайпнуть*, *Скарлетт* (имеется в виду актриса Скарлетт Йоханссон), *три кита* (мебельный торговый центр) и даже *шпроты* (в связи с запретом на их импорт из Латвии). Статьи написаны серьезно и информативно. Из них действительно узнаешь полезную информацию либо о каком-то событии, либо об употреблении данного слова. Например, статья *Гей-парад*, связанная с запретом на его проведение в Москве, снабжена картой мира и списком городов, в которых в 2006 году прошли гей-парады. Слово *охренищенко* имеет такое определение: «Любой запрет, введенный по политическим соображениям» и содержит такой пример: «Это не законопроект, это опять охренищенко». Слово «*пежня*» определяется как «Слово-паразит. Обозначает любую ерунду, недостойную упоминания: “Это какая-то пежня”».

Пародийная серьезность, а порой даже научность толкований с легкими вкраплениями разговорной речи только усиливает ощущение абсурда (так и хочется сказать – идиотизма) нашей действительности и провоцирует не всегда здоровый смех. Приведу два примера.

«*Душ Сантуш* (полное имя – Жозе Эдуарду душ Сантуш)

Истинная причина московских пробок и президент Республики Ангола еще со времен Леонида Брежнева и телепрограммы “Международная панорама”. Посетил Москву с официальным визитом 31 октября – в день, когда транспортные потоки города, как обычно, были парализованы. В тот же вечер футбольная команда “Спартак” решила (как это делают в последнее время многие) добираться на игру с “Интером” на метро. “Спартак” проиграл, за этим разразился скандал, в качестве одного из главных объяснений транспортных заторов города был назван старик Д. С.³⁸ и его кортеж. Теперь это имя накрепко связано не с социа-

³⁷ Это же замечание касается и книг Кати Метелицы, и журнала «Афишы», которые, правда, прямо словарями не называются.

³⁸ Замечательное столкновение разговорного «старик» и стандартной энциклопедической подачи в тексте заглавного слова.

лизмом, Индирой Ганди и Бабраком Кармалем, а с системными заторами на транспортных артериях Москвы».

«Живот мальчика

Часть тела, которую поцеловал президент России. Инцидент произошел во время пешей прогулки президента по Соборной площади Кремля: увидев совершенно незнакомого 5-летнего мальчика Никиту, президент наклонился, задрал ему футболку и подарил животу поцелуй...»

Удачны и отдельные примеры употреблений тех или иных слов и выражений. Так, в словаре встречается выражение *«Конечно, Катя!»*: «Ставшая крылатой реплика из фильма “Меченосец”. Неожиданно произносится героиней Чулпан Хаматовой ближе к концу фильма, когда возлюбленный в очередной раз интересуется ее именем. Готовый девиз новейшего российского кинематографа – бессмысленного, по-своему прекрасного и особенно смешного именно в те редкие моменты, когда он хочет казаться лиричным. В связи с тотальным отсутствием каких-либо коннотаций подходит для любого случая жизни. Например:

“Сколько времени?” – “Конечно, Катя!”».

Ну и, чтобы закончить, приведу статью код:

«Решенная проблема заголовков и названий книг: “*К. чего-то*”. Это может быть “Код Рафаэля”, “Код Givenchy”, “Код Ельцина”, “Код неандертальца” и любой другой код. Демонстрирует тайную веру авторов в то, что их произведения станут так же популярны, как бестселлер Дэна Брауна “Код да Винчи”...»

Как ни странно, но после прочтения «Большого города» понимаешь, что «словарные мотивы» Кати Метелицы работают и здесь. Во-первых, для смеха. Во-вторых, для солидности. А может, просто невроз такой коллективный.

Журнал «Афиша». 2006, № 24 (191).

В новогоднем журнале «Афиша» меня интересует большой текстовый блок, в оглавлении названный «2006: итоги года». Впрочем, сам текст называется, как уже сказано, «Слова России». Журналы «Большой город» и «Афиша» принадлежат одному издательскому дому, и остается только гадать, возникли ли идеи словарей независимо или были распространены по двум редакциям одним приказом. Несмотря на некоторое пересечение авторов словарей, реализованы эти идеи по-разному. В «Афише» значительно меньше иронии и совсем нет сарказма. Для одних и тех же событий находятся разные ключевые слова. *Жизненно важные органы* (А) и *Полупресед* (БГ) – для дела Сычева, *Кит в Темзе* (А) и *Кит-бутылконос* (БГ) – для кита-бутылконоса, заплывшего в Темзу, *Онищенко* (А) и *Охренищенко* (БГ) – для запрета грузинских и молдавских вин, *Путин целует Никиту в живот* (А) и *Живот мальчика* (БГ) – для описанного выше случая, *День опричника* (А) и *Гойда* (БГ) – по поводу выхода романа В. Сорокина и т. д. Впрочем, неизбежны и некоторые совпадения: *Борат*, *гей-парад*, *превед*, *Duxless* и др. Как говорится, лучше не скажешь. Обсуждать отдельные тексты «Афиши» подробно не имеет смысла, а поговорить о тексте в целом стоит. Структура текста, однако, здесь совсем другая. Верхняя половина страницы отдана словам и выражениям, вызывающим в памяти события 2006 года, причем слова упорядочены не по алфавиту, а по времени (когда произошло то или иное событие). Все слова разбиты на двенадцать месяцев. Внизу же в виде сносок комментируются некоторые из событий. Первым выражением оказывается *жизненно важные органы*, и ему соответствует текст о рядовом Андрее Сычеве, а последним – слово *дискурс* без комментария.³⁹ Последний комментарий посвящен выражению *Маскаев победил*, то есть победе боксера Олега Маскаева в матче за титул чемпиона мира. Комментарии подчеркнуто нейтральны. Приведу два литературных примера.

³⁹ Поскольку «дискурсу» предшествует «гламур», нетрудно увидеть отсылку к роману В. Пелевина.

«Адольфич. Киносценарий “Чужая”, принадлежащий перу Адольфича – бывшего сотрудника Госплана Украины, бывшего деятеля киевского рок-подполья, бизнесмена с теньвым прошлым и звезды ЖЖ, – похоже, закрыл бандитскую тему в литературе: смешнее и острее, чем человек, скрывающийся под псевдонимом Владимир Нестеренко, написать уже не сможет никто».

«*Empire V*. В ноябре выходит роман Пелевина “*Empire V*” (незадолго до выхода книги черновик рукописи широко распространяется в интернете) – очередной меткий приговор эпохе. Если вкратце – тут утверждается, что в основе мироздания лежат гламур и дискурс, причем и то и другое иллюзия».

Хотя текст в «Афише» также основан на некоторых ключевых словах и комментариях к ним, он в меньшей степени напоминает традиционный словарь, а в большей своеобразную словарную новостную ленту, если это сочетание имеет какой-нибудь смысл.

Владимир Новиков. Словарь модных слов. М.: Зебра Е, 2005.

Если все рассмотренное выше правильнее называть «как бы энциклопедиями», поскольку речь идет об описании явлений окружающего мира, то это случай особый. Книжка Владимира Новикова – самый настоящий словарь, хотя, конечно же, не научный. В том смысле, что в нем действительно описываются слова, причем именно те, которые сейчас модны, актуальны, частотны. Иногда это новые слова или выражения: *гламур, креативный, отстой, пиар, шоу, яппи* ит. д. Иногда это слова, приобретшие новые значения и заигравшие новыми гранями, например *авторитет, грузить, фиолетово, культовый, круто, по понятиям*. Иногда речь идет о вечных ценностях, как в случае слов *жопы* или *цензура*. Первым словом в книге идет *авторитет*, а последним – *яппи*. Владимир Новиков избегает давать определения, а скорее просто весело объясняет, как употребляется то или иное слово, а также по ходу дела рассказывает всякие забавные истории. И почти всегда дает свою эмоциональную оценку. Например, статья о слове *мессидж* начинается так: «Это слово еще не получило постоянную российскую прописку: его порой пишут через “э”, а то и заключают в осторожные кавычки. Но, думаю, мессидж все-таки займет свое законное место в одном ряду с “миссией” и “мессией”. У этого слова обширнейший смысловой диапазон: от бытовой реплики, произнесенной для телефонного автоответчика, – до духовного послания, адресованного всему человечеству...». А вот выражение *по жизни*: «Выражение не самое изысканное, но есть в нем некоторая сермяжная правда. Оно иногда помогает вскрыть противоречие между мнимостью и сущностью». Выражение *по понятиям* автору определенно не нравится: «Это одно из самых уродливых выражений, произведенных на свет русским языком...». А заканчивается статья о нем так: «Хочется одного – чтобы выражение “по понятиям” могло попасть в будущие словари только с пометой “устар.”».

Несмотря на постоянно присутствующую в тексте оценку, в целом книга не кажется нравоучительной, и причина, на мой взгляд, очевидна. Владимир Новиков испытывает явное удовольствие от русского языка, от хоровода всех этих слов и словечек, даже если среди них мелькают и не слишком приятные. Говоря теми самыми модными словами, он по жизни лингвистический эпикуреец, чувствующий харизму слова, или, иначе говоря, его особую фишку, и получающий от этого удовольствие.

Сергей Чупринин. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007.

Эту книгу кратко представить значительно трудней. И тому несколько причин. Среди объективных надо отметить серьезность этого труда, отличающую его от упомянутых выше «словарей». По сути, это словарь «актуальных» литературных терминов, во всяком случае такова очевидная на первый взгляд претензия. Кроме того, эта книга – одна из двух, составляющих единый авторский проект, как сказано в аннотации. Вторая книга имеет частично совпадающее название «Русская литература сегодня: Большой путеводитель» и является

биографическим справочником, включающим биографии современных писателей. Кроме того, в кратком представлении чрезвычайно трудно соблюсти правильный баланс между искренним восхищением, испытываемым к данному фундаментальному труду в целом, и некоторым скепсисом по поводу чистоты жанра именно этой части проекта (к биографическому словарю скепсис не относится). Более того, восхищение я для краткости вынесу за скобки и попытаюсь объяснить, почему я не готов считать этот замечательный семьсотшестидесятивосьмистраничный труд, снабженный именным указателем (опять эти указатели!), словарем в полном смысле этого слова. Книга начинается статьей *авангард в литературе*, *авангардизм* и заканчивается статьей *этнолитература*. Между ними много интереснейших и серьезных статей: обзоры типа *детективная литература* или, скажем, *журналистика литературная*, хорошо известные термины (*графомания*, *плагиат*, *центон*), а также модные литературные словечки *ремейк*, *слэм-поэзия*, *лавбургер* и другие. Вместе с тем в книге много того, что собственно термином не является. Иногда речь идет о яркой метафоре, подхваченной Чуприниным у других критиков или писателей, например *створаживание литературы* или *либеральная жандармерия*. Иногда – об очень общей теме или проблеме, так или иначе отражаемой в современной литературе, например *аутизм и коммуникативность в литературе* или *звезды в литературе* (кстати, для такого типа статей автор стандартно использует конструкцию «нечто в литературе»). Несколько огрубляя, можно сказать, что Сергей Чупринин пишет о том, что ему интересно, то есть по форме перед нами терминологический словарь, а по сути – сборник связанных между собой статей. И я подозреваю, что автор сам сознает это и даже затевает с читателем забавные игры, подбрасывая ему некоторые подсказки, главной из которых оказывается вполне игровое название – «Жизнь по понятиям», содержащее каламбурное столкновение «понятия» в научном смысле и понятия жаргонного, на что как раз и указывает контекст (напомню, как недоволен был этим выражением Владимир Новиков). Вообще в этой книге множество элементов игры и иронии. Даже такой вроде бы объективный прием, как характеристика явления или термина с помощью чужой цитаты (Сергей Чупринин пользуется им постоянно), превращается порой в игру, в которую вместе с читателем вовлекаются иколлеги-критики, и коллеги-писатели.

Тут уже можно подвести предварительный итог, состоящий в том, что под видом словаря могут скрываться романы, сборники эссе или статей, описания событий или людей, анекдоты, да и вообще все что угодно. Чем же так притягивает уважаемых авторов словарная форма? Почему так и тянет расположить их, свои статьи, в алфавитном порядке?

Вспомним Катю Метелицу, которая по существу уже ответила на эти вопросы.

Итак, во-первых, «для смеха». Юмористический эффект возникает в тех случаях, когда содержание текста не соответствует академической форме словаря. Смешное загоняется в академический формат и от этого становится еще смешнее. По-видимому, по мнению Метелицы, наличие именных и предметных указателей смеховой эффект еще усиливает, доводит, так сказать, до надрыва животиков. Хотя здесь с ней можно и поспорить.

Во-вторых, «для солидности». Словарная форма в некоторых случаях повышает академическую ценность текста. Скажем, словарь актуальных литературных понятий, безусловно, интереснее и важнее сборника статей литературного критика.

В-третьих, «для аккуратности». Речь, как мне кажется, идет о следующем. В том случае, если текст не имеет четкой собственной структуры и распадается на много разных текстов, форма словаря скрепляет его, придает определенную значительность. Этот прием работает, если книга выросла из журнальных или газетных колонок, в общем-то не связанных между собой (разве что стилистически). Это, как ни странно, срабатывает и при подведении итогов за год. Алфавитный порядок событий и тем года оказывается как-то ярче и четче временного порядка, за которым-то не всегда строго и уследишь. В этом смысле удобно сравнить воплощение одной и той же идеи в разных форматах. Кажется, что год, представлен-

ный в журнале «Большой город» (словарь главных тем), выглядит как-то ярче, выпуклее и, главное, запоминается лучше, чем тот же год, предлагаемый журналом «Афишей» (что-то вроде новостной ленты или хроники). Формат словаря в этом смысле хорош по двум как бы противоположным причинам. С одной стороны, он структурирует текст, не имеющий никакой первоначальной структуры, то есть, по существу, задает некую композицию, связывает разрозненные эпизоды. С другой стороны, эта структура достаточно гибкая, она не искажает события, не навязывает каких-то дополнительных смыслов и позволяет включать в книгу новые эпизоды, если это потребуется.

Катя Метелица еще упоминала невроз, но его можно отнести на счет индивидуальных особенностей автора. Хотя нужно сказать еще одну важную вещь, а обозвать ее можно хоть неврозом, хоть как. И это, пожалуй, единственное, что объединяет все рассмотренные книги и журналы. И именно в этом можно усмотреть ту самую тенденцию, с которой и начался разговор. После прочтения всех названных текстов возникает устойчивое ощущение, что мир лучше познается через слова. Можно называть их модными, можно ключевыми. Мы запоминаем не объемные события или сложные понятия, а отдельные слова, своего рода ярлыки для всевозможных явлений, и именно эти ярлыки храним в своей памяти, общественной или индивидуальной. Особенно удачны ярлыки в виде речевых клише (типа выражений *Полная Кондопога* или «Конечно, Катя!») и даже таких литературоведческих терминов, как *створуживание литературы*). Они хорошо запоминаются и легко вызывают воспоминания о прошлых событиях и, что немаловажно, эмоции с ними связанные. Эти слова являются единицами хранения событий в нашей памяти и действуют как вспышки, мгновенно освещающие эти события. Поэтому гораздо ярче и действенней оказывается не просто текст, а текст, введенный через некое точное и запоминающееся слово, поэтому в конце концов авторы и дают художественным произведениям короткие названия.

Но названия романов и прочих текстов придумывает, как правило, один человек, и они могут быть удачными и неудачными и, что называется, провоцируют частные ассоциации. А вот ключевые слова в самых разных областях – от литературоведения до политики и вообще жизни в целом – возникают в результате нашей общей деятельности и всегда отражают некую общую и общезначимую реальность. Задача отдельного автора состоит не в том, чтобы их придумать, а в том, чтобы их отыскать в языке и культуре, вспомнить самому и тем самым вызвать ответную реакцию у читателя. Разговор о ключевых словах и с их помощью оказывается интересен всем тем, кто эти слова знает, и у кого они вызывают соответствующие мысли, образы и эмоции. Одинаковые механизмы действуют в разговоре и о нашей жизни за год, и о нашей сегодняшней литературе.

А раз мир лучше познается через отдельные слова и выражения, то и форма словаря становится востребованной, ведь слова удобнее всего располагать в алфавитном порядке (для солидности и аккуратности). Вот и появляются пространные высказывания, в том числе и художественные, о литературе, о политике, просто о жизни «под видом словаря». Тенденция, если уж говорить о тенденции, состоит в том, чтобы «говорить (или, точнее, писать) целыми словарями». И поверьте моему лингвистическому опыту, высказывание в виде словаря гораздо убедительнее высказывания в виде кроссворда, не говоря уж о клепсидре (см. эпиграф к этой главе).

Правка языка

В начале 2000-х годов нас всех пугали чем-то очень страшным, чем-то, что журналисты упорно называли реформой русского языка. Честно говоря, трудно даже себе представить, что бы это могло значить, но в действительности речь шла о двух абсолютно не связанных проектах – издании нового свода орфографических и пунктуационных правил, что иногда называли реформой правописания, а иногда нет, а также о законе о русском языке, впоследствии более корректно названном законом о государственном языке.

В этом разделе я хочу говорить о том, как можно воздействовать на язык, регулировать его, и о том, кто на это имеет право.

О букве и русском духе

Когда-то давно, еще в советское время у меня в гостях был молодой немецкий лингвист, большой демократ и большой любитель России. Он очень любил русских и переживал, что им приходится жить в тоталитарном государстве, но еще больше он любил русский язык. Все в русском языке восхищало его – и падежи, и виды, кроме одного. Зачем, – говорил он, – вы, русские, используете кириллицу? Это ведь так неудобно для иностранцев, которые ну просто ничего не понимают ни на ваших картах, ни на улицах. Да и вам самим было бы гораздо удобнее писать латиницей, и это был бы первый шаг сближения со свободным и демократическим миром.

Я возражал, что как раз нам удобнее не станет, потому что мы привыкли к кириллице и даже немного гордимся ей, и вообще, народ на это никогда не согласится. А при чем здесь народ, – сказал немец. – У вас же тоталитарное государство, просто возьмите и перейдите на латиницу. Крыть было нечем! Так я получил первый урок демократии, умело использующей отдельные преимущества тоталитарного строя.

Это, конечно, больше история про немца и демократию, но все-таки немного и про русский язык. Смешно сказать, но, если кто не заметил, мы все-таки перешли на латиницу. Правда, не все и ненадолго. Это коснулось прежде всего пользователей интернета и особенно электронной почты в начальный период их развития в нашей стране, то есть пока не были введены общепринятые кириллические шрифты. Кто-то при этом использовал апострофы для передачи мягких согласных, кто-то латинское «и», кто-то «игрек», а кто-то просто плевал на мягкость, но все так или иначе справлялись. Несмотря на обилие непоследовательных и ненаучных способов передачи русских слов латиницей, мы продолжили давать советы, спорить и ругаться, то есть, короче говоря, общаться и понимать друг друга. До тех пор, пока технический прогресс не вернул нам нашу кириллицу. Из этого эксперимента, проведенного над нами новыми технологиями, я извлек весьма тривиальный лингвистический урок. Ценность общения (в первую очередь, на родном языке) столь высока, что ради него можно перейти даже на другую графику. Но... значительно лучше использовать свою родную, привычную. Именно поэтому сегодня я гораздо менее охотно читаю в интернете комментарии, записанные латиницей (просто потому, что у их авторов, живущих за границей нет кириллических шрифтов). Такие комментарии, конечно же, прочитываются, но несколько медленнее и, как бы это сказать, без удовольствия.

Более общий вывод состоит в том, что мы можем приспособиться к любым изменениям нашей графики, но лучше, чтобы этих изменений не было вовсе. И этим, в частности, объясняется отношение к время от времени предлагаемым реформам даже не графики, а орфографии и пунктуации. Образованные люди (за исключением лингвистов) практически всегда против таких реформ, ведь наибольший урон от изменений несут грамотные взрослые люди, а еще точнее, люди много пишущие и читающие. Они сильнее всех привыкли к существующему порядку, и им труднее перестраиваться. Из наиболее грамотных они в один миг становятся наиболее неграмотными (правда, только на определенное время). Кроме всего прочего, грамотность является одной из составляющих культуры, и ее утрата воспринимается культурными людьми болезненно.

Многие до сих пор переживают из-за реформы 1917– 1918-х годов. И вот совсем недавно прогрессивная общественность дала отпор еще одной попытке реформировать наше правописание. Несколько лет назад в публичной дискуссии о реформе правописания обсуждалась прежде всего замена буквы «ю» на «у» в словах *брошюра* и *параашют*. Образованный носитель языка активно сопротивлялся любым изменениям орфографии, и имел на это полное право. Но об этом в следующей главе.

Однако, как показывают опыты, не слишком мы вдумываемся в орфографию, когда читаем текст. Забавное доказательство этого найдено мной в интернете, где данный текст фигурирует в качестве анекдота:

По рзультаттам илссеовадний одонго анлигйсокго унвиертисета, не иеетм занчнения, вкокам пряоке рсапожолена бкувы в солве. Галвоне, чотбы преавя и пслоендяя бквуы блыи на мсете. Осатьлыне бкувы мгоут селдовтаь в плоонм бсепордяке, все-рвано ткест читаитсея без побрелм. Пичрионий эгото ялвятеся то, что мы не чиатем кдаужю бкуву по отдльенотси, а все солво цликеем.

Действительно, текст читается достаточно легко, хотя перепутаны все буквы, кроме первой и последней. Конечно, не надо стремиться к такой практически абсолютной свободе (все-таки слова выглядят как-то неприятно), но не надо и драматизировать ситуацию. Самое же замечательное, что так легко мы справляемся с этим текстом именно потому, что в нем представлены привычные нам кириллические буквы, и нам достаточно мимолетного взгляда на них, чтобы воспринять некий графический образ слова. Так что, извините, товарищи немцы, без кириллицы нам никак нельзя.

Кстати, этот лингвистический тест оказывается и аргументом против искажений орфографии в интернете. Если вы перемешаете буквы неправильно записанного слова, вы его вряд ли опознаете. Привычки к искаженному образу у нашего глаза нет.

Жить по «Правилам», или Право на старописание

Мнения по поводу так и не состоявшейся реформы правописания разделились достаточно резко и по чрезвычайно простому признаку. Лингвисты в подавляющем своем большинстве были «за», не-лингвисты – «против». Причем, когда речь шла об аргументах, казалось, что противоположные стороны просто не слышат друг друга, а говорят о совершенно разных вещах. Лингвисты большей частью приводили лингвистические аргументы в пользу изменения правописания, а не-лингвисты просили или требовали, чтобы все оставили как есть. Иногда в грубой форме. Например, Татьяна Толстая в газете «Коммерсантъ» сказала буквально следующее: «Надо заколотить двери Академии наук, где заседают эти придурки, и попросить их заняться более полезным для народного хозяйства делом». Чем-то напоминает монолог Аркадия Райкина о балерине. Но главное, что на этом все – ответ оппонента не подразумевается, и дискуссия заканчивается.

Во мне же самом яростно боролись лингвист и обыватель (в последнем случае снова не имею в виду никакой отрицательной оценки, обычно сопутствующей этому слову), и мне самому интересно разобраться, почему они вступили в такой конфликт.

Итак, в начале третьего тысячелетия сложилась достаточно странная ситуация. С одной стороны, в печати прошла волна публикаций (в основном, критических) по поводу реформы русской орфографии. С другой стороны, осведомленные лица (например, члены Орфографической комиссии Российской академии наук и сотрудники Института русского языка РАН) утверждали, что никакой реформы нет. Просто, вместо «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года (далее «Правила»), являвшихся своего рода законом в области правописания, но устаревших, в Институте русского языка под руководством В. В. Лопатина был разработан «Свод правил русского правописания. Орфография и пунктуация» (далее «Свод»). Стыдливое «своего рода закон» сказано выше по одной простой причине. Наше правописание регулировалось не только «Правилами», но и различными словарями, иногда противоречившими «основному закону». Можно попытаться провести юридическую аналогию с законом («Правила») и прецедентом (словари), но вряд ли это что-нибудь прояснит.

Новый «Свод» был призван сыграть роль нового закона. Он был одобрен Орфографической комиссией, однако так и не был утвержден и опубликован. Сложность ситуации усугублялась еще и тем, что появились словари, по крайней мере частично следующие «Своду», а не «Правилам», то есть проекту закона, а не действующему закону. Расхождение касалось в первую очередь слитного, дефисного и раздельного написания сложных слов. Так, например, прилагательное *церковнославянский* в полном соответствии с «Правилами» писалось во всех словарях слитно. Однако в некоторых новых словарях, подготовленных сотрудниками Института русского языка (см., например, Русский орфографический словарь под ред. В. В. Лопатина) оно пишется через дефис, что соответствует уже рекомендациям «Свода».

В результате дискуссии реформу (независимо от того, считать ли ее таковой или не считать) было принято не проводить, а «Свод» не публиковать. В 2006 году вместо «Свода» в свет вышли новые «Правила русской орфографии и пунктуации» под редакцией В. В. Лопатина, из которых исчезли все радикальные изменения.

А я попробую вернуться на несколько лет назад и нырнуть в эпицентр дискуссии. Итак, «Правила» 1956 года устарели, но формально их никто не отменял. Не утвержденный «Свод» содержит определенные изменения не только орфографических, но и пунктуационных норм. Считать ли их достаточно значительными, чтобы называть реформой, или нет, – вопрос, скорее, символический, ведь никакого строгого определения реформы не

существует. Тем не менее, на мой профессиональный взгляд, это была именно реформа правописания (орфографии и пунктуации), и так я буду впредь ее именовать.

Что касается внезапной и бурной публичной дискуссии в печати, то вообще не понятно, чем она была вызвана и почему произошла. То ли это была случайная утечка информации, то ли кто-то сознательно, но не очень ловко пустил пробный шар, – не берусь судить.

Такова диспозиция. Каковы же ее оценка и возможные последствия? Прежде чем перейти к этой проблеме, оговорюсь, что я в минимальной степени буду говорить о конкретном языковом материале и собственно лингвистических аргументах, а также о научном качестве реформы. Меня же, как, наверное, и широкую аудиторию, в данном случае больше интересует психологическая проблема.

В течение последнего десятилетия двадцатого века пытались провести реформы орфографии и графики французы и немцы. И обе эти реформы, практически утвержденные, вызвали такую бурную реакцию в обществе, что их отменили или по крайней мере заморозили. Любая реформа правописания и графики оказывается сильным психологическим стрессом для общества. Страдают от нее в основном грамотные люди. Образованный человек пишет грамотно не потому, что он знает правила, а потому, что он помнит, как пишется то или иное слово. Грамотный человек пишет автоматически, не задумываясь, почему он пишет так, а не иначе. Он привык так писать. Огромную роль и при письме, и при чтении имеет так называемый графический облик слова. Если, скажем, законодательно заменить написание *корова* на *карова*, ничего смертельного не произойдет. Пошумят, поволнуются и будут жить дальше. Однако грамотный человек и читать, и писать станет чуть-чуть медленнее. При чтении его глаз будет спотыкаться на *карове*, а при письме ему придется на долю секунды задуматься, как с ней быть. Более того, если бы мы вдруг решили не писать, а произносить это слово как-то иначе, например *курова* или, на иностранный манер, *кау* (англ.) или *ваш* (фр.), опять же помучались бы и привыкли. Привыкаем же мы к реальным заимствованиям из иностранных языков. Однако, если таких одновременных гипотетических замен было бы побольше, выросли бы и проблемы. Говорить и понимать чужую речь мы стали бы медленнее.

Вернемся все же к письму. Быстро читающий человек не всегда даже проговаривает слова, которые он читает, он узнает слова, а не прочитывает их в строгой линейной последовательности. Иногда мы даже не замечаем опечаток, потому что узнаем слова сразу, по каким-то другим буквам. Например, слова в словосочетании (если оно, конечно, встречается в связном тексте)

крокодилы и гиппопотамы

я узнаю по первым буквам (вспомним лингвистический тест-анекдот из предыдущей главы) и могу не заметить не к месту появившейся буквы Я. Но если вдруг замечу, то, безусловно, заторможу на ней, а опечатка в первых буквах (например, *прокодилы*) просто мешает мне опознать слово. Тексты девятнадцатого века современный человек читает медленнее, даже если знает правила чтения всех исчезнувших букв. «Яти» и другие удаленные из алфавита буквы, по крайней мере поначалу, будут замедлять чтение.

Надо признать, что наибольший урон от реформы несут грамотные взрослые люди, а еще точнее, люди много пишущие и читающие. Они сильнее всех привыкли к существующему порядку, и им труднее перестраиваться. Из наиболее грамотных они в один миг становятся наиболее неграмотными (правда, только на определенное время). Кроме всего прочего, грамотность является одной из составляющих культуры, и ее утрата воспринимается культурными людьми болезненно.

Здесь возможны самые неожиданные потери. Так, например, исчезло из русского языка выражение «делать на ять». Или более личное: после реформы графики и орфографии по

существу потеряла смысл строка из стихотворения Марины Цветаевой, посвященного Александру Блоку: «Имя твое – пять букв». С потерей «ера» на конце имя *Блок* сократилось до четырех букв, а строчка стала культурным или лингвистическим казусом.

С другой стороны, люди не слишком грамотные теряют от реформы значительно меньше, а дети, которые осваивают орфографию и пунктуацию, скорее, только выигрывают от более простых и логичных правил. Так, небезосновательно считается, что именно реформа орфографии и пунктуации позволила большевикам в кратчайшие сроки ликвидировать неграмотность. Спасибо реформаторам должны сказать и школьники всех последующих поколений. Им уже не нужно заучивать стихи со словами, в которых пишется «ять»: «Бедный бледный белый бес прибежал с обедом в лес...» Их мучения ограничиваются заучиванием канонической строки «уж замуж неverteпж», что, согласитесь, значительно проще.

Таким образом, совершенно понятно, почему реакция в прессе на слухи о реформе была в подавляющем большинстве случаев негативна. Эта была нормальная реакция образованных людей. Интересно и то, что основной отпор вызвала замена буквы «ю» на букву «у» в словах *парашиут* и *брошюра* (ср. *парашут*, *брошура*). Конечно, эта замена гораздо заметнее глазу, чем вариации с двумя или одним «н» и прочее. Также неприятно (подозреваю, что это самое подходящее слово, – почти физически неприятно) написание прилагательного *розыскной* через «а» – *разыскной*. Неприятие вызывают наименее системные, единичные, но раздражающие глаз замены. Большая заметность орфографических изменений по сравнению с пунктуационными привела к тому, что вместо реформы правописания (то есть орфографии и пунктуации) обсуждались фактически только орфографические изменения.

Итак, психология человека, отторгающего реформу, абсолютно понятна. Но какие же аргументы приводились сторонами реформы?

Причины, почему следовало писать, а затем и утверждать новый «Свод», достаточно просты и очевидны. Во-первых, старые «Правила» устарели (то есть с тех пор произошли определенные изменения в русском языке, которые не могли быть учтены), во-вторых, они несовершенны (и неполны, и неточны). Отсюда те немногочисленные, но вечные, а точнее – хронические, проблемы орфографии: с написанием одного или двух «н» в причастиях и прилагательных и с раздельно-дефисно-слитным написанием наречий, частиц и пр. На этом месте спотыкаются даже вполне грамотные люди. Думаю, что против упорядочивания этой части было бы и меньше всего возражений, но как раз проблема слитно-раздельного написания наречий в новом «Своде» не решалась до конца, просто один список слов заменялся на другой.

Есть еще один аргумент: в русской орфографии часто нарушается системность, то есть, говоря более простым языком, для многих правил существуют исключения. Именно этим соображением и были вызваны новые написания *парашиута*, *брошюры* и прилагательного *розыскной*. Но именно эти соображения отказывается принимать грамотный носитель языка. Пусть три, пусть десять исключений, но он к ним привык, и принцип сохранения графического облика оказывается важнее принципа системности.

Следует оговорить то, что предлагаемая реформа не предусматривала радикальных изменений, что постоянно подчеркивали ее авторы. Кстати сказать, именно поэтому некоторые лингвисты считали ее явно недостаточной. По сравнению с послереволюционной реформой изменения были просто ничтожны. Любая реформа правописания – проблема одного (в широком смысле) поколения, то есть, как уже сказано, взрослых образованных людей. Предлагаемая же реформа – проблема, скорее, не поколения, а определенного, не слишком долгого периода времени, лет, скажем, десяти. Через десять лет даже «культурный» глаз перестанет вздрагивать и моргать на слове ПАРАШУТ.

Да, действительно, достаточно просто сто, а лучше тысячу раз написать БРОШУРА, БРОШУРА, БРОШУРА, БРОШУРА, БРОШУРА, БРОШУРА, БРОШУРА, БРОШУРА... Рука привыкнет, а глаз, прошу прощения за сленг, замылится. Языковая привычка вырабатывается именно так – писанием и чтением. И все-таки вопросы остаются. Почему именно в тот момент? Кто должен решать? Ради чего?

Время для реформы или, по крайней мере, для введения новых правил было в каком-то смысле подходящее. Это время больших перемен и потрясений вне языка. Следует напомнить, что послереволюционная реформа готовилась задолго до революции и совсем даже не большевиками, а крупнейшими российскими учеными. Созданную в 1904 году комиссию при Академии наук возглавлял, пусть формально, великий князь Константин Константинович, а ее Орфографическую подкомиссию – великий филолог Ф. Ф. Фортунатов. Проводить же реформу начало Временное правительство, а большевики окончательно утвердили декретами Народного комиссариата просвещения от 23 декабря 1917 года и Совета народных комиссаров от 10 октября 1918 года. Совпадение времени проведения реформы и революции, по-видимому, неслучайно. Именно на фоне революций и сопутствующих потрясений реформа оказалась не таким уж значительным событием (каким бы она, безусловно, была в стабильное время), и именно большевики имели политическую волю провести ее до конца. Осуществить подобную реформу в стабильном и демократическом обществе очень трудно. Общественность практически всегда против. О двух неудачных попытках во Франции и Германии я уже говорил. Нечто похожее пытались сделать и в Чехии, но о результатах говорить еще рано.

Для проведения реформы нестабильность нашего общества оказывается положительным фактором. Завтра уже будет поздно. Даже смена веков могла бы быть психологическим стимулом для внесения изменений в орфографию. Но, судя по реакции прессы, не стала.

Таким образом, удобный момент, похоже, отчасти упущен.

Другой вопрос связан с механизмами проведения реформы и с тем, кто же окончательно решает, быть или не быть реформе. Кажется, что ответ прост, – решать должен народ, который на этом языке говорит. И тогда, судя по откликам на реформу, народ против. Но в этом есть и определенное лукавство. Ведь реакция прессы – это все-таки реакция образованного взрослого населения. А в поддержку реформы могли выступить как раз менее образованные люди и, конечно, школьники, которые, впрочем, при референдумах не имеют право голоса. С другой стороны, кажется не вполне разумным решать такие вопросы голосованием. Все-таки культурная и языковая норма, в том числе и орфографическая, вещь по определению консервативная, и отменять ее простым большинством голосов нельзя. Слишком легко и быстро тогда будет меняться наша культура. И не исключено, что, проводя мы референдумы по правописанию каждый день, по понедельникам мы должны будем писать *корова*, а по вторникам *карова*.

По-видимому, если говорить о серьезных изменениях, нельзя обойтись без серьезного общественного обсуждения, на котором естественному для образованной общественности орфографическому консерватизму должны противостоять лингвистические доводы, сформулированные абсолютно понятным для неспециалиста языком. Причем существенно даже не то, будет ли реакция общественности негативной (а она должна быть таковой), а то, насколько негативной она будет. И, следовательно, допустимо ли ею пренебречь. Подготовка реформы требует не только разработки теоретических постулатов, но и подготовки общественности к реформе. Фактически, мы приходим к тому, что называется новым русским словом пиар. Так вот, пока пиар реформы был крайне неудачным.

Но, в конце концов, несмотря на мои попытки сохранить объективность, придется честно сказать, как лично я отношусь к реформе неудавшейся или к реформе, возможной в будущем. Надеюсь, что борьба упомянутых в начале статьи лингвиста и обывателя внутри

меня была корректной. Я уверен, что проведение подобной реформы, если она когда-нибудь состоится, ни для кого не будет катастрофой (просто в силу незначительности изменений). И все же...

Короче говоря, я за *парашиют*. И, как говаривал герой одного фильма, делайте со мной, что хотите.

Размер имеет значение

Среди многих сегодняшних проблем, связанных с языком, эта кажется совсем маленькой, хотя речь и идет о большой букве (которую, впрочем, правильнее называть прописной).

Казалось бы, с ней все ясно. Когда речь заходит о том, зачем нам прописная буква, все сразу вспоминают, что она выделяет, во-первых, начало предложения, а во-вторых, имена собственные. Однако в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года прописной букве посвящено почти 20 параграфов. В новых «Правилах» 2006 года это проблема обсуждается почти в 50 параграфах, то есть в два с лишним раза больше. В любом случае сложились и некие неписанные правила, так что можно говорить о реальном бытовании прописной буквы в нашей жизни.

Действительно, две самые главные функции прописной буквы – это обозначение начала и выделение уникального объекта. Есть, впрочем, и еще одна: подчеркивание особого стиля, торжественности и исключительного уважения. Иногда эти функции реализуются одновременно.

Например, в русских поэтических текстах прописная буква обозначает не только начало предложения, но и начало каждой строки, а по сути тем самым подчеркивает, что этот текст принадлежит к особому высокому жанру. Многие современные поэты отказываются от этого правила, снижая пафос поэтического текста и переходя в регистр обыденности.

Стоит ли преследовать поэтов (пусть даже путем корректорской правки) за нарушение орфографии? Едва ли, ведь поэт – хозяин своего текста, и ради достижения художественного эффекта имеет право нарушать всяческие правила, в том числе и орфографические.

В советское время очень часто с прописной буквы писались слова *Родина, Отечество, Партия, Победа, Май* и т. д. Здесь, опять же, прописная буква выполняла сразу две функции: во-первых, выделение уникального явления (если *Родина* с прописной – то это СССР, если *Партия* с прописной – то это КПСС), а во-вторых, перевод текста в особый «патриотический» регистр. Написать *Партию* со строчной буквы являлось идеологической ошибкой. В таком написании, однако, была логическая неувязка: патриоту другой отчизны, желающему написать это слово по-русски, дозволялось писать его только со строчной буквы.⁴⁰

Интересно, что в тех же советских текстах произошла и обратная замена – прописной на строчную – в слове *бог*. Здесь уже прописная буква считалась идеологическим проступком, а *Богу* было отказано в уникальности и особом уважении.

Сегодня христианскому *Богу* – и даже шире, единому *Богу* – вернули право писаться с прописной. Однако и здесь не все просто. Представьте себе человека, верующего в единого Бога, но не отождествляющего его с христианским. Конечно, можно сказать, что единый Бог всегда один и тот же, – но это вопрос теологический, а не лингвистический. Вообще для религиозных и официальных политических текстов характерно тяготение к прописным буквам. В священных текстах с прописной буквы пишутся и *Слово* (то самое, которое было в начале), и *Небо* (или *Небеса*), и *Крест Господень*, и многое другое. А в официальных текстах с прописной буквы пишутся названия высших государственных должностей: *Президент РФ, Генеральный Прокурор* и т. д.

Эти тексты, как и поэтические, имеют свои особенности, складывавшиеся в течение длительного времени. Но когда эти особенности переносятся в корпоративную практику, это выглядит нелепо. Чрезмерная торжественность и почитание исходят от *Генерального*

⁴⁰ Как тут не вспомнить роман Сергея Довлатова «Компромисс». Главный редактор советской газеты произносит, обращаясь к герою, бессмертную фразу: «Опять по алфавиту?! Забудьте это оппортунистическое слово!»

Директора с его двумя прописными буквами – ведь даже *президент РФ* и *небеса* в обычном тексте мы пишем со строчной.

Можно вспомнить и еще об одном примере избыточной вежливости. В рекламных текстах или на корпоративных сайтах очень часто можно увидеть местоимения *Вы* и *Ваши*, написанные с прописной буквы. Они обращены к читателю и, по-видимому, по замыслу авторов, подчеркивают то самое исключительное уважение и одновременно уникальность адресата. В действительности же здесь демонстрируется только неграмотность, поскольку грубо нарушаются сразу два правила написания вежливого *Вы*. Оно используется как форма вежливости, во-первых, только при обращении к одному конкретному лицу, а во-вторых, только в личных письмах или официальных документах. Очевидно, что рекламные тексты и сайты не относятся к этим жанрам и адресованы большому количеству людей (чем больше, тем лучше). И *Вы*, обращенное ко мне с рекламного щита или с компьютерного монитора, кажется больше лицемерием, чем вежливостью. Кстати, такой же эффект вызывают массовые рекламные рассылки, стилизованные под личные письма.

Особую область, своего рода заповедник, где не действуют обычные правила, представляет собой интернет-пространство. Правда, в отличие от высокого стиля поэтической, религиозной или официальной речи, здесь уместнее говорить о сниженности стиля. Прописная буква выделяет в интернете любые фрагменты текста и соответствует различным интонационным выделениям в устной речи, в том числе и громкости. Иногда целые тексты пишутся прописными буквами, с помощью которых пишущий пытается как бы «перекричать» собеседника.

А раз уж разговор зашел об интернете, нельзя не обсудить написание самого этого слова. Только появившись в русском языке, оно писалось с прописной буквы и не склонялось, что порой случается с еще не освоенными заимствованными словами. Сейчас же это слово настолько привычно и освоено, что его, безусловно, нужно склонять. Само же явление теперь не более уникально, чем телевидение или радио, и потому, на мой взгляд, давно пора перейти к строчной букве. Что я и делаю, постоянно борясь с мешающим мне спел-чекером.

Обсудив разнообразные случаи, я все же попытаюсь дать один общий совет. Не стоит злоупотреблять прописной буквой! Она, как сильное оружие, должна использоваться вовремя и по делу. А чрезмерный пафос или избыточная вежливость порой производят эффект противоположный ожидаемому.

Опечатки с моралью

В течение 2006 года со мной произошло несколько курьезных случаев. В своей речи и в своих текстах я допустил несколько не то чтобы ошибок, а скорее неточностей и был немедленно и безжалостно поправлен.

Начну непосредственно с газеты «Ведомости», в которой я вел колонку о русском языке. В статье об электронном этикете я использовал жаргонный глагол *банить*. Однако на пути в печать с этим словом произошли некоторые изменения. Кто-то исправил его на более знакомое *бранить*, решив по-видимому, что я просто пропустил одну букву. В результате вместо словосочетания *банить мат* (т. е. налагать запрет на появление мата) возникло *бранить мат*, что не то что бы абсолютно бессмысленно, но значит нечто совсем другое. Честно говоря, я бы этого не заметил, поскольку свои статьи в газете не перечитывал. Но на эту ошибку мне было любезно указано в отзывах читателей к интернет-версии, которые, напротив, я всегда с интересом – а часто и с благодарностью – читал. Естественно, встал вопрос, кто виноват. Корректор? Редактор? Да нет, автор, ибо не следует лингвисту, использовать в статье профессионализмы, которые еще только входят в русский язык.

Поразмыслив, однако, я пришел к выводу, что, кто бы ни был виноват, все к лучшему – этот казус прекрасно иллюстрирует основную идею моей колонки: русский язык изменяется так быстро, что уже не столько объединяет нас, сколько разъединяет, рассаживает по вагонам, которые движутся по разным путям и в разных направлениях. Впрочем, перед написанием следующей статьи я благоразумно заручился обещанием редактора, что править меня без моего ведома больше не будут.

Каково же было мое удивление, когда в читательских отзывах к следующей статье мне снова указали на ошибку, которой я не совершал. А именно – что слово *офлайн* (так было напечатано) пишется с двумя «ф» (как, собственно, и было написано в сданном мною тексте). Здесь, впрочем, не все так ясно. Я в этом случае руководствовался существующей практикой написания. Что подтвердили и мои внимательные читатели. Аргумент заслуживает того, чтобы быть приведенным в газете. Один из комментаторов не поленился залезть в Яндекс и привел следующую статистику: «*офлайн* – 341520 *оффлайн* – 1833862» (имеется в виду количество страниц). Это вполне объяснимо, поскольку в английском языке, откуда слово заимствовано, оно пишется через два «f». Однако, и мой злокозненный правщик (скорее всего, это был корректор) руководствовался вполне здравыми соображениями. В русский язык уже вошли *офсет* и *офсайд*, восходящие к тому же самому английскому *off*. Кроме того, существует малоизвестное правило, которое, несколько огрубляя, можно передать так: в заимствованных словах из удвоенных согласных перед согласной и на конце слова в русском языке на письме сохраняется только одна буква. Так, фамилии известных философов *Wittgenstein* и *Russell* по-русски записываются как *Витгенштейн* и *Рассел*. Последнее время этим правилом все чаще пренебрегают, в результате чего появляются *расселлы*, *оффишоры* и *оффлайны*. Вброшенное в интернете слово, например, в неправильном написании, тут же подхватывается тысячами.

Снова я получил замечательный пример, демонстрирующий скорость изменений в русском языке. На как будто бы простой орфографический вопрос нет такого же простого и однозначного ответа. По-видимому, опять виноватым остался автор, пойдя на поводу у интернет-масс, а не следуя правилам русской орфографии.

Очередное мое «исправление» состоялось на радио. С понедельника по четверг по одной из программ передавали запись моих лингвистических лекций, а в пятницу я пришел на прямой эфир, чтобы ответить на вопросы слушателей. В одном из ответов я произнес что-то вроде «последствия от этого...», на что немедленно последовал звонок в студию, где мне

указали на неправильность моей фразы и предложили отказаться от употребления предлога – «последствия этого...». Я попытался отговориться тем, что в спонтанной речи главное – ее спонтанность, а не правильность. Слушатель вежливо прервал меня и потребовал точного ответа, правильно это или неправильно. Сдерживая легкое раздражение, я поблагодарил слушателя и признал свою ошибку. В душе, однако, я продолжаю считать, что так все же сказать можно или, по крайней мере, так говорят. Жалко, под рукой не было Яндекс. И все же очная ставка с еще одним «языковым пуристом» закончилась не в мою пользу.

Казалось бы, все эти случаи наводят на грустные мысли. Однако нам предстоит хэппи-энд. После всех изложенных событий я принимал участие в круглом столе, где обсуждалась предполагаемая гибель русского языка. Разброс мнений был весьма значителен: от «неотвратно гибнет» до «с русским языком все в полном порядке». Конечно, я не считаю, что с русским языком все в полном порядке, и приведенные случаи как раз свидетельствуют об этом. Слишком много сейчас возникает вопросов, на которые лингвисты (и корректоры, и редакторы) не могут дать четкого ответа. Язык изменяется так быстро, что специалисты не успевают за ним, и тем самым отчасти теряется, расползается понятие нормы. Колебания нормы существуют всегда, просто сейчас их слишком много. Однако все это ни в коей мере не свидетельствует о гибели языка. Представьте себе акселерата, который слишком быстро растет, и его маму, которая в ужасе убеждает врачей, что он гибнет. Такая позиция относительно языка кажется смешной и даже абсурдной. Я бы описал ситуацию несколько иначе. Очень быстро меняется окружающий нас мир (в социальном, культурном и технологическом отношениях). Следом за ним, не всегда успевая, меняется и наш язык. Как раз не будь этих изменений, можно было бы говорить о том, что язык мертв: ведь на нем нельзя было бы говорить об изменяющемся мире. Наконец, следом за языком поспешаем отдельные и конкретные мы. Нас разделяет очень многое: понимание или непонимание новых слов, любовь или нелюбовь к словотворчеству, знание или незнание правил орфографии... Зато объединяет неугасающий, временами яростный интерес к родному языку. Мы все время хотим точно знать – КАК ПРАВИЛЬНО?

Родная речь как юридическая проблема

До недавних пор я мало интересовался законодательной деятельностью. Однако внезапно, как и многие другие лингвисты, оказался вовлечен если не в нее саму, то по крайней мере в дискуссии по ее поводу. Случилось это после того, как наши депутаты заговорили о законе о русском языке.

Какое-то время шла подготовка закона, сопровождаемая выступлениями его инициаторов, а затем он с легкостью стал проходить чтение за чтением, несмотря на достаточно сильную критику в средствах массовой информации.

Надо отдать депутатам должное. С каждым чтением закон становился все лучше. Исчезали некоторые абсурдные и пустые формулировки, появлялись разумные идеи. Было изменено даже название. Казалось, еще чтений пять-семь, и выйдет что-то дельное. Но, во-первых, у закона всего три чтения. А во-вторых, это только казалось. Из этого закона ничего дельного получиться просто не могло. По определению.

Тем не менее, хроника событий такова. 5 февраля 2003 года закон прошел заключительное третье чтение в Государственной Думе, но был отклонен Советом Федерации и отправлен на доработку. Именно между этими двумя событиями и развернулась резкая дискуссия. Затем после незначительных исправлений и уже без всяких дискуссий закон был принят Государственной Думой 20 мая 2005 года и одобрен Советом Федерации 25 мая 2005 года.

Обращусь к более ранним этапам создания закона. Изначально он назывался законом «О русском языке как государственном языке Российской Федерации», и уже в названии отражалось некое противоречие, которое сохранялось, и, более того, развивалось в самом тексте закона.

В названии закреплялась определенная подмена понятий. Вместо закона о государственном языке предлагался закон о русском языке как государственном. Нетрудно представить себе дальнейшее развитие подобной логики и, скажем, вместо закона о президенте предложить закон о конкретном человеке как президенте и т. д. В действительности уже само название выдавало потаенные мысли депутатов: им хотелось говорить о наболевшем, то есть именно о русском языке, а чтобы оставаться юридически корректными приходилось скрываться за формулировками о государственном языке. Несовместимое совмещалось плохо.

Текст закона также представлял собой соединение разных жанров и, говоря научным языком, смешение коммуникативных установок.

Главной составляющей закона стали различные декларации в поддержку русского языка. Государству или правительству вменялось осуществление различных действий, направленных на защиту и поддержку русского языка (в том числе загадочных «иных мероприятий»). В ведении органов власти оказывалось сохранение самобытности и чистоты русского языка, повышение культуры русской речи. Не будучи юристом, трудно понять юридическую ценность подобного рода формулировок, с обыденной же точки зрения, они выглядели довольно странно, особенно в сочетании с совершенно конкретными рекомендациями и запретами.

Эти предписания и запреты, адресованные непосредственно гражданам страны, и были вторым жанром. Запреты касались употребления нецензурных слов, сквернословия вообще, оскорблений с помощью языка, а также использования иностранных слов. Кроме некоторой невнятности формулировок, настораживал тот факт, что из текста закона не было ясно, как будут наказываться соответствующие нарушения.

Наконец, в-третьих, это была не очень удачная попытка сформулировать сферу употребления государственного языка. То есть в самой идее задать область функционирования государственного языка ничего плохого нет, но депутаты сразу же замахнулись на слишком

многое: на культуру и прессу, промышленность и театр и так далее и тому подобное. Вместо того чтобы ограничить данную область, закон использовали как инструмент захвата и распространения.

Лингвистический анализ текста показывает, что между целями авторов текста (их коммуникативной установкой) и формой, в которую текст попытались облечь, существует все то же неустранимое противоречие. Закон был вызван не юридическими, социальными или лингвистическими причинами, а, очевидным образом, политическими. В конечном счете, это был поиск национальной идеи, создание своего рода государственного культа русского языка, которому не слишком умело попытались придать форму закона.

Этот текст по своей сути был вовсе даже не законом, а особого рода патриотическим высказыванием о русском языке, содержащим, с одной стороны, его восхваление («декларативная часть»), с другой стороны, не вполне ясную угрозу, не вполне понятно кому адресованную («запретительная часть»). Оставшаяся третья составляющая собственно и несла юридическую нагрузку, придавая тексту как бы юридическую форму.

В процессе прохождения закона третья часть совершенствовалась и улучшалась (в частности, название «О русском языке как государственном языке Российской Федерации» было заменено на «О государственном языке Российской Федерации»), а первые две затухали, однако исчезнуть совсем не могли. В этом случае закон терял бы смысл для предложивших его депутатов, поскольку исчезало его политическое звучание. В результате из семи статей закона содержательную ценность представляют только две: третья («Сферы использования государственного языка Российской Федерации») и пятая («Обеспечение прав граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации»). Но даже в них присутствуют странные формулировки, отражающие, по-видимому, подавленные и скрытые юридической обработкой желания депутатов.

Теперь, если говорить более конкретно, можно выделить те самые отдельные места и формулировки, которые не дают закону о государственном языке быть законом, или, по крайней мере, не дают быть хорошим законом.

В третьей статье, безусловно, неудачным является следующее высказывание:

Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:

<...>

в деятельности общероссийских, региональных и муниципальных организаций телерадиовещания, редакций общероссийских, региональных и муниципальных периодических печатных изданий, за исключением деятельности организаций телерадиовещания и редакций периодических печатных изданий, учрежденных специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках, а также за исключением случаев, если использование лексики, не соответствующей нормам русского языка как государственного языка Российской Федерации, является неотъемлемой частью художественного замысла; в рекламе; в иных определенных федеральными законами сферах.

Попытка целиком охватить (а по существу – захватить) телевидение и газеты, а также рекламу, а также «иные сферы» (последнее звучит не просто многозначительно, а почти мистически) и распространить на них «государственные» и довольно малопонятные запреты (о «несоответствующей лексике» будет сказано ниже) приводит к вынужденной и юридически беспомощной формулировке: за исключением случаев, если использование лек-

стики, не соответствующей нормам русского языка как государственного языка Российской Федерации, является неотъемлемой частью художественного замысла. Как показала практика борьбы с порнографией, корректно определить «неотъемлемость» от художественного замысла в принципе невозможно. Претензия на охват рекламы и «иных сфер» также выглядит смешной, поскольку реклама регулируется другим законом, а иные сферы, сами знаете чем. А ведь последуй депутаты небезызвестной мудрости – не пытаться объять необъятное, и не было бы проблемы. Неужели не очевидно, что герои сериала, участники молодежной передачи, персонажи фельетона и т. п. не должны говорить на государственном языке, даже если речь идет о государственных СМИ.

В пятой статье странной кажется такая формулировка:

Обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации предусматривает:

<...>

получение информации на русском языке через общероссийские, региональные и муниципальные средства массовой информации. Данное положение не распространяется на средства массовой информации, учрежденные специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках.

Получается, что информация должна распространяться в СМИ на государственном языке, то есть русском, правда, это не касается СМИ, вещающих или пишущих на других языках, то есть русские газеты пишут по-русски, а нерусские не по-русски и т. д. Кажется, это называется тавтологией.

Это замечания по поводу самых содержательных статей. Другие же статьи закона даже странно обсуждать. Достаточно привести выдержки, скажем, из статьи 1 «Русский язык как государственный язык Российской Федерации» (бывшее название закона все-таки проникло в его текст в качестве названия первой статьи):

Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве

или

Защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации.

Комментарии излишни, и после прочтения этих двух абзацев (из той самой «декларативной» части) можно закрыть дискуссию и легко ответить на вопрос, необходим ли такой закон. Тем не менее, нужно упомянуть еще один запрет (из статьи 1), вызвавший, пожалуй, наиболее бурное обсуждение:

При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование просторечных, пренебрежительных, бранных слов и выражений, а также иностранных слов при наличии общеупотребительных аналогов в русском языке.

Поскольку только ленивый не поиздевался над этой формулировкой, я ограничусь одним замечанием. Выделение «просторечных, пренебрежительных, бранных слов и выражений», а также определение «наличия общеупотребительных аналогов в русском языке»

для иностранных слов представляет достаточно сложную лингвистическую проблему и поэтому не может быть юридически корректным. Одно дело – запретить нецензурную брань в общественных местах, что уже сделано другим законом (нецензурных, то есть матерных, корней в русском языке ограниченное и вполне четко фиксируемое количество), и другое дело – бороться с просторечием и бранью вообще. Скажем, что такое *идиот*, произнесенное в разговоре с экрана телевизора, – брань или неудачно поставленный диагноз? Можно только посочувствовать судам, которые будут рассматривать дела, опираясь на данный закон.

Что же касается иностранных слов, то здесь все же придется сделать небольшой комментарий. Наиболее спорным, как уже сказано, является наличие русского аналога. Как правило, при заимствовании почти всегда можно говорить о стилистическом или пусть небольшом смысловом сдвиге, так что полной аналогии практически не существует. Борьба с заимствованиями ведется внутри самого языка. Иностранное слово либо благополучно исчезает, либо осваивается и перестает восприниматься как иностранное. Таких заимствований в русском языке огромное количество, и никакого вреда от них нет. Более того, обойтись без них современный человек, говорящий по-русски, просто не может. И конечно, меня самого раздражает леность журналистов, неспособных до конца перевести иностранные выражения или хотя бы перефразировать текст, заменив иностранных «монстров». Но когда я это слышу, моя рука не тянется ни к пистолету, ни, как у депутата, к перу, чтобы написать новый закон и запретить «безобразия». Нужно просто издавать словари и грамматики русского языка и делать это независимо от его «государственности» и соответствующего закона.

В результате доработки закона в окончательной редакции это высказывание преобразовалось в следующее:

При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке.

Формулировка не стала лучше, поскольку понятие нормы в этом случае слишком неопределенно. Однако можно предположить, что депутаты теперь обречены постоянно нарушать закон. Ведь многие из слов, которые мы сегодня регулярно употребляем, еще не вошли в словари русского языка и, значит, «не соответствуют его нормам».

Конечно, глупо отрицать важность государственной поддержки, в том числе финансовой, но я не понимаю, почему для этого необходим закон, содержащий статью 4 под названием «Защита и поддержка государственного языка Российской Федерации», в свою очередь содержащую фразу:

В целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции... принимают иные меры по защите и поддержке государственного языка Российской Федерации.

Неужели «иные меры» нельзя принять без этой фразы, без этой статьи и без этого закона? И уж совсем не могу понять, зачем

Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации.

Неужели у Правительства нет других дел, и неужели нормы русского языка не «утверждаются» сами без всякого правительства?

А поскольку я всего этого не понимаю, то на почти риторический вопрос «Нужен ли нам такой закон о языке?», отвечаю не так, как ответил бы раньше, «нужен, но не такой», а совсем просто – «нет, не нужен».

Какой национальности лицо?

А теперь поговорим о материях столь деликатных, что читателю потребуется напрячь всю изначально присущую ему толерантность.

Итак, вопрос: влияет ли политкорректность на русский язык? Объяснять, что такое политкорректность, я не буду. Хотя само слово заимствовано из английского сравнительно недавно, но оно уже давно вызывает бурные эмоции – от уважения до иронии и даже ненависти. Политкорректность (или реже: политическая корректность), безусловно, сильно повлияла на современный английский и другие германские языки. В этих языках производится правка, ориентированная на устранение несправедливости, прежде всего по отношению к женщине. Справедливость в языке правщиками понимается в основном как симметрия, поэтому, например, в английском рядом со словом *policeman* появляется *policewoman* или нейтральное *policeperson*. Службу ведь несут представители разных полов, и фактически называть женщин мужчинами (*man*) вроде бы нехорошо.

Считается, что феминистическое влияние на русский язык стремится к нулю. Однако первая гендерная лингвистическая революция случилась как раз в русском языке. Ведь, как я уже говорил, введенное после 1917-го года стандартное обращение *товарищ* по сути устранило противоречие (а точнее, противопоставление) между мужчинами и женщинами. Так что отказ от него в постперестроечное время (по идеологическим соображениям) с феминистической точки зрения является шагом назад.

Но в целом, действительно, феминистки и феминисты (вот она политкорректная формулировка!) с русским языком пока ничего такого не сделали. А вот в названиях национальностей, как говорится, отдельные факты имеют место.

И здесь я на время отвлекусь от темы и вспомню одну славистическую конференцию во Франции, в которой мне довелось участвовать. Доклад на русском языке делал английский славист. Точное название доклада я не помню, но было это что-то вроде «Образ черного в русской литературе». Слово *черный* меня слегка покорило, и после доклада я сделал замечание, что *черный* по-русски звучит грубее нейтрального *негра*, да и значит в сущности нечто другое. В ответ я услышал, что русские просто не понимают, что слово *негр* оскорбительно, поскольку оно заимствовано из английского, в котором признано некорректным. Приехавший в Россию, скажем, американец с черной кожей именно так и воспримет русское слово *негр*. Я продолжал утверждать, что в русском слове *негр*, как и в слове *белый*, нет никакого оскорбления, в отличие от того же слова *черный*. Здесь нет особой логики, просто так уж сложилось в языке. К согласию мы так и не пришли, интересно, однако, что в дискуссии, меня поддержали немцы и французы, заметив, что «неполиткорректность» появляется под влиянием именно английского языка.

Приходится повторить, что разговор идет о проблемах столь деликатных, что здесь возможны разные индивидуальные и не всегда предсказуемые реакции.

Вообще русский язык в национальной области совершенно неполиткорректен, и для самых важных в культурном отношении национальностей существуют особые оскорбительные названия, перечислять которые не имеет смысла, поскольку они всем известны.⁴¹ Интересно другое: некоторые вполне нейтральные названия воспринимаются как неполиткор-

⁴¹ Обходиться совсем без примеров обидно, поэтому назову наиболее безобидные и даже юмористические названия, используемые для довольно далеких народов: *итальянцы* – *макаронники*, *французы* – *лягушатники*. Эти «кулинарные» прозвища не являются специфически русскими, они есть и в других языках. Более того, в русском они не слишком-то употребительны и относятся в большей степени к литературе, чем к жизни. Для народов, живущих рядом с русскими или среди них, есть гораздо более оскорбительные названия.

ректные, и им находится замена. Именно это и произошло со словом *негр* в английском языке, что привело к появлению слова *афроамериканец*.

В русском языке на нашем веку такое тоже случалось. В Советском Союзе стало восприниматься как не вполне приличное название одной из национальностей – *еврей*. Причиной этому был государственный антисемитизм, очевидный, но лицемерно скрываемый. В государственных документах (по-видимому, в 70-х годах) было введено своего рода смягчение (как сказали бы лингвисты – эвфемизм): *лицо еврейской национальности*. Так, в 1973 году МВД СССР представило в ЦК КПСС справку «О выезде из СССР лиц еврейской национальности на постоянное место жительства в Израиль». Уже в постсоветское время эта конструкция стала использоваться и для других национальностей, например *лица грузинской национальности* и т. д. Самым же известным следует признать выражение *лицо кавказской национальности*.

Несмотря на видимую политкорректность, эта конструкция оказывается оскорбительней, чем прямое название той или иной национальности. И здесь я вижу два важных момента. Во-первых, она используется вместо нейтрального названия, заменять которое вообще нет причины. Сама по себе замена демонстрирует нежелание прямо назвать национальность (которая загоняется в прилагательное) и тем самым негативное отношение к ней. Достаточно трудно представить себе ситуацию, в которой могли бы использоваться выражения *лица американской национальности* или *лица русской* или *славянской национальности*. В случае с *кавказской национальностью* оскорбительность усугубляется еще и тем, что такой национальности не существует, а объединение происходит формально на основании местожительства (*Кавказ*), а по существу, на основании внешнего сходства.

Во-вторых, эти выражения, в отличие от довольно неуклюжих изменений в английском языке, вводятся властными структурами, то есть воспринимаются как некое политическое и одновременно бюрократическое указание.

Именно поэтому от такой политической корректности возникает совершенно обратный эффект.

Из сказанного, пожалуй, можно вывести некую достаточно банальную мораль. Сознательная правка языка часто имеет непредсказуемые для правщика последствия. В смысле, хотели, как лучше, а получилось... ну вы сами знаете. Так что, может, и ничего страшного, что в отношении политкорректности русский язык пока сильно отстает.

Внешняя лингвистическая политика

Вокруг нас все время что-нибудь переименовывают. Улицы, города, страны, людей, даже номера телефонов (если, конечно, к ним подходит это слово). Недавно переименовали мой дом, сделав его из второго корпуса самостоятельным номером. Меня это жутко раздражает, потому что я как нормальный обыватель хочу прежде всего стабильности, а ее нет. Как лингвиста же меня это забавляет, потому что дает очередной повод поразговаривать на профессиональные темы, что я собственно и делаю. Здесь нет никакой глубокой теории, зато много любопытных случаев. Когда речь идет о чужих городах да странах, лингвистика причудливо смешивается с политикой, и это придает особый градус обсуждению.

Начну издалека. Когда-то были очень странно переименованы две страны. Вместо *Островов Зеленого Мыса* появилось государство под названием *Кабо-Верде*, а вместо *Берега Слоновой Кости* – загадочное *Кот-Д’Ивуар*. Вообще говоря, настоящего переименования государств в этом случае не было, просто раньше их названия переводились на русский и другие языки, а потом перестали. И пришлось заимствовать в первом случае португальское, а во втором французское названия. Сделано это было по просьбе самих государств, что с политической точки зрения, наверное, правильно, однако жить (в смысле – разговаривать) всем прочим народам – и в том числе нам, россиянам, – стало чуть сложнее.

Но больше всего хлопот русскому языку доставили ближайшие соседи и недавние сограждане в период распада СССР и укрепления национального сознания. Именно тогда появились в русском языке *Алма-Аты*, *Ашгабад*, *Кыргызтан*, *Беларусь*, *Молдова* и многое другое. Кому-то из русскоговорящих удалось овладеть новыми названиями, кому-то нет, а основная масса просто запуталась – как же правильно? Вот, например, два крайних случая. Киргизы переименовали свою столицу из *Фрунзе* в *Бишкек* (что неудивительно). Естественно, что это реальное переименование должно быть отражено и в русском языке: город теперь называется иначе и по-киргизски, и по-русски. Эстонцы же не меняли название своей столицы *Tallinn*, но просто намекнули, что и по-русски следует на конце писать два «нн» – *Таллинн*. Некоторое время это требование выполнялось, например в газетах, но потом, к счастью, все вернулось на круги своя, и мы снова пишем «*Таллин*». Дело в том, что эстонское написание в принципе не должно влиять на русское. Здесь нет никакого великорусского шовинизма, а есть простое уважение к русскому языку или, точнее, к русской языковой традиции. Традиция эта сложилась лишь по поводу важных для русской культуры названий (в том числе и соседских). Переименовать столицу какого-нибудь далекого и маленького островного государства нам в принципе не так уж и сложно (скорее всего, мы никогда в жизни не употребим это слово), а вот *Вену*, *Париж* или *Рим* ни за что. Да, кажется, австрийцы, французы и итальянцы особо и не настаивают на «правильных» названиях: *Вин*, *Пари* и *Рома*.

Именно поэтому, при всем уважении к Киргизии, Белоруссии и Молдавии, я не понимаю, почему из русского языка должны уйти эти слова, не говоря уж о трудностях произношения слогов «*кы*» и «*гы*». Честно говоря, и в слове *Прибалтика* мне не слышится никакого посягательства на независимость трех прибалтийских стран. В конце концов давайте достигнем компромисса: пусть политики имеют дело со странами *Балтии*, а отдыхать мы все-таки поедem в *Прибалтику*.

Самый актуальный сегодня лингво-политический вопрос связан даже не с переименованием, а с использованием предлога. Как правильно: *на Украине* или *в Украине*? Ответ простой. Конечно, *на Украине*, если говорить по-русски. И главное, это не зависит от политической конъюнктуры. Почему обычно для стран мы используем предлог *в*, а тут – *на*? Это свидетельствует только об особой выделенности (и тем самым – важности) Украины для

русского языка (не буду вдаваться в исторические подробности), а не об особом отношении к сегодняшней украинской государственности. Поверьте, ничего личного.

Проблемы у русского языка возникают не только с соседними странами, но и с национальными республиками. И здесь традиционные русские названия заменяются заимствованиями из соответствующих языков. Это приводит, пожалуй, только к тому, что человек далекий от политики не знает, как назвать ту или иную республику или даже историческую область.

Надо сказать, что все эти изменения в русском языке провоцируются русскими же политиками, точнее, соответствующими службами, рассылающими циркуляры с новыми названиями. Таковы политики не только России. В США совсем недавно решили переименовать *Kiev*, который теперь нужно писать как *Kyiv* (в соответствии с украинским написанием). О чем же свидетельствует это переименование: об уважении к украинскому языку или о неукорененности названия города в английской языковой культуре (по крайней мере, с точки зрения политиков)? Ведь не приходит же в голову американским политикам писать *Moscow*, *Prague* или те же *Rome* или *Vienna* так, как принято в соответствующих странах.

Из всего сказанного следует одна очень простая мысль. Язык, по крайней мере в этой области, не является инструментом ни унижения других государств и наций, ни особого уважения к ним. Он становится таковым лишь по прихоти националистически ориентированных политиков, не важно, с какой стороны.

Нам же, то есть тем самым простым обывателям (боюсь, что не все захотят ко мне присоединиться), следует просто с уважением относиться к русскому языку (да и к другим тоже). И без особой нужды ничего не менять. Так как-то спокойнее будет.

Слово вне закона

Попробую закончить эту книгу тем же, чем начал, – случаями из жизни. Только на этот раз не из моей личной, а из нашей общей – российской или просто человеческой. Эти случаи касаются попыток изменений языка законодательно или предложений такого рода. Думаю, что в пространном комментарии они не нуждаются.

Новость из интернета. Президент Ирана запретил пиццу. Ну, конечно, не саму пиццу, а слово *пицца*. А вместо него предписал использовать персидское словосочетание *эластичная лепешка*. Так же велено поступать и со всеми прочими иностранными заимствованиями. Персидская академия уже предложила около двух тысяч замен для заимствований из западных языков.

Вроде бы смешно. Из какой-то далекой, не нашей жизни. Но вспомните закон о государственном языке. Я имею в виду наш закон, в котором «не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». То есть слова типа *пиццы* тоже вроде бы вне закона, ведь и мы можем сказать – *эластичная лепешка*. Педант заметит, что это не общеупотребительный аналог. Ну тогда – реальный пример. Слово *компьютер* при таком законе не смогло бы войти в русский язык, потому что уже существовало *ЭВМ*.⁴² Кстати, если кто-то из читателей в публичной речи скажет *окей* (в интервью, с экрана телевизора и т. п.), пусть знает – он нарушает закон (надо говорить *ладно* или *хорошо*).

Но наш закон хорош одним. Лежит себе, его не трогают – и он не трогает. Возможно, поэтому в последнее время принимаются новые «лингвистические» законы и постановления. В июле 2006 года их было целых два (а для одного июля это много). Во-первых, Госдума фактически запретила три слова: «доллар», «евро» и «у. е.». Их нельзя упоминать ни в публичных выступлениях, ни в публикациях, ни при указании цен товаров и услуг. Замечу, что это очевидное расширение закона о языке, поскольку рубль никак нельзя считать «общеупотребительным аналогом» этих слов, да и сами они давно вошли в русский язык.

Во-вторых, в этом же году Росохранкультура и Росрегистрация запретили словосочетание «Национал-большевистская партия» и соответствующую аббревиатуру НБП, мотивируя тем, что нет такой партии.

В общем, всегда надо быть бдительным. Ведь поле битвы проходит не просто между нами, но прямо по нам, по нашему языку. Время от времени в нем заводятся неблагонадежные слова, и приходится прилагать постоянные усилия, чтобы с ними бороться. Язык – мечту всякой власти – описал в романе «1984» Джордж Оруэлл. На придуманном им новоязе (по-английски – *newspeak*) в принципе невозможно выразить неблагонадежные мысли. А пока в действительности новояза не существует, приходится то лаской, то законами удалять «нехорошие» слова и заменять их на «хорошие», «неправильные», так сказать, на «правильные». Изобретать благонадежные слова – работа тяжелая, но необходимая, можно прямо сказать, дело государственной важности. Слова вредные придумывает, к сожалению, сам народ, и он же их распространяет, а вот борются с ними люди ответственные и государственные, хоть подчас и анонимно.

⁴² Свидетельством этому может служить известный и, безусловно, лучший на то время англо-русский словарь А. Б. Борковского по программированию и информатике, второе издание которого было выпущено в 1989 году с допечаткой в 1990 (первое издание вышло в 1987 году). Приведу в качестве примера две, может быть, главные словарные статьи. Для английского слова *computer* предлагаются следующие переводы: (*вычислительная*) *машина*, *ЭВМ*, *компьютер*, а для слова *printer* – *печатающее устройство*, *устройство печати*, *принтер* (именно в таком порядке!). Единственные сохранившиеся сегодня названия – заимствования – предлагаются лишь как третьи варианты.

В советское время вместо слов *стукач* или *доносчик* в официальном языке использовалось слово *информатор*. Народ же над делом государственной важности еще и издевается, и даже его пародирует. В послеперестроечное время появилось слово *демократизатор*, обозначающее резиновую дубинку и намекавшее на ее предназначение. В принципе, хорошее слово, но в нем таилась ирония, а ирония, как известно, самая неблагонадежная вещь на свете.

Но вернемся к интернету и случаям из жизни.

Lenta.ru сообщила, что вице-премьер Александр Жуков сказал 5 апреля 2005 году на конференции Высшей школы экономики «Модернизация экономики и выращивание институтов» буквально следующее: «Люди устали от реформ. Но люди устали и от плохой системы здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства. От этих плохих вещей люди устали еще больше. Наверное, нужно использовать какое-то другое слово вместо “реформа”, например “изменение к лучшему”».

Вице-премьер – остроумный человек, но не проще ли не проводить таких реформ? Тем более что обмануть ни язык, ни людей все равно не удастся – не пройдет и полгода, как люди начнут уставать от *изменений к лучшему*. В словах Жукова, конечно, присутствует ирония, но уж очень по-оруэлловски, по-новоязовски это звучит.

Опять же в интернете появилась информация, что в октябре 2005 года представители центральных каналов на встрече с представителями администрации президента получили списки неблагонадежных слов и рекомендации по их замене. Все эти слова отражают усилия по борьбе с терроризмом в области языкознания. Например, слово *моджахед* следует заменять на *боевик* или *террорист*, а слова *эмир*, *имам*, *шейх*, *полевой командир* – на *главарь бандформирования*. Соответственно:

неправильные слова – правильные слова

ваххабит – *исламский экстремист*

пояс шахиды – *пояс со взрывчаткой*

джихад – *диверсионно-террористическая деятельность*

Рекомендации были приняты к сведению, хотя нет-нет, а журналисты, видимо по забывчивости, все-таки говорят не вполне благонадежно.

Замечательно, что совершенно также думают и европейские чиновники, о чем написала газета «Телеграф» («The Telegraph»). Оказывается, правительства европейских стран, входящих в Евросоюз, решили отказаться от термина *исламский терроризм* и заменить его менее эмоциональным определением «*терроризм, который прикрывается исламом*».

Чиновники и дипломаты из 25 стран ЕС разрабатывают специальный словарь, который не оскорблял бы чувств законопослушных мусульман и мог бы использоваться во время публичных дискуссий по вопросам терроризма и религиозного экстремизма.

Разработчики справочника надеются, что данное пособие если и не будет обязательным для европейских стран, то его рекомендациями воспользуются Парламент Евросоюза и Комиссия по правам человека ЕС. Корректировке подвергнутся лексические обороты с использованием слов *исланизм*, *фундаментализм* и *джихад*.

Словарь создается рабочей группой европейских чиновников, ее начинание поддерживает координатор антитеррористической деятельности Евросоюза Жиз де Ври (Gijs de Vries).

Еще один пример, характерный в основном для западной цивилизации, поскольку речь идет о воздействии на язык через суд. Lenta.ru со ссылкой на газету «Файненшл таймс» («The Financial Times») сообщает (привожу с небольшими сокращениями):

Руководство сети ресторанов быстрого питания McDonald's потребовало переписать все статьи в британских словарях, которые характеризуют работу в закусочных подобного типа под определением McJob.

Глава североευропейского отдела по подбору персонала компании Дэвид Фэйрхерст заявил, что данное определение «ошибочно и оскорбительно для служащих подобных заведений».

Оксфордский английский словарь (OED) так описывает понятие McJob: низкооплачиваемая, непрестижная, не требующая высокой квалификации и бесперспективная работа, обычно в сфере обслуживания. Словарь не дает прямой отсылки к ресторанам McDonald's, однако даже из названия этого вида деятельности можно понять, откуда произошел McJob.

Руководство ресторанов, отстаивая свою позицию, ссылается на профессиональный журнал для владельцев гостиниц *Caterer and Hotelkeeper magazine*, который назвал их закусочные «лучшим местом» по такому показателю, как гостеприимство.

По словам Дэвида Фэйрхерста, McJob должно получить новое определение, которое отражает работу, «имеющую стимул, представляющую пользу и предлагающую истинные возможности для карьерного роста и обретения необходимого в дальнейшей жизни опыта». Представители OED в свою очередь заявили, что «следят за изменениями и корректируют статьи, если на то есть достаточные основания».

И, наконец, самый последний пример. В апреле 2007 года в блоге Алексея Тутубалина (blog.lexa.ru) появилась информация о том, что компания «Майкрософт» потребовала от разработчика программа проверки русской орфографии (русского спел-чекера) для MS Office убрать из словаря «оскорбительные» слова, чтобы программа подчеркивала их красной волнистой чертой, т. е. помечала как несуществующие. В результате несуществующими в русском языке оказались такие слова, как *жид*, *негр* и даже *розовый* и *голубой*. Я не люблю слово *жид*, но, как это ни прискорбно признавать, в русском языке оно существует. О слове *негр* я написал уже достаточно, а с *голубым* и *розовым* история приобретает совершенно анекдотический оттенок. Все-таки значения, которые кто-то мог бы счесть оскорбительными, для русского языка не являются основными, а запретить *голубое небо* и *розовый бант* не под силу даже всемогущему «Майкрософту». Не буду мучить читателя – все кончилось хорошо: правка языка не состоялась. Но сама попытка весьма показательна.

Итак, лингвистическая работа в органах власти и судах идет постоянно. Очевидно, впрочем, что, пытаясь запретить те или иные слова, власть или компании решают отнюдь не лингвистические, а совершенно конкретные политические или экономические вопросы. Но ведь и несчастная *пицца* пострадала по политическим мотивам. Оживление интереса к языку со стороны власти случайностью быть не может. В частности, за всеми призывами к защите русского языка скрывается простое желание регулировать это плохо поддающееся явление. Если вдуматься в этот призыв (что как-то не принято делать), то неизбежно возникнет вопрос: «Кто и от кого должен защищать русский язык?» Ну, кто будет защищать, очевидно, – это, конечно, власть. А вот от кого? Ведь это не американцы или итальянцы (не забывайте о пицце) протаскивают в нашу речь свои слова, это мы сами. Тем более если речь идет о жаргоне или брани. То есть защищать русский язык надо от нас, его носителей. На мой взгляд, многих сторонников защиты русского языка это должно было бы по крайней мере насторожить.

В начале книги я упомянул об одном своем «нежелании», связанном с языком. Сейчас это можно сформулировать яснее. Мне очень не хочется, чтобы по поводу языка издавались какие-то законы и постановления, принимались судебные решения, и меня и мой родной язык таким образом регулировали бы или, что еще хуже, мой язык от меня таким образом защищали. Как и любой носитель языка, я имею полное право считать себя его хозяином,

хотя и не единоличным, конечно. Да и вообще, язык, как и природа, не имеет злой воли, а вот про власть этого же с уверенностью сказать нельзя.

Поэтому будьте бдительны, правка языка продолжается. Бойтесь правки языка.

Послесловие

Я писал эту книжку не потому, что русский язык находится на грани нервного срыва. Переживаем и нервничаем мы сами, и, наверное, это правильно. Только не надо переходить ту самую грань. Слухи о скорой смерти русского языка сильно преувеличены.

И все-таки о русском языке надо беспокоиться. Его надо любить. О нем надо спорить. Но главное – на нем надо говорить, писать и читать. Чего я всем и желаю.